

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ
АПРЕЛЬ **N2(152)**

МОСКВА 2024

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2024. № 2 — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшковиц (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков; д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183

e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/flhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2024

Содержание

К выздоровлению! (<i>Главный редактор</i>)	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>В.В. Бирюков</i>	
Философия хозяйства и философия экономики как альтернативные исследовательские стратегии	11
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Мироустройство: метафизика новых реалий, переформатирования и места РФ	27
<i>М.М. Гузев</i>	
Россия в борьбе за Россию, демография: между Сциллой и Харибдой	45
Раздел II. Экономическая теория	
<i>К.А. Хубиев</i>	
Россия в системе цивилизационного цикла	57
<i>В.Е. Гаврилова</i>	
Реальные и мнимые функции денег в современных условиях	72
<i>Н.П. Недзвецкая</i>	
Цифровая экономика как отражение новой хозяйственной реальности	89
<i>М.Л. Хазин</i>	
Сравнительная характеристика СССР в 1991 г. и США в 2024 г.	97
<i>В.П. Мищенко</i>	
Национальная инвестиционная модель: параметры и приоритеты	101
<i>М.Ю. Павлов</i>	
География постэкономики: родовые поместья как вектор будущего	116
Раздел III. Актуальная философия	
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Постправда — карма истины	135
<i>А.Н. Фатенков</i>	
Кант и Гегель в конкурентной среде субъектного дискурса	152

<i>К.Н. Холоднова</i>	
Истоки антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского.....	160
Раздел IV. Актуальная гуманитарная мысль	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Истец: «Что есть истина?» Сага о невозможной возможности знать незнаемое (Мытарства гуманитария, или Фантазийные ухищрения простеца).....	175
<i>С.В. Бирюков</i>	
Россия: к созданию национальной идеологии в качестве ответа на современные вызовы	197
Раздел V. Актуальное прошлое	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Российская реформация. Социопроjekt (выступление на круглом столе).....	208
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Экономическая наука на перепутье	287
Анонсы — 2024	293
Наши авторы	298

Contents

Towards Recovery (<i>Chief Editor</i>).....	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>V.V. Biryukov</i>	
Philosophy of Economy and Philosophy of Economics as Alternative Research Strategies	11
<i>S.G. Kovalev</i>	
World Order: Metaphysics of New Realities, Reformatting and the Place of the Russian Federation	27
<i>M.M. Guzev</i>	
Russia in the Struggle for Russia, Demography: Between Scylla and Charybdis	45
Part II. Economic Theory	
<i>K.A. Khubiev</i>	
Russia in the System of the Civilizational Cycle	57
<i>V.E. Gavrilova</i>	
Real and Imaginary Functions of Money in Modern Conditions	72
<i>N.P. Nedzvetskaya</i>	
Digital Economy as a Reflection of the New Economic Reality	89
<i>M.L. Khazin</i>	
Comparative Characterisation of the USSR in 1991 and the USA in 2024.....	97
<i>V.P. Mishchenko</i>	
National Investment Model: Parameters and Priorities.....	101
<i>M.Yu. Pavlov</i>	
Geography of Post-Economy: «Kin Domains» as a Vector of the Future	116
Part III. Actual Philosophy	
<i>N.B. Shulevsky</i>	
Post-Truth as Karma of Truth	135
<i>A.N. Fatenkov</i>	
Kant and Hegel in the competitive environment of Subjective Discourse	152
<i>K.N. Kholodnova</i>	
The Origins of F.M. Dostoevsky's Anthropological Principle of Duality.....	160

Part IV. Actual Humanitarian Thought

Yu.M. Osipov

Claimant: «What is the Truth?»

Saga about the Impossible Opportunity to Know the Unknowable
(Ordeals of a Humanist or Fantasy Tricks of a Simple Human) 175

S.V. Biryukov

Russia: Towards the Creation of a National Ideology
as a Response to Modern Challenges 197

Part V. Actual Past

Yu.M. Osipov

The Russian Reformation. Social Project
(speech at the round table) 208

Scientific Life

Yu.M. Osipov

Economics at a Crossroads 287

Anounce 293

Our Authors 298

К выздоровлению!

Не Лукулла, конечно, а нас — россиян, точнее, российского социума, прежде всего его гуманитарной составляющей — гумуса, так сказать, о-очень замыганного славным тридцатилетним новым бытием, включая и то из гумуса, что по привычке все еще зовется гуманитарной наукой, а по сути-то будучи не так собственно наукой, как всего лишь гуманитарным знанием, по преимуществу знанием... незнания, можно сказать, что и культурой, что совсем и не плохо, но что на науку с ее точностью совсем не тянет, да и не должно тянуть, ибо предмет у сего знания-культуры отличается как раз не точностью, а заядлой и неизбывной неточностью.

Формально гуманитарная наука вроде бы есть, она даже входит в научный реестр, или попросту в академический перечень наук, однако от науки сей или от такого формализованного к ней подхода (утверждения) попахивает не чем-нибудь, а... самым настоящим оксюмороном, ибо наука-то формально есть, только вот в решающей мере она вовсе не о научном предмете, а метанаучном, отчего и оксюморон. Выходит, что предмет здесь в основе не научный, а отражение его в головах людских де научное, точнее, как бы научное, то бишь чуть ли не физическое (физикалистское), а на самом деле он, предмет, вполне себе метафизический, что как раз и корреспондентно бытующей гуманитарности.

Если уж у физиков (исследователей, испытателей, опытников, еще и математиков) все не так просто с физикой и метафизикой, ибо и у них в предмете и даже в подбрюшье самой науки физики таится самая настоящая метафизика, то бишь онтологическая и гносеологическая неясность, неизвестность, тайна, отчего физика в значительной своей части есть не более чем одетая в научные одежды метафизика, лишь ловко упрятанная за ширмой физики, то говорить о гуманитарстве, где метафизики не то что хватает, а где ее, что называется, по самое не могу, где она в явном онтологическом и гносеологическом приоритете, пусть учеными и упорно не признаваемом.

Много на свете мыслящих физиков, а вот физика-то у них более или менее одна, пусть и с разными в частности представлениями и гипотезами (как раз там, где и таится проклятая метафизика), а вот тех же философий на свете столько, сколько мыслящих филосо-

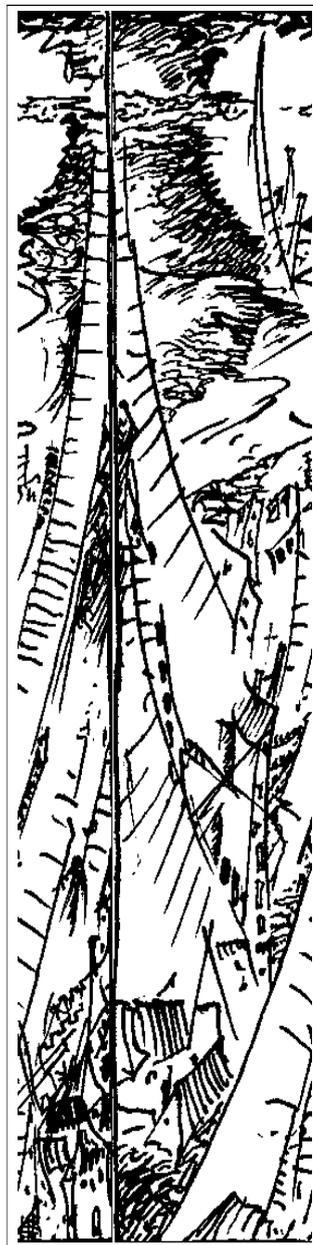
фов, и несть меж ними никакого концептуального единения, что как раз и доказывает приоритет в гуманитарстве гуманитарной же метафизики надо всякой навязываемой сему гуманитарству гуманитарной-де физикой.

Что из всего этого следует? А то, что к гуманитарности надо относиться по-гуманитарному, то бишь менее всего физически (физикалистски), а более всего метафизически, за чем стоит о-чень не простая, знаете ли, вещь, она же и весть: *свобода гуманитарной мысли*, разумеется, не как развязная вседозволенность болтать что ни попадя, а как ответственно осознанная возможность ответственно говорить от себя и свое, разумеется, неся внутреннюю по совести ответственность за проговариваемое, однако не перед кем-то или чем-то субъективно навязанным, а перед, во-первых, реальностью, во-вторых, жизнью, человечностью, гумусом, а в-третьих, перед правдой, пусть хотя бы торчащей где-то за горизонтом, но все-таки... торчащей!

И что с выздоровлением? А то, что надетье за последнее время торжества пореформенности на науку вообще, а уж на гуманитарную науку, точнее, гуманитарную мысль, тем более, якобы упорядочивающие науку и мысль менеджеральные вериги оказывают не просто болезнетворное, но прямо-таки умерщвляющее воздействие, причем уже и на остатки национальной гуманитарности, подменяя ее формалистической и пустой гуманитарщиной, отчего вериги сии должны быть решительно отменены, а гуманитарной мысли должна быть предоставлена живительная для нее свобода, разумеется, имманентно ответственная.

Без свободной и, повторяю, граждански ответственной гуманитарности нет ни свободной нации, ни суверенной государственности, ни исторического народа, ни блестящей элиты, ни эффективно-го правления нет: тут ведь не мнение, а суровый исторический императив!

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

В.В. БИРЮКОВ

**Философия хозяйства и философия экономики
как альтернативные исследовательские стратегии***

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, которые связаны с особенностями формирования исследовательских стратегий философии хозяйства и философии экономики, а также перспектив развития экономической теории в рамках данных стратегий. В работе показано, что в философии экономики сложились в настоящее время два основных направления исследований, связанных с разработкой мейнстримовских (неоинституциональных) и неортодоксальных версий теоретических описаний в рамках общих методологический основ, исключающих возможность создания так называемых «больших теорий». В отличие от философии экономики философия хозяйства опирается на фундаментально иную исследовательскую стратегию, которая исходит из наличия у субъектов одновременно частных и общественных интересов и которая базируется на интеллектуальной традиции, возникшей еще в античный период и связанной с объяснением поведения человека, исходя из его двойственной природы. В результате появляется возможность перехода к новой исследовательской парадигме, ориентированной на изучение национальной экономики как сложной системы исходя из того, что народ является верховным субъектом хозяйствования.

Ключевые слова: философия хозяйства, философия экономики, двойственная природа субъекта экономики, национальное хозяйство, верховный субъект хозяйствования.

Abstract. The article discusses issues that are related to the peculiarities of the formation of research strategies for the philosophy of economy and philosophy of economics, as well as the prospects for the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бирюков В.В. Философия хозяйства и философия экономики как альтернативные исследовательские стратегии // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 11—27. DOI: 10.5281/zenodo.10869232.

development of economic theory within the framework of these strategies. The work shows that in the philosophy of economics there are currently two main directions of research related to the development of mainstream (neo-institutional) and heterodox versions of theoretical descriptions within the framework of general methodological foundations, excluding the possibility of creating such-called «grand theories». Unlike the philosophy of economics, the philosophy of economy is based on a fundamentally different research strategy, which is based on the presence of both private and public interests in subjects and which is based on the intellectual tradition that arose in the ancient period and is associated with explanation of human behavior based on its dual nature. As a result, it becomes possible to transition to a new research paradigm, focused on the study of the national economy as a complex system based on the fact that the people are the supreme economic entity.

Keywords: philosophy of economy, philosophy of economics, dual nature of the economic subject, national economy, supreme economic subject.

УДК 330
ББК 65в

Введение

Происходящие в настоящее время события свидетельствуют о возросшей за последние три десятилетия пропасти между экономической теорией и экономической реальностью. Сегодня поиск путей выхода экономической теории на качественно новый уровень складывается на основе внутридисциплинарного дискурса сторонников мейнстримовского и неортодоксального подходов к исследованию экономики. Сторонники мейнстрима фокусируют внимание на снижении интереса в настоящее время к «большим теориям» и возрастании значимости прикладного характера экономических работ; а также указывается на то, что в связи с процессами междисциплинаризации утверждение о доминировании неоклассики в экономическом дискурсе становится все менее обоснованным [2; 19]. Представители альтернативного направления указывают на важность установления природы кризиса экономической науки и перехода к новому теоретико-методологическому формату, который позволяет отказаться от абсолютного доминирования неоклассики, учитывает

основные идеи неортодоксального направления и формирует знания, позволяющие решать современные задачи [5; 6; 15].

Парадоксальность сложившегося внутридисциплинарного дискурса состоит в том, что при обсуждении альтернатив трансформации экономической теории вне внимания остается фундаментальная проблема, связанная с тем, что не подвергается сомнению сформировавшееся на основе методологического консенсуса «жесткое» ядро парадигмы, используемой представителями конкурирующих исследовательских стратегий. В результате сегодня экономистами обычно осознанно или неосознанно применяются методы исследований, которые не затрагивают «жесткого» ядра, а касаются только периферии; при этом на основе процессов «междисциплинаризации» создаются эклектичные и фрагментированные теоретические описания [4]. В связи с этим важным становится парадигмальное изменение видения картины экономической реальности на основе пересмотра философских основ экономического мировоззрения.

Философия экономики и философия хозяйства: парадигмальные различия в видении проблемного поля

В конце прошлого века в условиях методологического поворота социогуманитарных наук к культуре, связанного с признанием значимости культурных ценностей как ключевого фактора мышления и поведения человека, в экономическом сообществе возникли дебаты о кризисе доминирующей в экономической теории неоклассической версии, что вызвало появление современного этапа переосмысления методологических основ в рамках «новой» философии экономики, а также сопровождалось превращением неoinституционализма и поведенческой экономики в основные направления экономического мейстрима. Сегодня философия экономики часто рассматривается как перспективная область исследований, которая разрабатывается западными и российскими экономистами и философами на основе различных подходов.

Для понимания специфики формирования знаний в рамках философии экономики важно учитывать, что доминирующая традиция в западной метафизике является атомистической; и экономисты обычно культурно наследуют ее без особых размышлений [24]. Фактически, в настоящее время «новая» философия экономики яв-

ляется направлением исследований, которое сформировалось и развивается в соответствии со сложившейся в последние полтора столетия парадигмой; ее жестким ядром остается *homo economicus*, что обуславливает фрагментированное видение картины экономической реальности. При этом в зарубежной философии экономики утвердились два основных исследовательских направления, связанных с двумя альтернативными стратегиями — мейнстримовской (неинституциональной) и неортодоксальной [4; 21; 22]. В нашей стране, как и в зарубежной философии экономики, возникли два аналогичных основных направления: первое рассматривает философию экономики с точки зрения классических разделов философского знания — онтологии, гносеологии, аксиологии, методологии и антропологии; второе направление в трактовке предмета философии экономики опирается на подход, где ключевым элементом данной дисциплины является эпистемология [17].

Таким образом, в зарубежной и российской версиях философии экономики сформировался общий взгляд на проблемное поле, в рамках которого становится невозможной разработка так называемых «больших теорий», позволяющих противостоять тенденции фрагментации. В результате сегодня отмечается, что хотя экономический мейнстрим в последние десятилетия и значительно изменился, но эти изменения происходили преимущественно в направлении большей разнородности; в обозримом будущем представляется маловероятным создание больших теорий [1].

Отечественные исследователи часто отмечают, что кроме философии экономики в нашей стране сложилось принципиально иное исследовательское направление — философия хозяйства. Предметные различия между философией экономики и философией хозяйства, как считает Л.А. Тугов, состоят в том, что «в философии хозяйства рассматривается творческий субъект... в философии экономики — экономический агент, преследующий... максимизацию полезности... Философия хозяйства гуманистична по своей природе, философия экономики целесообразна и практична» [18, 53]. Однако важно учитывать, философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще. Философия хозяйства не отрицает наотмашь ничего из гуманитарной мысли: но она лишь что-то из всего этого преодоле-

вает, ибо она, если так можно выразиться, целостно точечна и точно целостна [16, 11].

Сторонники философии экономики декларируют, что их исследования способствуют постижению сущности экономических явлений и процессов. Вместе с тем их трактовка экономических мотивов субъектов в русле утилитаристской этики исключает возможность изучения экономики как системы сущностных (институциональных) форм отношений и связей взаимодействующих субъектов. Это связано с тем, что ни одна социальная система не может функционировать, если каждый ее субъект не руководствуется ничем иным, кроме собственных утилитарных целей [20, 527—528]. В рамках философии хозяйства, в отличие от философии экономики, хозяйство рассматривается как «органическое целое, которое больше простой суммы своих частей, и лишь оно определяет их смысл»; «хозяйство должно уже существовать в своих основах, чтобы возможны были эти отдельные акты, а не наоборот» [7, 147].

Методологический фундамент современной экономической науки, состоящий из жесткого ядра и периферии, предполагает, что экономические мотивы субъекта порождают появление только частных интересов, а неэкономические мотивы — общественных интересов. Такой подход к анализу человека Р.И. Капелюшников охарактеризовал как «антропологический» дуализм, или, если так можно выразиться, как «шизофреническое» раздвоение [12, 121].

Философии экономики для объяснения поведения субъекта, руководствующегося сугубо индивидуальными экономическими мотивами и интересами, приходится исходить из того, что особенности его поведения определяются влиянием экзогенных факторов. В рамках используемого, в связи с этим структуралистским описанием, экономического субъекта становится «узником» сложившихся обстоятельств. В философии хозяйства рассматривается творческая деятельность человека, который обладает знаниями и способностями участвовать на основе разделения труда в воспроизводстве и изменении интегрированного единого национального хозяйства.

В результате возникают фундаментальные предпосылки для разработки исследовательской парадигмы, позволяющей выйти на новый уровень понимания противоречивых процессов развития национальной экономики как сложной системы.

Основное противоречие национальной экономики и парадигмальный пересмотр подходов к ее исследованию

Разработка парадигмальной альтернативы индивидуалистической методологии предполагает радикальный пересмотр экономической антологии, исходя из понимания хозяйственной деятельности человека как сложного процесса его участия в разнородных и многоуровневых связях хозяйственной системы. При этом важно опираться на сложившуюся в общественных науках интеллектуальную традицию интерпретации поведения человека, исходя из его двойственной природы.

Существование интеллектуальной традиции объяснения поведения человека на основе изначально двойственной природы и наличия у него дуалистического мышления можно проследить от Античности вплоть до наших дней. Философской мысли издавна известна фундаментальная особенность человека, связанная с тем, что в нем сталкиваются два противоположных начала. Раздвоенность человеческой природы характеризовалось различными способами, например: противопоставлением тела и души, разделением человека на существо физическое и существо социальное; однако смысл этой фундаментальной особенности сохраняется. В социологической концепции двойственной природы человека, разработанной Э. Дюркгеймом, обращается внимание на то, что общество возникает лишь при условии, когда оно пронизывает индивидуальные сознания и формирует их по своему образу и подобию. Поэтому многие основные ментальные состояния человека имеют социальное происхождение, а человек во все времена чувствовал эту двойственность [11].

Поиск удовлетворительной экономической теории порождает настоятельную потребность выхода из сложившегося исследовательского тупика на основе учета того очевидного факта, что природа экономического субъекта двойственна. При этом субъекты экономики, в силу двойственного характера их экономической деятельности, являются носителями индивидуальных и общих характеристик экономической культуры общества и обладают широким спектром экономико-ценностных ориентаций и связанных с ними мотивами экономической деятельности [3].

Двойственной природой человека обуславливается формирование двойственной структуры важнейших форм экономических связей и процессов национального хозяйства, которые остаются явно недостаточно исследованными в связи с тем, что в экономической теории широкое распространение получила эклектичная версия использования метода двойственности в результате монистической трактовки экономических мотивов и интересов человека. При этом не принимаются во внимание особенности использования метода экономической двойственности, который сложился в классической политической экономии и философии хозяйства в соответствии с аристотелевской традицией и исходит из концепции двойственной природы хозяйственной деятельности человека, а не концепции «*homo economicus*». Так, в соответствии с двойственной природой человеческого мышления и поведения в философии хозяйства С. Булгаков хозяйственную жизнь рассматривает как двойственный процесс, который складывается в результате взаимодействия множества человеческих сознаний и единство которого обеспечивается духовной сущностью человека. В связи с этим в философии хозяйства возникает возможность исследования хозяйства во всем его многообразии.

Классики политэкономии, в отличие от сторонников концепции субъективной стоимости (ценности) и современной исследовательской парадигмы, рассматривали субъектов экономики как носителей не только индивидуальных, но и общественных по своему статусу экономических черт. В результате специфика экономического мышления и мотивов поведения субъектов определяется необходимостью построения устойчивых рыночных связей исходя из того, что общепринятой справедливой оценкой затрат на производство продукта является величина затрат труда среднего работника общества. В классической теории с помощью метода двойственности раскрывается эндогенный процесс системно связанных взаимодействий субъектов и развития национального хозяйства как целостного организма на основе объяснения взаимосвязей сущностных (субстанциональных) и функциональных форм хозяйственной деятельности. В связи с этим в соответствии с положением Аристотеля о необходимости поддержания обмена товарами на базе справедливой цены описывался процесс возникновения рыночной

цены на основе формирования равновесной (справедливой) цены, обеспечивающей равенство выполненных работ.

Широкому распространению сложившейся исследовательской парадигмы, «жестким» ядром которой является одномерная концепция «*homo economicus*», способствует упрощенная и искаженная интерпретация представленного К. Марксом в «Капитале» описания экономической системы. Важно учитывать, что исследование стихийной формы взаимодействия частных интересов в рамках простого товарного производства и обмена как целостной системы хозяйствования он осуществлял с помощью двухуровневого подхода, который характеризует механизм реализации двойственного характера труда, выражающего основное противоречие: «...противоположность частного труда, который в то же время должен выразить себя в качестве труда непосредственно общественно-го...» [12, 124].

На базовом (субстанциональном) уровне Маркс рассматривает особенности формирования институциональных форм связей исходя из того, что субъекты обладают индивидуальными и общими экономическими мотивами и интересами. Он показывает, что общественную субстанцию стоимостей товаров образует одинаковый, общественно-средний труд человека, а деньги выступают формой проявления имманентной товарам меры стоимости — рабочего времени. В результате в рыночном хозяйстве возникает двойственная система институциональных (общественных) измерителей — стоимости производства товара, характеризующей соответствующую часть затрат времени совокупного работника общества, и его цены, которая выступает формой проявления части времени совокупного работника общества, направляемой на приобретение товара с учетом его общественной потребительной стоимости (полезности) как части полезного эффекта произведенного совокупного продукта.

На институционально-инструментальном уровне Марксом описываются основные функции денег и механизм взаимодействия спроса и предложения; при этом подчеркивается, что в условиях равновесия возникают совпадающие со стоимостью товаров справедливые цены; при этом обеспечиваются соответствующее общим интересам рациональное использование общественного труда и наибольший уровень благосостояния общества. При рассмотрении капиталистической экономики он исходит из двойственности моти-

вов и интересов владельцев капитала, которые, с одной стороны, стремятся получить больше прибавочной стоимости за счет повышения производительности труда, с другой стороны, у них есть общая заинтересованность в увеличении производительности труда совокупного работника и совокупной прибыли, так как в силу различий в органическом строении капитала и межотраслевой конкуренции величина прибыли, распределяемая между отраслями, зависит от величины произведенной в экономике совокупной прибавочной стоимости.

Сложившееся видение проблемного поля экономики способствует формированию дисциплинарных перегородок, отделяющих экономическое от политического, правового, социологического и исторического. Доминирующей идеологией западных стран является англо-американский эмпирический реализм; его задача состоит в том, чтобы служить средством контроля над общественным сознанием. Метод подобного мышления, в его различных формах и видах, предполагает разделение реальности на герметичные части, чтобы весь комплекс связей любой конкретной проблемы всегда оставался невидимым [23, 367—368]. Для смены устаревшей парадигмы, как отмечает А.Д. Некипелов, нужно иметь в виду, что сама экономическая теория никогда не выводила полностью за рамки своего предмета явления, которые традиционно относятся к политике, культуре, психологии и даже производству [14].

Изучение общих закономерностей развития экономики с позиции концепции двойственной природы человека способствует пересмотру разнообразных смысловых догм и предполагает рассмотрение общества как реальной группы людей, которые в рамках сложившихся институциональных связей действуют совместно и скоординированно для достижения общих интересов и целей. Такой подход противоречит популярным представлениям сторонников экономического мейнстрима, которые считают, что общество — это удобный термин, а не онтологическая реальность. В доминирующих концепциях человек является носителем только индивидуальных экономических интересов и считается, что в обществе отсутствуют общие экономические интересы. Поэтому, например, Д. Норт с коллегами указывают, что «мы понимаем, что общества не являются акторами. Действия совершают не общества, а индивиды; термин

общество используется как удобное сокращение более громоздкой конструкции» [15, 56].

Критикуя индивидуалистскую точку зрения, Р. Бхаскар пишет: «В то время как очень немногие люди (по крайней мере, вне круга профессиональных философов) в наши дни стали бы защищать тезис, что, например, магнитное поле — это только мысленная конструкция, — такой взгляд на общество остается широко распространенным» [8, 105]. В связи с этим К.Х. Момджян отмечает, что общество — реально существующий феномен, который обладает такими интегральными свойствами, как собственные потребности, интересы и цели, характеризующие схожие интересы и цели людей; но интересы и цели общества не содержат то, что не нужно его членам [13].

Признание двойственной природы субъекта экономики, наличия у него индивидуальных и общественных экономических мотивов и интересов порождает необходимость выделения народа в качестве макросубъекта хозяйствования. Народ выступает как исторически конкретное сообщество людей, которые проживают в рамках некоторой территории, обладают общими и индивидуальными культурно-ценностными представлениями и интересами и на данной основе создают и трансформируют институциональную систему отношений и связей с учетом меняющейся реальности. Такой подход к трактовке понятия «народ» связан с отказом от упрощенных интерпретаций социальных, политических, правовых и экономических процессов, в которых под народом понимается некоторая его часть (управляемое большинство, класс), а другая часть (меньшинство) рассматривается как властвующее чужеродное образование. «Узкое» понимание народа не позволяет объяснить факт мирного сосуществования в течение продолжительного времени разных слоев общества и процветания государства в условиях различных форм хозяйствования. Трактовка народа как некоторого немонолитного сообщества, обладающего общими ценностями и интересами, ориентирует на изучение сложных и противоречивых процессов реализации общенациональных интересов в реальной хозяйственной практике.

Согласно традиционной марксистской точке зрения, общество является реальной группой людей, преследующих общие интересы и цели лишь в условиях отсутствия классов. В классовых об-

щества возникает деление на эксплуататоров и эксплуатируемых, что исключает наличие общих экономических интересов и целей; а государство как политический субъект частично представляет интересы общества как целого. Однако история свидетельствует о том, что существование классовых различий может приводить к появлению разных типов конфликтов классовых интересов. Так, наличие в обществе социальных противоречий и вызванных ими конфликтов интересов может не мешать людям действовать совместно, создавая общепринятые формы хозяйственных взаимодействий. Классовый антагонизм является особым типом конфликта интересов, при котором конфликтное взаимодействие переходит в антагонистическое противостояние из-за отсутствия общих ключевых интересов. Это признак «больного» общества, которое должно быть заменено иным видом социальной организации [13].

Происходящие сегодня противоречивые процессы трансформации глобальной экономики способствуют широкому распространению исследований, связанных с анализом процессов формирования суверенной экономики на основе рассмотрения механизмов реализации национальных экономических интересов. Возникающая при этом в рамках утверждавшейся парадигмы неразрешимая когнитивная проблема состоит в том, что национальная экономика понимается лишь как собирательное название частных хозяйств, которые руководствуются только частными экономическими интересами. Все попытки на данной основе объяснить существование национальных экономических интересов неизбежно остаются неудовлетворительными. В результате просто по умолчанию признается наличие этого вида интересов. Вместе с тем такое признание фактически предполагает отказ от монистической трактовки экономических интересов человека и предполагает признание индивидуальных и коллективных субъектов хозяйственной системы носителями одновременно частных и общественных экономических ценностей и интересов. На данной основе становится возможным изучение эндогенных по своему статусу сложных процессов формирования на основе достижения ценностного согласия институциональных форм экономических взаимодействий, соответствующих национальным экономическим интересам.

Трактовка народа как верховного субъекта хозяйствования ориентирует на изучение эндогенных механизмов институциональной

трансформации на основе поддержания в соответствии с национальными экономическими интересами баланса экономических интересов разных групп, т. е. при обеспечении верховенства национальных экономических интересов по отношению ко всем другим экономическим интересам. Содержательному смыслу этого процесса соответствует термин «народное хозяйство», который получил широкое распространение в немецкой экономической теории с XIX в. и в России до начала 1990-х гг. и связан с пониманием того, что в народном хозяйстве действуют системные силы, которые обусловлены сложившимися экономическими интересами и которые нельзя вывести из простого суммирования отдельных сил.

Признание народа в качестве реально существующего верховного актора позволяет анализировать развитие национальной экономики как сложной саморазвивающейся системы, в которой государство как ее коллективный субъект от имени общества и в его интересах использует экономическую власть, а также политические и правовые инструменты. В результате возникает перспектива содержательного исследования развития суверенной экономики с учетом взаимовлияния экономических и неэкономических институтов. Экономические институты определяют особенности экономической организации общества и являются важной составляющей частью общественных институтов. Противоречивая связь экономической, политической и правовой форм организации общества выражается в том, что цели трансформации политических и правовых институтов должны соответствовать национальным экономическим интересам создания системы экономических институтов, обеспечивающих устойчивое и успешное развитие хозяйственной системы. Вместе с тем складывающаяся в ходе взаимодействия разнородных акторов на основе компромисса их экономических интересов политико-правовая система определяет особенности формирования экономических отношений и институтов, структуры экономических мотивов, приоритеты и границы роста производительности и конкурентоспособности национальной экономики. В этом смысле экономика является концентрированным выражением политики и права.

Сложившиеся сегодня мейнстримовские подходы к анализу экономики, как пишет Р. Десаи, выступают по своей сути космополитическими и неокOLONIALISTскими; они недооценивают, если не отрицают, важность национальных государств и экономик и пред-

полагают, что глобальная экономика является неким единым целым, разделение которого на национальные государства и экономики разные ученые считают либо нежелательным, либо неуместным, либо даже опасным [9, 18]. Происходящая трансформация архитектуры современной экономики, связанная с переформатированием неоколониальных институциональных структур, свидетельствует о важности отказа от сложившейся парадигмы, способствующей ложному видению картины экономической реальности и необходимости использования исследовательской перспективы, основанной на признании народа как верховного субъекта хозяйствования, что предполагает формирование национальной хозяйственной системы в соответствии с верховенством национальных экономических интересов.

Заключение

Поиск исследовательских подходов в экономической теории сегодня складывается в рамках принципиально разных стратегий изучения картины экономической реальности. В философии экономики сложились в настоящее время два основных направления исследований, которые связаны с разработкой мейнстримовских и неортодоксальных версий концептуальных интерпретаций в рамках утвердившейся парадигмы, базирующейся на одномерной трактовке экономических мотивов и интересов человека в русле методологического индивидуализма. В результате становится невозможным создание больших теорий, позволяющих отказаться от фрагментированного видения экономической реальности. В отличие от философии экономики сложившаяся в философии хозяйства интеллектуальная традиция способствует разработке системно-целостного видения проблемного поля на основе объяснения экономического поведения человека, исходя из его двойственной природы. В результате появляется исследовательская перспектива изучения противоречивых процессов развития национальной экономики с учетом важности обеспечения верховенства национальных экономических интересов, поскольку народ является верховным субъектом хозяйствования.

Литература

1. Автономов В.С. Судьба «больших теорий» в экономической науке // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 1. С. 96—105.
2. Аузан А.А., Мальцев А.А., Курдин А.А. Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего // Вопросы экономики. 2023. № 10. С. 5—26.
3. Бирюков В.В. Дуалистическая теория стоимости и особенности изучения экономики как сложной системы // Общество и экономика. 2021. № 10. С. 20—40.
4. Бирюков В.В. Статус человека в экономической науке и пути ее выхода из кризисного состояния // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 63—77.
5. Брижак О.В., Манахова И.В., Чиканова Е.С. Новая экономическая реальность как предметная область исследования // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2023. № 4 (58). С. 3—22.
6. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическое образование: качественное обновление необходимо и возможно // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 141—160.
7. Булгаков С.Н. Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
8. Бхаскар Р. Общества // Социологос. М.: Прогресс, 1991. С. 219—240.
9. Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи / Науч. ред. российского издания С.Д. Бодрунов. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте; Центр каталог, 2020. 328 с.
10. Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2. С. 133—144.
11. Капелюшников Р.И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 110—128.
12. Маркс К. Капитал. Т. 1. Кн. 1. М.: Политиздат, 1988. 891 с.
13. Момдзян К.Х. Общество как институциональная форма существования социальной реальности // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 18—28.

14. *Некипелов А.Д.* Кризис общей теории и некоторые проблемы экономического обоснования // Научные труды ВЭО России. 2023. Т. 239. С. 36—44.
15. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 408 с.
16. *Осинов Ю.М.* Достославное тридцатилетие. 1988—2023 // *Философия хозяйства*. 2023. № 6. С. 7—13.
17. *Рогожникова В.Т.* Предмет и основные направления современной философии экономики // *Вопросы философии*. 2023. № 11. С. 23—33.
18. *Тутов Л.А.* Философия экономики и философия хозяйства: идентификация предметов // *Философия и методология экономики: предметные рамки и направления развития: Сборник статей / Под ред. Л.А. Тутова*. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 43—55.
19. *Шаститко А.Е.* Экономическое образование как зеркало внутридисциплинарного дискурса // *Вопросы экономики*. 2024. № 1. С. 137—153.
20. *Шумпетер Й.* История экономического анализа: В 3 т. Т. 3. СПб.: Экономическая школа, 2001. 688 с.
21. *Hausman D.* Philosophy of Economics: Past and Future // *Journal of Economic Methodology*. 2021. Vol. 28. No. 1. P. 14—22.
22. *Hédoin C.* Philosophy and Economics: Recent Issues and Perspectives // *Revue d'économie politique*. 2018. Vol. 128. P. 177—189.
23. *Jameson F.* *Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature*. Princeton: Princeton Univ. Press. 1971. 432 p.
24. *Ross D.* Economics is converging with sociology but not with psychology // *Journal of Economic Methodology*. 2022. Vol. 30. No. 4. P. 1—22.

References

1. *Avtonomov V.S.* Sud'ba «bol'shih teorij» v ekonomicheskoy nauke // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2024. № 1. S. 96—105.
2. *Auzan A.A., Mal'cev A.A., Kurdin A.A.* Rossijskoe ekonomicheskoe obrazovanie: obraz blizhajshego budushchego // *Voprosy ekonomiki*. 2023. № 10. S. 5—26.

3. *Biryukov V.V.* Dualisticheskaya teoriya stoimosti i osobennosti izucheniya ekonomiki kak slozhnoj sistemy // *Obshchestvo i ekonomika*. 2021. № 10. S. 20—40.
4. *Biryukov V.V.* Status cheloveka v ekonomicheskoy nauke i puti ee vyhoda iz krizisnogo sostoyaniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2023. № 2. S. 63—77.
5. *Brizhak O.V., Manahova I.V., CHikanova E.S.* Novaya ekonomicheskaya real'nost' kak predmetnaya oblast' issledovaniya // *Vest. Mosk. un-ta. Ser. 6. Ekonomika*. 2023. № 4 (58). S. 3—22.
6. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Ekonomicheskoe obrazovanie: kachestvennoe obnovenie neobhodimo i vozmozhno // *Voprosy ekonomiki*. 2023. № 11. S. 141—160.
7. *Bulgakov S.N.* *Filosofiya hozyajstva* / *Otv. red. O. Platonov*. M.: Institut russkoj civilizacii, 2009. 464 s.
8. *Bhaskar R.* *Obshchestva* // *Sociologos*. M.: Progress, 1991. S. 219—240.
9. *Desai R.* Geopoliticheskaya ekonomiya: posle amerikanskoj gegemonii, globalizacii i imperii / *Nauch. red. rossijskogo izdaniya S.D. Bodrunov*. M.: INIR im. S.YU. Vitte; Centr katalog, 2020. 328 s.
10. *Dyurkgejm E.* Dualizm chelovecheskoj prirody i ego social'nye usloviya // *Sociologicheskoe obozrenie*. 2013. T. 12. № 2. S. 133—144.
11. *Kapelyushnikov R.I.* O sovremennom sostoyanii ekonomicheskoy nauki: polusociologicheskie nablyudeniya // *Voprosy ekonomiki*. 2018. № 5. S. 110—128.
12. *Marks K.* *Kapital*. T. 1. Kn. 1. M.: Politizdat, 1988. 891 s.
13. *Momdzhyan K.H.* *Obshchestvo kak institucional'naya forma sushchestvovaniya social'noj real'nosti* // *Voprosy filosofii*. 2023. № S. 18—28.
14. *Nekipelov A.D.* *Krizis obshchej teorii i nekotorye problemy ekonomicheskogo obosnovaniya* // *Nauchnye trudy VEO Rossii*. 2023. T. 239. S. 36—44.
15. *Nort D., Uollis Dzh., Vajngast B.* *Nasilie i social'nye poryadki: Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva*. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2011. 408 s.
16. *Osipov YU.M.* *Dostoslavnoe tridcatiletie. 1988—2023* // *Filosofiya hozyajstva*. 2023. № 6. S. 7—13.

17. Rogozhnikova V.T. Predmet i osnovnye napravleniya sovremennoj filosofii ekonomiki // Voprosy filosofii. 2023. № 11. S. 23—33.

18. Tutov L.A. Filosofiya ekonomiki i filosofiya hozyajstva: identifikaciya predmetov // Filosofiya i metodologiya ekonomiki: predmetnye ramki i napravleniya razvitiya: Sbornik statej / Pod red. L.A. Tutova. M.: MAKS Press, 2015. S. 43—55.

19. SHastitko A.E. Ekonomicheskoe obrazovanie kak zerkalo vnutridisciplinarnogo diskursa // Voprosy ekonomiki. 2024. № 1. S. 137—153.

20. SHumpeter J. Istoriya ekonomicheskogo analiza: V 3 t. T. 3. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2001. 688 s.

С.Г. КОВАЛЕВ

**Мироустройство: метафизика новых реалий,
переформатирования и места РФ***

Аннотация. В статье раскрывается диалектика переформатирования мира и места РФ в нем, выделены основные мировые игроки, возможные проекты для РФ, дана характеристика Большой Евразии, в том числе как пространства сосредоточения глобального фиктивного нейросетевого капитала.

Ключевые слова: переформатирование мира, концептуальные проекты для РФ, Большая Евразия, глобальный фиктивный нейросетевой капитал.

Abstract. The article reveals the dialectics of reformatting the world and the place of the Russian Federation in it, identifies the main world players, possible projects for the Russian Federation, and characterizes Greater Eurasia, including as a space of concentration of global fictitious neural network capital.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. Мироустройство: метафизика новых реалий, переформатирования и места РФ // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 27—45. DOI: 10.5281/zenodo.10869290.

Keywords: reformatting the world, conceptual projects for the Russian Federation, Greater Eurasia, global fictitious neural network capital.

УДК 330
ББК 65в

Характер современного мира и его реформатирования

Современный мир стремительно меняется, реформатируется. Меняется как реальное содержание его бытия, так и категориальный аппарат его познания, парадигма мировосприятия. Рождаются новые направления и категориальные понятия современной общественной науки, сопряженные между собой: а) мировой порядок — сложившееся планетарное природное и социально-экономическое устройство мира и закономерности его преобразования; б) реформатирование мирового порядка — изменение строения его субъектов, объектов, среды, их устройств и взаимодействия; в) концептуальное проектирование мирового порядка — разработка смыслов и проектов будущего, нового мирового порядка (НМП) и механизмов его реализации; г) мировые концептуальные центры реформатирования — разработчики НМП; г) державное место РФ в мировом порядке — осмысление страны как державы, имеющей собственные интересы, цивилизационные, формационные, миросистемные черты, страновые экономические возможности и место в мире — российские центры концептуального проектирования стратегического выживания РФ.

Важно концептуально осмыслить складывающееся новое мироустройство, понять метафизику как реалий, так и роли, места в них РФ. Широта и глубина проблемы России предполагают не просто многоаспектность анализа, а философско-хозяйственного осмысления. Процессы, наблюдаемые в мире, многообразны, а новые реалии и неясны, и обширны. Остановимся на двух ключевых моментах. Во-первых, в философском плане, это диалектика бытия: не бытия субъектно-объективированной реальности, а именно РФ — и как цивилизации, и как страны. Это диалектика ее пространственно-временного существования и цикла жизни. Цивилизационное и страновое пространство имеет свойство и сжиматься, и расширяться, а социальное время является свойством торможения и

ускорения, а возможно, и свойством обратимости. Сжатие социального пространства влияет на временные параметры существования, и, наоборот, ускорение протекания социальных процессов, сжатие календарного времени влияют на масштаб пространства. Для РФ необходимо ускорение в социальном развитии для собственного сохранения в новейшем мировом порядке. Декомпозиция, детализация вышесказанного положения требует осознания: 1) смысла борьбы РФ за Россию, не сведения России современной к исторической к образу России исторической; 2) нового будущего мира и места, миссии в нем России; 3) оценки возможностей и желания бороться РФ за Россию; 4) анализа противодействия внешних сил РФ в борьбе за Россию; 5) выживания РФ как условия борьбы за Россию; 6) ухода от мифологического восприятия и глобального мира и РФ, и России; 7) элитарного раскола РФ в процессе борьбы за Россию.

Во-вторых, в современном мире, в пространстве Большой Евразии (БЕ), идут процессы переформатирования, пертурбации — новые мировые игроки, новые мировые проекты, новый передел мира, новый концепт планетарного управления, соответственно важно сохранение субъектности РФ не просто как странового пространства, центра силы, но и центра концептуального управления, обладающего собственным проектом странового и планетарного развития. В этом плане важно оценивать глобальные процессы не просто в целом, но и в пространстве, непосредственно примыкающем к РФ, а именно в Большой Евразии, которая становится и центром мирового развития, и центром мировых противоречий, и внешней средой выживания РФ. Мир переформируется. При этом можно выделить внешнее переформатирование — изменения в мировой среде, ее влияния на объект — суверенную страну и механизм их взаимодействия, а также внутреннее переформатирование — изменения внутри суверенного объекта, в его частях, их взаимодействие между собой под влиянием либо среды, либо под воздействием пертурбаций в самом объекте.

Мир начала 2020-х гг. чем-то напоминает начало XX в. — мощными процессами планетарного передела. В XX в. это борьба метрополий за территориальный передел старых и возможное приобретение новых колониальных владений, сфер экономического пространства и приложения национальных капиталов, прежде всего старого британского и французского, бельгийского, голландского и

нового, быстро развивающегося германского, американского капитала, ведущих колониальную экспансию с помощью национальных государств. Противоречия разрешались с помощью локальных и мировых войн, прежде всего Первой мировой 1914—1918 гг. и Второй мировой 1939—1945 гг., что привело к развалу, сворачиванию старой колониальной системы, появлению новых государств, лагеря стран социализма и формированию новой неоколониальной системы под эгидой США. Ранее существующие миропорядки: Вестфальский, Венский, Версальский, Потсдамский — это страновые порядки. Грядущее мироустройство, возможно, будет на иной основе.

С развалом СССР и резким геоэкономическим и геополитическим усилением Китая и других не европейских стран, а также формированием ЕС как политического субъекта, мир вступил в новую фазу переформатирования мирового порядка, которая разворачивается на наших глазах.

Процесс переформатирования мира связан не только со сдвигами в мощи стран, но и с другими изменениями: а) ресурсной недостаточностью, обусловленной конечностью ресурсов в пределах земного пространства и резким ростом населения, прежде всего, в развивающихся странах и, как следствие, ростом антропогенной и экологической нагрузки на природную среду, климатическими проблемами; б) появлением новых глобальных планетарных игроков и инструментов планетарного управления — транснациональных корпораций, мировой системы фиктивной экономики и денежно-финансовых расчетов, мировой товарно-транспортной мультимодальной логистики, тотальной мировой информатизации; в) возникновением институтов наднационального регулирования воспроизводства суверенных обществ: ООН, ВОЗ, МАГАТЭ и др.; г) появлением новых стран, прежде всего, на постсоциалистическом мировом пространстве, давших возможность другим игрокам для неоколониальной экспансии открывшегося экономического пространства, втягивания новых стран в орбиту транснационального капитала, влияния на них мировых и региональных держав, союзов, блоков; д) обострением мировой конкуренции, ее переносом в сферу науки, искусственного интеллекта, новых технологий, конструирования человека с заданными свойствами как основы конкурентоспособности; е) борьбой глубинных центров мирового проектирования и ре-

гулирования за образ и модельное воплощение возможного будущего мира. Последнее позволяет вести социальное конструирование планетарного общества на новой мировой кастовой основе. Возникает вопрос: каковы роль и место РФ в этих процессах? Конкурентная борьба в мире нарастает, ее формы становятся все более изощренными. Формируется не только многосторонний, но и новый двусторонний мир: США <—> Китай, потенциально на принципе партнерства (регулируемой ими конкуренции — подобие отношений между бывшим СССР и США). Реализация тезиса — мир большой и места обоим хватит. Идет вытеснение РФ в мировую и рыночную полупериферию, а возможно, и периферию, санкционную изоляцию, что ставит ее перед выбором: попытаться остаться мировым субъектом, державой либо попасть в неокOLONиальную ловушку — орбиту и траекторию зависимого и разрушающегося развития, в колею развития без гарантии целостности страны. Возрастающие сложности формирующегося мироустройства обостряют вопрос выживания, территориальной целостности, сохранения российской государственности. А это означает, что откатиться на позиции до февраля 2022 г. не удастся при любом раскладе СВО, которая реально аналог гражданской войны на территории некогда единой страны, развязанной под давлением внешних сил. В ней Украина выступает инструментом вовлечения РФ в полномасштабный конвенциональный военный конфликт с ЕС, НАТО. Исторический аналог ситуации, с одной стороны, Гражданской войны Северных и Южных штатов США, а с другой, подобие Первой и Второй мировых войн — военные действия на территории Европы, а США, Британия на отдалении от военного конфликта и зарабатывают на нем.

Соответственно воспроизводственная самодостаточность — единственный долгосрочный путь странового самовыживания для РФ, но при условии сохранения оптимальной для нее, именно для нее, а не для других субъектов мира степени открытости общества и экономики.

В мире есть несколько международных проектантов, осознающих, вырабатывающих картину и организующих контуры будущего мира. Субъектами, претендующими на концептуальное мегапроектирование и воплощение проектов в проекцию мировой реальности и игры, выступают: Ватикан как центр католического и старого европейского мира, Лондон и Вашингтон как центры англо-

саксонского мира, сетевой мировой раввинат как субъект и духовный центр иудейского мира, сетевой ислам и его течения как духовное основание мусульманского мира, военно-партийная элита Китая как центр и ядро формирующегося нового мира. Другим мировым игрокам — большинству стран и даже глобальным ТНК — отводится пассивная роль участников и инструментов нового порядка. В целом в этой игре, по словам А.И. Фурсова, реферирующего работы Бернда фон Виттенбурга (книга «Шах планете Земля») и Олега Маркеева (роман «Оружие возмездия»), можно попасть в следующие группы людей: 1) влияющих на то, что происходит; 2) присматривающихся к происходящему; 3) удивляющихся происходящему, не понимающих, что вообще за игра. А среди участников выделить: хозяев игры (не придерживаются правил, а их разрабатывают и устанавливают для других); игроков — самостоятельно, реально ведут игру в рамках правил; помощников игроков, игровые фигуры (выполняют определенные действия, приказы сверху, не преследуют собственных целей и не видят все поле; битые фигуры [5].

Задача РФ — не влипнуть, избежать втягивания в чужую игру — игру доминантных игроков и хозяина (хозяев) планетарной игры.

Существуют и мировые научные центры планетарного проектирования, например: Королевский институт международных отношений (Лондон), Международный институт прикладного системного анализа (Вена), Совет по международным отношениям (Вашингтон), Тавистокский институт человеческих отношений, Институт в Санта-Фе, созданный в 1988 г. в США (являющийся крупнейшим мировым частным центром междисциплинарных исследований, специализирующимся на изучении систем, описываемых как сложные адаптивные системы, в том числе социальных инноваций). По словам А.И. Фурсова, в августе 2018 г. в нем состоялась закрытая конференция, на которой обсуждались возможные сценарии будущего человечества: а) оптимизация — позитивное преодоление кризисов и вызовов; б) революционная теория — выход на принципиально новые уровни развития за счет технологического прорыва; в) катастрофическая — невозможность преодоления надвигающихся кризисов и обрушения; г) антропологический переход — разделение человечества на две группы, реально на две социально-

биологические касты-слоя. Первые два сценария были отвергнуты из-за низкого уровня волевых и интеллектуальных качеств современной правящей элиты и сформировавшегося на Западе стандартизированного обывателя, неспособного к активным интеллектуальным и волевым действиям. Большинство посчитали наиболее вероятным катастрофический сценарий, но при этом четверть участников допустили, что в случае избежания катастроф или нефатальности их последствий предпочтителен четвертый сценарий. А это означает формирование двух человечеств: а) живущих в экологических чистых анклавах, получающих хорошее образование, экологически чистые, не генномодифицированные продукты, проживающих долгую жизнь и участвующих в планетарном управлении; б) человечества, обслуживающего первую группу, производящего блага, находящегося под информационным контролем, с возможностью генетической модификации, закрепляющей удовлетворенность от работы, занимаемого положения.

На конференции откровенно высказался Н. Бустрем (шведский политолог, в 2018 г. советник Британского правительства), который в своем докладе «Риски уязвимости мира» сформулировал новую концепцию глобализации мира: 1) мир уязвим — вызовы, опасности: климатические изменения, легкое ядерное оружие, суверенность государств и их контроль над ресурсами, научно-техническими достижениями и неконтролируемое развитие последних со стороны глобальных институтов, человеческий эгоизм, излишнее потребление; 2) выход из ситуации — планетарный контроль: десоверенизация государств, доминантное, дифференцированное управление по направлениям научно-технологического прогресса, включая его торможение, снижение потребления широких масс, власть глобальных корпораций (см. [4]).

Более мягкий вариант социальных инноваций в виде четвертой «промышленной» революции и инклюзивного капитализма предлагает в своих книгах и в выступлениях на конференциях Клаус Шваб, например, на встрече G20 на Бали. По итогам встречи ее участники приняли «Декларацию Бали — 2022», в которую вошли положения о желаемых целях будущего развития: 1) введение глобальных цифровых паспортов и удостоверений личности, подключенных к глобальным цифровым системам; 2) введение цифровых валют центральных банков; 3) интернет-борьбу с дезинформа-

цией (по сути, слежку и цензуру); 4) расширение глобального аппарата биобезопасности перед лицом угроз новых пандемий; 5) необходимость реформ производства и распределения продовольствия. Некоторые аналитики, например, А. Фурсов и др., охарактеризовали этот документ, распространяющийся на весь мир, как нарушение суверенитета государств [5].

Место РФ в мире и Большой Евразии

Самовоспроизводство РФ как мирового планетарного игрока и как страны — центра русско-российского мира, отдельной, самостоятельной зоны мирового развития — требует от нее наличия собственного концептуального проекта суверенного развития, собственного видения будущего. Попытка РФ вписаться в мировой порядок по декларируемому М.С. Горбачевым в конце 1980-х гг. проекту «Общего европейского дома» была изначально утопичной. Европа была и остается под контролем США, и новый суперсильный мировой субъект на мировой арене, контролирующей Евразию, был не нужен. Причем М.С. Горбачев и те, кто за ним стоял, считали, что конвергируются в западный мир, а противоположная сторона — что СССР проиграл холодную войну. В итоге европейский мир социализма и СССР развалили, а РФ в общий дом не взяли, но ресурсы за рубеж вывели, и тем самым стимулировали развитие Запада, затормозив собственное развитие. Тридцатилетний прыжок в рынок свернул красный проект — СССР, но не выработал собственной модели для РФ. Представим возможные проекты для РФ (табл. 1).

Кроме вышеназванных проектов возможно существование проекта исламской глобализации. Для РФ среди проектов, приведенных в табл. 1, предпочтителен последний вариант, позволяющий сохранять субъектность в мире, но его осуществление сложно из-за противодействия мировых проектантов и желания части собственной элиты раствориться в Западе и нежелания другой части проявить политическую волю.

В современном мире географически и политически его будущую картину определяют основные субъекты, их интересы, их глобальные проекты, распространяющиеся на весь мир. Но в то же время во многом пространственные, политические и экономические интересы игроков концентрируются и определяются пределами Большой Евразии, прежде всего это касается РФ. Интерес РФ —

активное развитие в ближней среде, а это континент Евразия, ее интересы на других континентах носят точечный характер, например, в Африке у страны нет достаточных ресурсов для сверхактивной внешней политики.

Таблица 1

Концептуальные проекты РФ

Проект	Роль, отводимая РФ в проекте	Концептуальный смысл проекта для РФ
Западная глобализация мира и его разновидности	Объект	Выстраивание планетарной власти, сохраняющей господствующее положение западных элит на основе десуверенизации, переформатирования человечества: численности, потребностей, социальной дифференциации, механизма элитарного господства, трансгуманизма
Китайская глобализация мира	Объект	Единая судьба человечества под эгидой Китая
Единый европейский дом	Субъект и объект	Общеввропейский дом, единая Большая Европа на основе интеграции, включения в нее России
СССР-2	Расплывчатый субъект	Новая интеграция постсоветских государств на равноправной основе типа ЕС
Державная суверенность России	Субъект	Возрождение России в исторических границах населяющих ее народов, основанной на традиционных ценностях и духовном единстве, социальной и экономической солидарности, самодостаточности, эффективной государственности

Источник: составлено автором.

Большая Евразия как континентальное пространство и омывающее ее океаническое пространство планеты — это важнейший центр настоящего и будущего мирового развития, она является зо-

ной как расположения, за исключением США, так и повышенного интереса мировых геополитических игроков, полем их интересов и конкуренции. Ключевые страновые интересанты — это ЕС, Британия, США, Китай и др.

Выделим несколько черт БЕ как континента, центра мирового развития и потенциального интегрирования: наиболее странонасыщенный континент, где идет становление новых крупных стран; военно насыщенный и конфликтный континент; неоднородный континент: различия по линиям: Запад — Восток, Север — Юг; уже сегодня наиболее экономически мощный континент: крупнейшие экономики и рынки; континент, где рождались крупнейшие интеграционные проекты.

Большая Евразия — это место геополитического и геоэкономического соперничества стран, место их интеграционных и дезинтеграционных интересов, а также место образования крупнейших интеграционных группировок.

В Большой Евразии идут процессы «размывания» и «слияния» двух ее частей: Запада (Европа) и Востока (Азия). Торговым локомотивом выступает Китай. При этом Россия сохраняет шанс быть связующим звеном между ними, образуя свое собственное геополитическое пространство — Северную Евразию [1]. Но Китай выстраивает и другие пути в обход РФ.

Вся многотысячелетняя история Большой Евразии — это история страногенеза и империогенеза, формирования крупных территориальных образований: стран, держав и империй. Причем такие империи, как Македонская, Персидская, Византийская, Римская, Монгольская, Османская, Российская, располагались частично как в Азии, так и в Европе. А современная идея общности, единения европейского и азиатского пространств уходит корнями в первую четверть XX в. [1]. Выдвигались разные интеграционные проекты: 1) Паневропейского Союза; 2) Соединенных Штатов Европы; 3) Евразии; 4) Панславянского федерализма; 5) Пантюркизма; 6) Объединенной Европы [2].

В настоящее время идет интеграционная экспансия — политическая и экономическая — на бывшее постсоветское пространство со стороны ЕС и Китая (их взаимный товарооборот более 1,5 трлн долл. сопоставим между ЕС и США и между США и Китаем). Выстраивается не просто линия Пекин — Брюссель, но своеоб-

разный пространственный треугольник глобальной экономики, в котором каждый из партнеров хочет ослабления другого, но все вместе не возражают контролировать внутреннее пространство треугольника, значительная часть которого приходится на РФ.

В принципе более тесная экономическая интеграция стран Евразии, соединение их экономических интересов на основе создания континентальных путей — Запад — Восток и Север — Юг — и информационных коммуникаций отвечает интересам всех жителей континента. Потенциал БЕ выше потенциала Северной Америки. Проблема в том, что континент очень разнороден и противоречив, но изменения в мире постепенно будут замыкать БЕ не только на США, другие континенты мира, но и на саму себя.

РФ — своеобразный «водораздел» между частями и государствами Большой Евразии: Западной и Восточной Европы, Северной Евразии (РФ), Средней Азии, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, а также Китая, Японии, Кореей. Российская Федерация, обладая самой крупной территорией, соответственно и воздушно-космическим, и ресурсно-природным пространством, а также морским пространством (имеет прямой выход в Северо-Ледовитый, Тихий и косвенный в Атлантический океаны), объективно вынуждена прилагать большие усилия по освоению, удержанию, сохранению и обеспечению своего территориального суверенитета. Фактически, это «мост», соединяющий Запад и Восток, Юг и Север континента, а потенциально и межконтинентальный мост с Аляской (США) и Канадой. По периметрам границ Российской Федерации складываются две — сжимающие ее — конфликтные дуги: северная (арктическая) и западо-юго-восточная, по которым интересы РФ пересекаются с интересами других стран как ближнего, так и дальнего зарубежья. Данные дуги образуют своеобразное кольцо анаконды, когда на Западе — атлантический НАТО, на Востоке — формирующийся потенциальный тихоокеанский альянс: США, Австралия, Индия, Япония, в центре — Турция, одна из сильнейших в военном плане стран (ближневосточное НАТО). А на самой дуге образовались узлы горячей напряженности: Афганистан, Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Кавказ, Украина, Приднестровье, Прибалтийские государства, а еще вне дуги — Сирия, Ирак.

Кроме того, РФ зажата тремя сложившимися зонами свободной торговли: атлантической — США, ЕС, Канада; северо-

американской — США, Канада, Мексика; тихоокеанской, под эгидой США (проект отложен) и под эгидой Китая (формирующийся из стран Юго-Восточной Азии и, возможно, Австралии, Новой Зеландии). РФ зажата расширением и продвижением НАТО. Усиливается конкуренция за контроль над постсоветским пространством. Развал Российской империи, а десятилетия спустя и СССР породил ситуацию, с одной стороны, появления новых суверенных государств, с другой стороны, вновь стимулировал старый, характерный для XIX в. Процесс — желание геополитического контроля Запада и других крупных региональных держав над территориями, перспективными с точки зрения их интересов. Соответственно все бывшие социалистические, постсоветские, включая РФ, страны — объект пристального геополитического интереса и геоэкономической экспансии [2]. Характерное положение — интерес США и Франции к Армении, а Турции и Британии к Азербайджану.

Актуализируется проблема северных и дальневосточных территорий. Это давление, которое оказывает Запад, включая Японию, на Севере и Востоке континента на Российскую Федерацию. Потенциально и реально в последние годы существует и давление стран Востока, что требует от страны усилий по удержанию своего геополитического, геоэкономического и геокультурного пространства, а также объективно вынуждает развивать свои северные, арктические территории. Как для целей их удержания за собой, так и для извлечения ресурсов, получения экспортной прибыли требуются и большие материальные затраты, и огромные человеческие усилия. Кроме того, активизация «геополитических конкурентов» объективно выдавливает Российскую Федерацию на север [1], вынуждает форсировать его освоение. Проблема Арктической зоны становится не просто ключевой, а ключевой для жизненного выживания РФ. В условиях таяния Северного Ледовитого океана это не только формирование круглогодичного судоходства, портовой инфраструктуры, но и зона добычи ресурсов и сфера приложения глобального капитала.

Большая Евразия — место нейросетевой экспансии транснационального фиктивно-информационного капитала. Это новый глобальный капитал, подчинивший национальный и реальный капитал. Любой капитал имеет целью расширение пространства своего приложения, идет и вширь и вглубь. Контроль за миром — это кон-

троль за потоками. В современном мире это выстраивание, помимо товарных, еще и нейросетевых потоков фиктивного капитала, его сращивание с капиталом информационным, страховым, фармацевтическим и организациями надпланетарного контроля и регулирования: ВОЗ, МАГАТЭ, комиссиями ООН по окружающей среде. Сеть расширяется, окутывая всю планету, прежде всего Большую Евразию. При этом в Китае, Индии есть денежные ресурсы, сильные специалисты, большие научные заделы и производственная база в данной области, позволяющие самим проектировать нейросети.

Фиктивный капитал — денежный капитал, вышедший за границы реальной экономики (экономики производства физических, материальных благ), вложенный в ценные бумаги и их производные, в валюту, криптовалюту для извлечения доходов от сделок с ними по всему миру с использованием электронных средств передачи и хранения данных. Фиктивный капитал по масштабу сделок во многом превосходит реальный капитал. Фиктивный капитал — одна из основных форм капиталистической постэкономики, способ ее экспансии. Первым на формирование фиктивной экономики в буржуазном способе производства обратил внимание К. Маркс, выделивший производительный, товарный, ссудный капиталы и еще зарождающийся фиктивный капитал. Первоначально в основе фиктивного капитала лежали фиатные деньги (бумажные деньги как символы общественной ценности, не обеспеченные реальными ценностями — серебром, золотом, платиной, которые эмитировали государства, опираясь на свою политическую мощь, позднее — казначейские бумаги, а затем — банковские и корпоративные ценные бумаги).

Подход К. Маркса к характеристике капитала функциональный, т. е. роль в создании совокупной прибавочной стоимости в материальном производстве товарных благ в буржуазном способе производства. Соответственно совокупный капитал по его роли он разбил на три вида, за каждым из которых стоял персонифицированный предприниматель: фабрикант, купец, банкир, каждый из них получал свою долю прибавочной стоимости от эксплуатации рабочего класса [1, 128—131]. Со времен К. Маркса жизнь стала многократно сложнее: активным субъектом экономической жизнедеятельности стало государство, появились новые сферы деятельности,

без которых невозможно производство в обществе: страхование, информатизация, множество посредников и их операций, пучков прав собственности и прав на доходы, обусловленные производством и движением ценных бумаг, а в целом весь процесс воспроизводства человеческой жизни и общества стал коммерциализированной сферой получения доходов. Фиктивный капитал — это, прежде всего, производство титулов, прав, симулякров по отношению к реальным вещам, ценностям, порождение социального устройства самого капиталистического общества, а само общество, мироустройство — это поле для фиктивного капитала и его расширения за страновые границы. У развитых стран есть желание и возможности извлекать прибыль за счет экспорта фиктивного капитала, формирования мощных ТНК, за счет изменений в институциональном устройстве стран, в которые он проникает. Фиктивный капитал существует в различных организационных формах, например, как институциональные фонды (симбиоз трастовых и инвестиционных, открытые и закрытые). Наиболее крупные из них — Blake Rock, Vanguard Group Inc., Fidelity Investments (FMR LLC), State Street, Price (T. Rowe), Associates Inc., Capital Research Global Investors, Capital International Investors, Capital World Investors, которые контролируют, в большей или меньшей степени, крупнейшие банки: Bank of America, JP Morgan, City Group, Wells Fargo, Goldman Sachs, Morgan Stanley. Например, доля участия большой четверки фондов в капитале Bank of America более 16%. И вместе с банками она контролирует высокотехнологичные компании: большую пятерку американских IT-компаний: Microsoft, Apple, Amazon, Facebook, Alphabet. А также наблюдается их переплетение с крупнейшими международными страховыми компаниями: United Health Group (США, 6-ое место среди крупнейших американских компаний, область — медицинское страхование), AXA Group (Франция, регион деятельности — Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион) и др.; фармацевтическими компаниями: Johnson & Johnson (американская холдинговая компания, имеет более чем 250 дочерних компаний по всему миру, производит фармацевтические препараты, медицинское оборудование, входит в состав индекса Dow Jones Global Titans 50), Pfizer, Inc. США — лекарственные препараты, вакцины) и др. Вместе с международными торговыми компаниями и сетями они ткуют паутину, покрывающую весь мир. Современный мир — это уже не

реальная экономика, во многом мнимая экономика — постэкономика, где власть, страновая и планетарная, переплетена с бизнесом, это своеобразная матричная лавина, наползающая на планету, ее отдельные черты: пространственный выход за пределы суверенных и реальных экономик, преобладание фиктивных и нетоварных операций, глобальные субъекты и планетарный мегарегулятор, сетевой характер связей.

Контроль над крупнейшими транснациональными фондами, банками, корпорациями, биржами строится по схеме кругового участия в долях собственности. Соответственно формируется единый и многоликий фиктивный планетарный капитал, преимущественно североамериканской юрисдикции. Фондов и корпораций у РФ в этом транснациональном клубе хозяев планетарной жизни нет. Соответственно проектное будущее РФ должно отвечать на вопрос, как взаимодействовать на приемлемых условиях с глобальным фиктивным капиталом в среде нейросети, в условиях наложения санкций на входящие потоки (импорт товаров и инвестиции в РФ), выходящие из нее потоки (экспорт товаров из РФ) и платежно-расчетные потоки денег, валюты, когда сеть в определенной степени в состоянии блокировать хозяйственные операции.

Каковы действенные трансформационные пути решения трудностей выживания РФ? Самый простой способ — минимизация входящих и исходящих потоков по линии РФ <—> внешняя среда, т. е. повышение степени самодостаточности страны. Фиктивный капитал и нейросети неотделимы друг от друга, они взаимно проникают и дополняют друг друга. Нейросети — средство для функционирования международного фиктивного капитала. Современные биржевые операции во многом обеспечивает «интеллект» ЭВМ, так как они требуют высочайших скоростей передачи, обработки больших потоков информации и быстрого принятия решений. Нейросети также стыкуют фиктивный и реальный капитал и контроль над жизнедеятельностью общества. НМП — это новая система денежных операций: новые мировые деньги (электронные), новая платежно-расчетная мировая система, а ее внедрение базируется на развитии мировой электронно-информационной нейросети. Нейросеть ставит под контроль не только индивидов, страновые общества, но сам фиктивный капитал. Фиктивный капитал порождает нейросеть, а сама нейросеть порождает планетарное управле-

ние под эгидой фиктивного капитала, а в потенциале «искусственного интеллекта» (точнее того, что им сейчас называют — электронную комбинаторику возможных решений из большого массива данных на основе заранее разработанного алгоритма).

Оценивая место РФ в мире и прежде всего в Большой Евразии, важно учитывать системность протекающих процессов, принимать во внимание экспансионизм, присущий большинству стран и транснациональным корпорациям.

РФ оказывается зажатой проектами и интересами многих игроков, их желанием передела постсоциалистического, постсоветского пространства в своих интересах, за счет развертывания конфликтов, втягивания в них РФ по всему периметру ее границ — при этом как играя на интересах формирующихся элит новых стран БЕ, так и используя уязвимость РФ, объективную ограниченность ее возможностей: экономических, демографических (сокращение коренного населения и отсюда массовый въезд в страну иностранцев, в том числе потенциально и западноевропейского белого населения с традиционными ценностями). А также военных возможностей и вытекающую из этого тенденцию ослабления роли РФ на постсоветском пространстве. Выдвигаются планы по контролю над элитами РФ и в целом над страной, обнуления ее ядерного потенциала. В этом смысле показательны процессы конфликтности последних лет на Украине, Южном Кавказе, в Центральной Азии.

Важная реперная точка и часть БЕ — Центральная Азия (ЦА). Сам термин ЦА в русскоязычной литературе неоднозначен, а географическая и политико-территориальная конфигурация расплывчата. ЦА в границах бывшего СССР — это продукт советской власти, которая запустила семидесятилетний процесс нового страногенеза на бывшей территории Российской империи, итогом которого стало появление новых государств на постсоветском пространстве, в частности, Казахстана, Киргизской республики, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана. Дезинтеграция СССР не означает, что невозможен новый интеграционный процесс, но он будет иметь иную основу, механизм, движущие силы, конфигурацию. Это не обязательно интеграция новых возникших стран ЦА с РФ, может быть и интеграция с Китаем, и интеграция с Турцией, и очень вероятно их тесная взаимосвязь между собой, внутри контура собственного пространства и образования нового единого независимого

конфедеративного государства. Тем более они родственны этнически (преобладание тюркских этносов, исключение — Таджикистан), едины культурно и с точки зрения физической географии (реки Аму-Дарья, Сыр-Дарья, Ферганская долина пронизывают разные страны) и дополняют друг друга экономически. А по своему совокупному демографическому (в перспективе население по количеству сопоставимо с населением Турции) и территориальному потенциалу, местоположению, темпам экономического роста имеют возможность войти в мировую тридцатку наиболее сильных держав. Безусловно, это возможная перспектива, в настоящее время они неоднородны экономически, наличествуют проблемы между странами. Однако неоспорим тот факт, что на бывшем постсоветском пространстве наиболее динамично развиваются именно эти страны, если не считать Азербайджан и Белоруссию, особенно Казахстан и Узбекистан.

Соответственно Центральная Азия становится зоной интересов многих игроков: Китая, стран ЕС, Британии, ОАЭ, Турции. Привлекают природные ресурсы: нефть, газ, уран, редкоземельные металлы, потенциальные транспортные коридоры, недорогая, но достаточно квалифицированная рабочая сила, многовекторность элиты вышеназванных стран. Характерный пример — серия совместных встреч на высшем уровне в 2023 г. в Саудовской Аравии, Вашингтоне, Пекине, Алматы, проведение в последней только в ноябре 2023 г. последовательно сразу трех мероприятий: встречи глав тюркоязычных стран, визита президентов Франции Э. Макрона и РФ В.В. Путина, а несколько ранее визита К.-Ж. Токаева в Бонн. Центральная Азия становится местом пересечения интересов, с одной стороны, глобальных ТНК и стран, в которых базируются их штаб-квартиры, их желания войти в ее экономическое пространство, с другой стороны, желания Турции создать широкий союз тюркоязычных стран на основе этнической и исламской общности и желания бывших республик СССР проводить многовекторную политику для обеспечения суверенности. А кроме этого, желания Китая продвигать свои экономические интересы в пространство бывшего СССР, а у РФ — желания сохранить свое влияние на постсоветском пространстве, используя механизм ЕВРАЗЭС. А у ЕС и бывших республик СССР — желания создания транспортного коридора: Китай — Европа, идущего по их территории, минуя РФ. ЕС

выделила большие деньги на строительство дорог, связывающих Юг Европы через Черное и Каспийское моря, Азербайджан, Узбекистан с Китаем. В свою очередь, Китай, Киргизия, Узбекистан также строят южный коридор. Их соединение позволит получить кратчайшую дорогу: Север Китая — Юг Европы. По сути, во многом обнуляя коридор: Северо-Запад РФ — Восток Китая, особенно ее скоростную часть: Москва — Казань. Санкции против РФ усилили экономическую привлекательность стран Юго-Востока постсоветского пространства, в том числе для инвестиций.

Налицо клубок интересов, что требует от самой РФ концептуально определить собственные, не инерционные, оставшиеся от СССР, а глубинные интересы в данном регионе в долговременной перспективе и во благо собственного народа. Попытка абстрагирования от реальных условий выживания страны в современном мире, ставка на подобие в субстанциональной основе экономического строя со странами Запада непродуктивны, стране требуется собственный проект развития.

Литература

1. Ковалев С.Г. Геостратегия современного воспроизводства России в пространстве Большой Евразии // Большая Евразия: Развитие, Безопасность, Сотрудничество. Ежегодник. РАН. ИНИОН / Отв. ред. В.И. Герасимов. Вып. 2. Ч. 1. М., 2019. С. 62—65.

2. Ковалев С.Г. Миропорядок Большой Евразии и технологическая суверенность России // Большая Евразия: Развитие, Безопасность, Сотрудничество. Ежегодник. РАН. ИНИОН / Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2021. С. 96—101.

3. Ковалев С.Г. Российская державность: феномен, уходящий в прошлое или возможность для альтернативного будущего? // Философия хозяйства. 2023. № 6. С. 121—140. DOI: 10.5281/zenodo.10091125.

4. Фурсов А. Глобальная научная инквизиция Бустрема и стеклянное общество: URL: https://youtu.be/HcmFwIV_84?si=1qjAUuprmeYNjfru (дата обращения: 20.02.2024).

5. Фурсов А. Ультиматум Шваба. Хозяева Мировой Игры озвучили свои планы: URL: <https://dzen.ru/a/ZG0RXdXOwQODayRn> (дата обращения: 20.02.2024).

References

1. *Kovalev S.G.* Geostrategiya sovremennogo vosпроизводства Rossii v prostranstve Bol'shoj Evrazii // *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, Bezopasnost', Sotrudnichestvo. Ezhegodnik. RAN. INION / Otv. red. V.I. Gerasimov. Vyp. 2. CH. 1. M., 2019. S. 62—65.*
2. *Kovalev S.G.* Miroporyadok Bol'shoj Evrazii i tekhnologicheskaya suverennost' Rossii // *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, Bezopasnost', Sotrudnichestvo. Ezhegodnik. RAN. INION / Otv. red. V.I. Gerasimov. M., 2021. S. 96—101.*
3. *Kovalev S.G.* Rossijskaya derzhavnost': fenomen, uhodyashchij v proshloe ili vozmozhnost' dlya al'ternativnogo budushchego? // *Filosofiya hozyajstva. 2023. № 6. S. 121—140. DOI: 10.5281/zenodo.10091125.*
4. *Fursov A.* Global'naya nauchnaya inkviziciya Bustrema i steklyannoe obshchestvo: URL: https://youtu.be/HcrnFwIV_84?si=1qjAUnupmcYNjfru (data obrashcheniya: 20.02.2024).
5. *Fursov A.* Ul'timatum SHvaba. Hozyaeva Mirovoj Igray ozvuchili svoi plany: URL: <https://dzen.ru/a/ZG0RXdXOWQODayRn> (data obrashcheniya: 20.02.2024).

М.М. ГУЗЕВ

Россия в борьбе за Россию, демография: между Сциллой и Харибдой*

Аннотация. Раскрываются демографические аспекты глобальных перемен, российские особенности демографически устойчивого развития, рассматривается борьба за человека разумного как главное направление в борьбе за сохранение России.

Ключевые слова: Россия, глобальная турбулентность, демография, миграция, человек, самосохранение.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гузев М.М. Россия в борьбе за Россию, демография: между Сциллой и Харибдой // *Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 45—54. DOI: 10.5281/zenodo.10869276.*

Abstract. The demographic aspects of global changes, the Russian features of demographically sustainable development are revealed, the struggle for a reasonable person is considered as the main direction in the struggle for the preservation of Russia.

Keywords: Russia, global turbulence, demography, migration, man, self-preservation.

УДК 314
ББК 65в

Наступила эпоха глобальной турбулентности, когда ранее невозможное становится не только возможным, но и необходимым и даже единственно возможным. Причем, как говорил классик и «вождь мирового пролетариата» ровно 100 лет назад, правда, по другому поводу, «это всерьез и надолго». Причина наступившего предармагеддона не в плохих президентах и правительствах, а в объективных законах развития человеческой истории, необратимости их действия: накопление противоречий развития, при их одновременном неразрешении, неизбежно ведет к экономическим, политическим, социальным потрясениям и хаосу. Переход «всего прогрессивного человечества» на либеральную модель развития, с ее родовыми установками на экономический рост и бесконечное увеличение потребления, закономерно обостряет глобальные противоречия, заложенные изначально внутри этой системы, которая долгие годы, десятилетия и даже столетия демонстрировала в целом высокую устойчивость и относительно высокий уровень жизни, прежде всего, за счет внешних вливаний в виде дарового или очень дешевого сырья и такой же рабочей силы. Как только «отсталые народы» и государства также реализовали либеральную модель развития, сразу же и обнаружили эти противоречия, неразрешимые в рамках системы. В свое время это блестяще показал К. Маркс в «Капитале» — неразрешимость внутренних противоречий рыночной системы, имманентно ей присущих, без изменения самой системы. В.И. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», предвосхищая будущее глобальное противоборство, доказал, что из конкуренции неизбежно вырастает монополия, а далее — «Монополии, олигархия, стремление к господству вместо стремления к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или

слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций...» [3, 422]. Как будто это написано сегодня.

Но есть и отличие. Если на заре капитализма главное противоречие трактовалось как антагонистическое противоречие между трудом и капиталом, в XX в. — между социализмом и капитализмом, затем, уже на исходе столетия, — как противоречие между человеком и природой, то XXI в. явил нам главное противоречие между человеком как существом разумным и человеком как существом природным. Соответственно, если век XX прошел под знаком ожесточенного противоборства между коммунизмом и капитализмом, то XXI в. становится веком еще более жестокой войны за человека разумного. И цена победы в ней — выживание человека как вида. Разрешение этого противоречия — суть основных социально-экономических и политических событий в течение всего текущего столетия. Кроме того, в XXI в. начался обратный отсчет этой экспансии — не только экономически и политически, но главным образом (пока) демографически. Миграция, неконтролируемая миграция, всеохватывающая миграция из некогда колониально зависимых «слабых» стран становится сегодня одной из самых острых сфер глобального противоборства.

Понимание неизбежности фундаментальных перемен в мире, в том числе и по причине глобальных демографических изменений, тем не менее нередко трактуется довольно односторонне. Даже у С. Хантингтона описание столкновения цивилизаций осуществляется с позиций превосходства одной (западной) из цивилизаций: «Страны, имеющие западно-христианское наследие, движутся по пути экономического прогресса и демократизации политики; перспективы экономического и политического развития православных стран остаются неопределенными; перспективы мусульманских государств в этой области весьма печальны» [8, 534—553]. А между тем именно мусульманские и православные страны несут значительный груз этих перемен. И именно мусульманские и православные страны в своих ценностных ориентациях ближе к разумному, ноосферному человеку, чем западные рыночно-капиталистические демократии, основанные на культе денег и эксплуатации человека и природы. Общий приговор этому строю еще в конце XX в. вынес наш выдающийся соотечественник Н. Моисеев: «Мы живем не только в эпоху заката Рах Американа, но и той рыночной системы,

которая установилась в последние десятилетия XX в.» [5, 11]. А что же дальше?

Огромный вклад в осмысление феномена «современный человек», его судьбы и одновременно созданной им глобальной социально-экономической и политической системы внесли российские ученые. Известно, что в критические моменты истории в человеческом сообществе начинают работать факторы самосохранения, выступающие в качестве высшего приоритета человека. Л.И. Абалкин писал: «Разумеется, такой инстинкт отличен от простейшего животного инстинкта, всегда облачен в социальные одежды, опосредован социокультурными и политико-идеологическими формами. И тем не менее он выступает как инстинкт самосохранения, обусловленный в конечном счете биосоциальной природой человека» [1, 74]. О том, что главная проблема сохранения и развития современной человеческой цивилизации находится в самом человеке, мыслители прошлого высказывались давно: сначала были догадки, а затем и попытки теоретического обоснования этого утверждения и даже практической реализации концепции. Но XXI в. эту проблему актуализировал и упростил необыкновенно: речь идет о том, быть или не быть человеку. И какому человеку?

Философия хозяйства как «целостный поток гуманитарной мысли», воссозданная заново в России и на евразийском пространстве Ю.М. Осиповым, по поводу человека высказывается без иллюзий: «Проект по имени “ЧЕЛОВЕК” торжественно и по-реквиемски завершается, и завершается он самим же человеком-творцом, как раз замечательно творчески одаренным *земно-космическим хозяйствующим субъектом...*» [6, 97]. Такой приговор не означает «конца истории», поскольку человека всегда сопровождает «Великая Неизвестность» (по Ю.М. Осипову). В.Т. Рязанов считал, что разрешение глобальных проблем, стоящих перед человечеством, «должно быть увязано не только с преодолением социально-экономических противоречий в обществе в рамках перестройки экономических и социально-политических систем, но и необходимостью преобразования самого человека. Не только революция “извне”, но и революция в самом человеке — вот путь, останавливающий катастрофическую линию в развитии современной цивилизации» [7, 660]. И Россия здесь является надеждой для многих, если не для всех. Д.С. Львов: «Основной постулат протестантской рели-

гиозной этики — индивидуальная избранность к спасению — несовместим с духовным наследием православия. Православие всегда отстаивало равенство всех людей перед Богом. Это и есть благая весть, символ совести нашего народа: “Спасутся или все, или никто”» [4, 135].

В любом случае нарастание неразрешимых в рамках господствующей системы глобальных противоречий совершенно очевидно. Одним из таких противоречий, весьма парадоксальных, является отчетливо проявившаяся закономерность между уровнем экономического развития, уровнем жизни, к чему по-прежнему стремится «все прогрессивное человечество», и динамикой народонаселения: чем выше экономическое развитие, тем ниже темпы роста народонаселения, а в конечном счете происходит сокращение населения. В глобальном рыночном мире, наступившем во второй половине XX в., движение капитала, включая рабочую силу, как известно, не знает границ. Отсюда обострение цивилизационных противоречий: межконфессиональных, межнациональных, межкультурных, межгосударственных, пробуждение инстинкта обособленности и самосохранения, стремительный рост национального самосознания, включая гипертрофированное самомнение, «подправление» истории, мифотворчество, вспоминание «исторических обид». Началось стихийно-закономерное новое великое переселение народов, к которому, как оказалось, мир не готов экономически, политически, психологически, ментально. Современная Западная Европа (да и США) с ее якобы идеальным «плавильным котлом» народов мира уже не справляется.

Россия, как огромная континентальная и морская держава, естественно, не могла остаться в стороне от этих процессов, тем более что волевой перевод экономики и общества в 1990-е гг. на рыночную модель развития и форсированное формирование у населения агрессивной рыночной ментальности, во многом чуждой русской исторической традиции, не могли не привести к обострению многих противоречий, которые «спали», им не давала разрастись в целом нерыночная модель развития, сформировавшаяся в России (СССР) в XX в. после 1917 г. Шок от рыночных реформ, попытка «перепрошивки» сознания людей привели, в частности, к демографической катастрофе в России, когда на общемировые тенденции наложилась российская демографическая специфика.

Последние десятилетия смертность в России значительно превышает рождаемость, для обозначения этой сложившейся, начиная с 1992 г., закономерности используется такая терминология, как «демографический кризис», «демографическая катастрофа», «вымирание», отражающая лишь внешнюю — видимую — сторону явления. Также утверждается, что проблема депопуляции в России обусловлена не какими-то отдельными недостатками или просчетами, а качеством, уровнем движущих сил общественного развития: «это, во-первых, уровень национального самосознания; во-вторых, морально-этические устои общества; в-третьих, материальные условия» [2, 15]. Соглашаясь в целом с таким системным подходом, необходимо отметить, что перечисление «движущих сил общественного развития» — это, скорее, обозначение направлений реализации новой демографической концепции России, но не раскрытие глубинной причины ее депопуляции, принятой собственными авторами или навязанной нам извне, — крайне агрессивной неолиберальной моделью развития страны, с расслоением общества на социальные касты, регионов — на приоритетные и бесперспективные, вызывающей роскошью немногих и бедностью и нищетой десятков миллионов жителей одного государства.

В последние годы на государственном уровне пришло осознание демографической стратегической опасности для России и ее будущего, сокращения населения страны. Президентом РФ В.В. Путиным подписан Указ от 09 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», но выполняется он не в полном объеме, о чем говорит содержание ежегодных демографических докладов. В 2018 г. был принят национальный проект «Демография» на 2019—2024 гг., включающий пять федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья», «Спорт — норма жизни». В 2020 г. В.В. Путин подписал Указ о национальных целях, согласно которому уровень бедности в России нужно сократить вдвое к 2030 г. Это касается и социального неравенства в доходах.

В условиях тектонических глобальных технико-технологических, экономических, социальных и демографических сдвигов, которые происходят в настоящее время и ускорятся в бли-

жайшие десятилетия XXI в., в России необходимо значительное увеличение численности населения, в том числе и за счет контролируемой миграции, с обязательной ассимиляцией мигрантов. Иного выбора для демографического, а также социально-экономического и геополитического устойчивого развития у России просто нет. Для эффективного освоения, защиты и сохранения огромных территорий России необходимо значительное население. Поэтому демографически устойчивое развитие для России в настоящее время — это, прежде всего, выход на траекторию простого, а затем и расширенного воспроизводства населения. Причем должна сохраниться доминантная роль титульной нации, поскольку Россия — это государство Русского мира с системообразующим русским языком, в которое включены многие другие народы, имеющие равные права и обязанности с русскими, а все вместе мы — россияне.

Наконец, главное: формирование и реализация модели демографически устойчивого развития должны рассматриваться в контексте главной цели современного этапа развития страны/государства — *стратегического выживания*. Этому должна быть подчинена и демографическая составляющая этой цели — *демографическое выживание!* Исходя из этой доминанты и должны ставиться задачи по социально-экономическому развитию страны. А.Г. Аганбегян в статье с говорящим названием «О катастрофическом увеличении смертности и мерах по сбережению народа в России» предлагает уже в новых условиях с использованием самых передовых хай-тек-технологий разработать социальную доктрину, сравнимую с планом ГОЭЛРО. Положительным моментом является также предложение о выделении 8 макрорегионов с подрегионами на основе территориально-этнического принципа: 1) Москва, 2) Санкт-Петербург, 3) мусульманские регионы европейской части России без Северного Кавказа (2 субъекта РФ), 4) Северный Кавказ (6 субъектов РФ), 5) прочая европейская часть России без Арктики (47 субъектов РФ), 6) Сибирь без Арктики (14 субъектов РФ), 7) Дальний Восток без Арктики (9 субъектов РФ), 8) арктические регионы России (5 субъектов РФ) [2, 19]. Выделение таких макрорегионов может стать базой для разработки макрорегиональных моделей демографического развития, учитывающих их демографическую специфику: рождаемость, смертность, миграцию. В результате реализации такой социальной доктрины демографически затухаю-

щее естественное развитие России должно смениться переходом к модели демографически устойчивого развития. В то же время, учитывая исторически сложившееся территориально-административное деление Российской Федерации и вопросы практической реализации социальной доктрины, может быть более целесообразной разработка эксклюзивных моделей демографически устойчивого развития для каждого федерального округа, с внутренним эксклюзивом для некоторых автономных территорий в пределах округов, при общей ориентации на инклюзивное развитие.

Краткосрочная стратегия демографического выживания России должна быть направлена на стабилизацию демографических процессов, прекращение естественного сокращения населения, что означает обеспечение роста рождаемости и сокращения смертности. Причем экономические методы для решения проблемы необходимы, но недостаточны. Нужны изменения на нравственно-ментальном уровне, которые возможны только на пути пробуждения национального самосознания, чувства ответственности за свое отечество. Нужны не «люди мира», а «люди России». *Долгосрочная стратегия* должна учитывать не только социально-экономические, но — главное — геополитические реалии, исходить из императива безусловного роста населения России. Что касается миграции, она была, есть и будет. Но в условиях глобальных демографических перемен, начавшегося нового переселения народов, важно сохранить свою идентичность, а значит, она должна быть под жестким контролем, что опять же, как показывает опыт последних лет, сделать невозможно в условиях господства неолиберальной российской социально-экономической модели. Миграция, хотя количественно и поддерживает демографический баланс, ведет к изменению этнической структуры российского общества, а значит, и к геополитическим эффектам, что существенным образом затрагивает коренные интересы народов России.

Таким образом, России предстоит пройти между Сциллой сокращения численности коренного населения и Харибдой миграции с других территорий и континентов. Решение проблемы лежит в прокрустовом ложе опять же между Сциллой «быть как все» и Харибдой «сохранения обособленности и идентичности». Видимо, пока не оформлены в мире новые межцивилизационные и межнациональные законы развития, необходимо не бросаться в крайности,

придерживаться консервативного тренда, опираться на национальные ценности и традиции, оберегать свою территорию от ее заселения «чужими». Об этом нам настойчиво говорят из глубины времени наученные своим, иногда горьким, опытом наши великие соотечественники.

Литература

1. *Абалкин Л.И.* Поиск самоопределения: очерки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2005.
2. *Аганбегян А.Г.* О катастрофическом увеличении смертности и мерах по сбережению народа в России // *Экономические стратегии.* 2021. № 4.
3. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 27. М., 1962.
4. *Львов Д.С.* Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.
5. *Моисеев Н.Н.* Агония России: есть ли у нее будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора // *Зеленый мир.* 1996. № 12.
6. *Осинов Ю.М.* Страда. Непокорный автоопус. О себе самом — от себя и со стороны. М.; Тамбов: И.Д. «Державинский», 2023.
7. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.
8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // *Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева.* М.: Academia, 1999.

References

1. *Abalkin L.I.* The search for self-determination: essays. 2nd ed., supplement M.: Nauka, 2005.
2. *Aganbegyan A.G.* On the catastrophic increase in mortality and measures to save the people in Russia // *Economic strategies.* 2021. № 4.
3. *Lenin V.I.* Imperialism as the highest stage of capitalism // *Lenin V.I.* Complete collection of works. 5-th ed. Vol. 27. M., 1962.
4. *Lvov D.S.* Economics of development. M.: Exam, 2002.

5. *Moiseev N.N.* Agony of Russia: does it have a future? An attempt at a systematic analysis of the problem of choice // *The Green World*. 1996. No. 12.

6. *Osipov Y.M.* Strada. The unruly bus. About myself — from myself and from the outside. M.; Tambov: P.H. «Derzhavinsky», 2023.

7. *Ryazanov V.T.* (Not)Real capitalism. The political economy of the crisis and its consequences for the world economy and Russia. M.: Economics, 2016.

8. *Huntington S.* The clash of civilizations and the transformation of the world order // *The new post-industrial wave in the West: Anthology* / Ed. by V.L. Inozemtsev. M.: Academia, 1999.

||

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

К.А. ХУБИЕВ

Россия в системе цивилизационного цикла*

Аннотация. В статье выдвинута и доказывается гипотеза о том, что нынешний поток мирового движения содержит ряд признаков, в совокупности характеризующих его как фазу спада в цивилизационном цикле. Его суть состоит в откате в цивилизационном масштабе. В экономической области это во многом объясняется тем, что институты в виде «бумажных законов» выдвинуты против объективных законов, экономических прежде всего. Санкции обрушивают контракты, заключенные свободно, на взаимно выгодной основе специализации, на абсолютных и относительных преимуществах, и являются проявлением кризиса основ капитализма.

В экономической системе законы развития залегают глубже, чем законы отката. На этой основе мы делаем вывод о том, что общий тренд положителен и Россия находится под влиянием законов развития. Но угрозы для нее исходят из «ловушки» издержек, которые сопровождают любое развитие. В этой связи особое внимание обращается на то, что задача состоит в том, чтобы избежать роль жертвы цивилизационного развития. Угроза происходит от того, что на Россию легли нагрузки глобального противостояния на фоне многолетней стагнации и она нуждается в чрезвычайных мерах создания внутренних источников экономического роста, поскольку от этого зависит ее выживание и успехи в глобальном противостоянии. От этих результатов зависит судьба цивилизационного развития.

Ключевые слова: новая реальность-ненормальность, «бумажные законы» и институты, объективные законы, цивилизационный откат, проявление кризиса капиталистической системы.

Abstract. The article reveals and proves the hypothesis that the current flow of the world movement contains a few features that collec-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Хубиев К.А. Россия в системе цивилизационного цикла // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 57—71. DOI: 10.5281/zenodo.10869394.

tively characterize it as a recession phase in the civilizational cycle. Its essence is in a rollback on a civilizational scale. In the economic field, this is largely due to the fact that institutions in the form of «paper laws» are put forward against objective laws and economic laws, first of all. Sanctions bring down contracts concluded freely, on a mutually beneficial basis of specialization, on absolute and relative advantages, and are a manifestation of the crisis of the capitalism foundations.

The laws of development lie deeper than the laws of rollback in the economic system. On this basis, we conclude that the general trend is positive and Russia is influenced by development laws. But the threats to it come from the cost trap that accompany any development. In this regard, particular attention is drawn to the fact that the task is to avoid the role of the victim of civilizational development. The threat comes from the fact that Russia has fallen under the burden of global confrontation against the background of many years stagnation and it needs extraordinary measures to create internal sources of economic growth, since its survival and success in global confrontation depend on it. The fate of civilizational development depends on these results.

Keywords: new reality-abnormality, «paper laws» and institutions, objective laws, civilizational rollback, revelation of the capitalist system's crisis.

УДК 330
ББК 65

Введение

С наступлением XXI в. не оправдались ожидания на новое, более благополучное обустройство мира. Человечество, уставшее от войн, конфликтов, разрушений, надеялось на новую реальность, с преобладанием мира, справедливости, благополучия, гармонии природы и общества. В науке множились подобные теории. В реальности же человечество столкнулось с усилением негативных факторов, особенно в глобальном масштабе. Оно, вдохновляя себя ожиданием более светлого будущего в XXI в., не справилось с решением проблем и противоречий, накопленных в ушедшем столетии. Диалектика проявила себя в стихийных силовых линиях общественного развития. Противоречия, которые не удалось разре-

шить в прошлом, продолжили свое развитие, и вместо преодоления получилось нарастание негативных явлений, которые сопровождали социально-экономическую жизнь. Подтвердилась истина: надежды, для своего осуществления, должны опираться на условия и предпосылки, заранее созданные. Но этого не произошло, и чудеса не случились. А реальность предлагает смесь позитивных и негативных событий, скрывая от наблюдения и законы познания, и логику движения. Наука старается их раскрыть, но системная целостность пока не складывается, и это затрудняет нахождение эффективного выхода к предпочтительной модели мироустройства. В попытках научного осознания реальности существуют разные подходы и оценки. Они находятся пока на поисковом этапе, и, прилагая усилия в этом направлении, мы тоже пока на большее не претендуем.

В литературе получило широкое распространение положение о наступлении в XXI в. «новой реальности». Особенно интенсивно этот термин стал использоваться после кризиса 2008—2009 гг. и глубоких изменений в экономике — и не только в ней. В последующем использовании данный термин в научной литературе стал претендовать на интегральный смысл. В частности, новая экономическая реальность стала трактоваться как общее качественное состояние всей социально-экономической области. Подобные и другие подходы нацелены на совокупное и целостное описание того, что называется новой экономической реальностью.

Но трактовка ее конкретного содержания представлена пока широким спектром толкований. Перечисляются признаки новой реальности, называются разные события современности: техногенные катастрофы, торговые войны, глобализация и фрагментация мировой экономики и т. д. В геополитическом плане иногда указываются развитие сотрудничества и сближение Китая и России. Называются и другие события новой реальности. Но исследования пока не достигли системного и интегрального геополитического масштаба. Имеются попытки суммировать противоречия экономических систем, чтобы определенный уровень их кумулятивного действия определить понятием «новая ненормальность». Происходящие процессы характеризуются как кумулятивный эффект определенной, как правило, негативной направленности, но он не формирует общей характеристики изменений на глобально-

интеграционном уровне. Такой подход ориентируется на разворот процессов глобализации в сторону фрагментации. Выступая достаточно высоким уровнем обобщений, он охватывает только определенный срез явлений в мировой экономике и политике.

«Новой реальностью» могут быть отражены любые изменения, нарушающие равновесие. В движении экономики через цикл, ее переходе из одной фазы цикла в другую тоже можно усмотреть новую реальность, отражающую изменения ВВП, занятости, инфляции, процентной ставки, валютного курса и др. Наконец, к новой реальности может быть отнесено образование новых «продуктов» функционирования экономики, например, криптовалюты.

Нерешенной остается задача выделения особого типа новой реальности, которой присущи неповторимые черты, охватывающие глобальное пространство. В диалектической целостности она призвана охватывать в противоречивом единстве как позитивные, так и негативные процессы. В качестве гипотезы мы предлагаем считать, что *происходит цивилизационный цикл, находящийся в фазе спада (отката)*. Дальнейшее изложение направлено на обоснование этой гипотезы. В качестве предварительной характеристики следует отметить, что имеется в виду особый тип новой реальности, который охватывает не только экономическую, но и всю цивилизационную реальность, причем на этапе ее отката. На уровне конкретности это проявляется в переходе к прежним уровням технологий, в падении уровня и качества жизни, идеологическом противостоянии. Ухудшаются разные сферы общественных отношений, что находит отражение в изменении форм общественного сознания. Задача теперь состоит в том, чтобы их системно исследовать, а не в том, чтобы их только фиксировать. Цивилизационный уровень исследования новой реальности требует обоснования методологии.

Методология

Методология предполагает погружение в глубинные основы исследуемого объекта. Ранее была высказана гипотеза о том, что значительная — наиболее развитая — часть мира вступила в цивилизационный цикл и находится в фазе спада (кризиса). Кризис является цивилизационным, поскольку в нем переплелись как *объективные законы* циклического движения экономики, так и *руко-*

творные источники кризиса. В основе факторов кризиса лежит столкновение законов объективного развития и «бумажных законов», которые творятся политиками и концентрированно угнетают экономику. В основе исторического цивилизационного развития лежат разделение труда и изобретения. Разделение труда как фундаментальный экономический закон имеет универсальный характер, поскольку базируется на абсолютных и сравнительных преимуществах, которые обеспечивают выгоду для всех участников обмена. Отметим, что это абсолютный закон для всех времен, континентов и форм хозяйства, кроме натурального. Свободными и взаимовыгодными отношениями экономических субъектов создается совокупный результат синергетического развития с цивилизационным эффектом. А. Смитом описан процесс, в котором экономические субъекты, преследуя свои интересы, способствуют благосостоянию всех участников. На международном уровне разделение труда и кооперация через обмен сокращают совокупные издержки и способствуют повышению совокупной эффективности использования ограниченных ресурсов. В результате происходит развитие цивилизации¹.

Разделение труда в развитии связано с инновациями и изобретательством, обеспечивая технологический прогресс. В связи с тем, что цивилизационный цикл проходит фазу спада, возникает методологически важный вопрос: а действуют ли объективные законы антиразвития? Да, особенно в циклической фазе спада, происходящего по объективным законам. Тогда возникает и другой во-

¹ Цивилизационное значение закона, основанного на разделении труда, отмечал еще Д. Рикардо: «При системе полной свободы торговли каждая страна, естественно, затрачивает свой капитал и труд на такие отрасли промышленности, которые доставляют ей наибольшие выгоды. Это преследование индивидуальной выгоды самым удивительным образом соответствует *общей выгоде всех*. Стимулируя развитие промышленности, вознаграждая изобретательность, утилизируя наиболее действительным образом все особенные силы, доставляемые природой, этот принцип приводит к *очень удобному и экономическому разделению труда между разными нациями*. И в то же время, увеличивая общее количество всех продуктов, он распространяет всеобщее благосостояние и с помощью тесных уз выгоды и сношений все сильнее связывает все *цивилизированные нации в одну всемирную общину*. Именно этот принцип объясняет нам, почему вино должно производиться во Франции и Португалии, почему хлеб должен возделываться в Америке и Польше, а различные металлические изделия и другие товары должны изготавливаться в Англии» [1, 75—76].

прос: как соотносятся законы развития и антиразвития? Ясно, что они противостоят друг другу, но характер противостояния и противодействия имеет некоторые особенности. Объективные законы «антиразвития» не затрагивают закон разделения труда и основанные на нем контрактные отношения, которые сопровождаются отмеченными выше преимуществами и свободными взаимовыгодными сделками. Но против них прямо направлены «бумажные законы». Также важно отметить, что законы развития в системной целостности экономики расположены глубже законов, направленных против развития. Благодаря этому общий экономический тренд в итоге имеет повышательную тенденцию.

Искусственно созданные против развития силы отражены в «бумажных законах». Они получили исторически конкретное название — «санкции», которые представляют собой внешнее вмешательство в основы экономического и цивилизационного развития, поскольку разрывают свободные сделки, основанные на рассмотренных выше преимуществах и взаимовыгодном обмене. Такой результат действия «бумажных законов», придуманных политиками против объективных законов экономического развития.

В результате мы имеем исторический феномен цивилизационного масштаба, который требует особого исследования.

К методологии может быть отнесен еще один вопрос. В качестве основного противоречия эпохи в XX в. была выдвинута идея противоположности и борьбы социально-экономических систем: капитализма и социализма. Социализм был определен «империей зла». При этом подразумевалось, что противоположная сторона претендует называться «империей добра». После разрушения «империи зла» появились основания надеяться, что вся ответственность за глобальное развитие лежит теперь на победившей стороне. Однако добра в глобальных измерениях не прибавилось, а злократно умножилось. Но злоторение прикрывалось благообразными лозунгами продвижения ценностей демократии «благодетелями» цивили-

зации². Однако природа капитализма, не знающего преград в приумножении богатства, остается неизменной.

Итак, противоречие между двумя системами, независимо от его содержания, находилось на уровне ценностей идеологии. Современное противоречие, симметричное по уровню, и значение, которое можно отнести к основному, отошли на порядок ниже — к борьбе за ресурсы и рынки сбыта. Если посмотреть на эти изменения с цивилизационных позиций как на иерархически сложную систему отношений и ценностей, идеологическое противостояние находится выше уровня борьбы за хлеб насущный (рынки ресурсов и благ). Выше идеологического уровня в цивилизационной системе может быть культурное противостояние. В таком случае пришлось бы иметь дело с вариантом противоречия и борьбы на более высоком уровне общественных ценностей и общественного сознания. Но произошел откат. В этой связи остается открытым вопрос: куда движется человечество?

Изменяющаяся объективная реальность, гипотеза, выдвинутая для ее целостного отражения, т. е. новое состояние объекта и предмета, требуют разработки соответствующей теории. Она пока не создана в рамках экономической теории вообще и политической экономии в частности. В данной статье выдвигаются гипотеза и начальный этап ее обоснования и доказательства в надежде на привлечение внимания и подключение новых исследовательских усилий.

Теория

Изложенная выше методология очевидным образом показывает исходный пункт анализа. В качестве такового вступает борьба двух противоположных типов институтов: институтов объективных, выражающих закон движения экономических отношений, событий, процессов, и рукотворных институтов, вытекающих из «бумажных законов» как результата воли и целей лиц, представляющих органы нормотворческой власти. Санкции воплощают в себе и выражают

²Заметим, что те же злодеяния в конце XIX — начале XX в, сопровождались идеей распространения ценностей христианства. При разных идеологических обертках сохранялась вероломная суть капиталистической системы.

свойства «бумажных законов» и соответствующих им институтов. Объективным законам соответствуют институты такой же объективной природы, которые, соответственно их природе, действуют независимо от воли и сознания людей. Современная реальность характеризуется борьбой этих двух типов институтов. Еще здесь необходимо отметить, что, создавая «бумажные законы» и принимая решения на их основе, следует ожидать результатов действия незримых или даже неведомых для санкционеров объективных законов.

Начнем с объективных институтов, поскольку в литературе экономические законы еще не стали предметом специального исследования. К таковым мы отнесли закон общественного разделения труда, «начиненный» сравнительными и абсолютными преимуществами. Данным законом экономическим субъектам гарантируется взаимовыгодное взаимодействие посредством специализации и обмена³. Этот закон не нуждается в принудительных действиях по отношению к его нарушителям и за неиспользование предоставленных возможностей. Но наказание экономического порядка за несоблюдение требований закона происходит неотвратимо. Неотвратимость экономического наказания наступает «естественно» и более четко, чем при «бумажных законах» и, соответственно, институтах. Требования закона не могут быть обойдены коррупцией, поскольку некого коррумпировать, здесь не случаются ошибки, связанные с человеческим фактором. Предпринимателю не будут прощены упущенные возможности, предоставляемые сравнительными преимуществами в производстве товаров с относительно низкими издержками в рамках отношений сотрудничества с партнером. На то он и закон, что действует объективно и неотвратимо.

Разделение труда, названное нами всеобщим законом, содержит ряд особенностей. У него нет историко-временных ограничений, он «работает» около пяти тысяч лет. Не являются для него

³«Для счастья человечества одинаково важно, происходит ли увеличение наших житейских удобств вследствие лучшего распределения труда вследствие того, что каждая страна производит те товары, к производству которых она приспособлена в силу своего положения, климата и других своих естественных или искусственных преимуществ, и обменивает их на товары других стран...» [1, 74].

препятствием политические организации, государственные границы. У него нет и пространственных ограничений, национальных государственных границ. Он «толерантен» по отношению ко всем народам. Возможность для выгодного отношения предоставляется всем. Закону этому никто не учит, но везде, где складывались товарно-денежные отношения, он неумолимо привлекался к использованию. И потому на его основе происходило цивилизационное развитие.

В объяснении нуждается вопрос: почему мы в данной работе законы (объективные) называем институтами? Делается это для понятной симметрии, поскольку рукотворные законы (которые мы называем «бумажными законами») обосновались в литературе как институты. Институционализм как направление экономической науки по необъяснимой причине до экономических законов не дотягивает или намеренно игнорируется, хотя экономические законы соответствуют всем определениям институтов. Включение экономических законов в институциональный анализ открывает новые возможности, опираясь на более солидную методологическую и теоретическую базу⁴.

Еще одна особенность закона требует внимания. Признание закона объективным не означает непременно признания его естественным законом, поскольку он появляется в обществе и не действует вне его рамок. Его общественная природа может породить соблазн воздействовать на него. Санкционное помешательство явилось искушением субъективного влияния на объективные по своей природе законы. Санкционная политика и практика явились неразумным экономическим поведением. Их суть в том, что «бумажные» институты предписывают правила поведения и ограничения, направленные на действие законов и институтов другого уровня и ранга. Подобная асимметрия начинена конфликтным потенциалом с неожиданными для санкционеров результатами. В данной работе мы вынуждены отвлечься от тех санкций, которые направлены против государства, физических лиц непредпринимательского профи-

⁴Вопрос о соотношении законов и институтов подробно рассмотрен нами в другой работе, куда вынуждены отправить читателя, чтобы не отвлекать его разъяснительным материалом и не уводить в сторону от рассматриваемой темы [2].

ля. Не все санкции затрагивают объективные экономические законы. Подобные явления, заслуживая специального исследования, не являются предметом нашего анализа. В экономическом анализе санкций основной интерес представляют меры против предпринимателей, поскольку именно они, прежде всего, являются субъектами, действующими в рамках названного фундаментального закона, и пользуются его преимуществами. Другие лица (физические) и государственные органы имеют отношение к теме только постольку, поскольку являются функциональными носителями бизнеса.

Санкциями занимается мировая политическая элита ряда стран, и их санкционная деятельность есть борьба против действия объективных экономических законов, а в качестве результатов выступает обрушение *взаимовыгодных* сделок. Санкции по замыслу и целям творцов этих институтов — инструмент одностороннего действия, а на самом деле это палка о двух концах. Двойной эффект противоположной направленности оказался неожиданным для сторонников акционерной деятельности. Они почувствовали этот противоречивый результат в виде ухудшения экономических результатов в странах, вводящих санкции. Предприниматели разных стран заключали контракты, основанные на фундаментальных ценностях рыночной экономики: свобода, добрая воля, взаимная выгода для каждой из сторон. На этих ценностях держатся вся сеть и паутина экономических отношений. Они предшествовали санкциям. Санкции направлены на разрушение этих контрактов и причинение убытков всем участникам сделок. Разрушая заключенные сделки, санкции препятствуют заключению в будущем новых взаимовыгодных контрактов. Санкционная политика и практика реализуют экономический вандализм особого рода.

К особому виду санкций следует отнести такой их вид, как установление потолка цен (нефть). Подобные действия хорошо известны и отражены в учебниках как аномальное явление в рыночной экономике. Их неизбежными результатами оказываются дефицит, теневой рынок, рост трансакционных издержек и уровня цен. От этого несут потери все, и никто не выигрывает, кроме разве только теневых торговцев. Санкционеры внедряют эти антирыночные методы на уровне международных отношений. Последствия оказались симметричными.

На поверхности явлений санкции проявляются лишь как наблюдаемое воздействие политического фактора на экономику с негативными эффектами. А на более глубинном уровне формируются элементы нового миропорядка. Каким он сложится в целом и как отразится на России? Это сложные вопросы эпохального значения, и ответ на них непросто. Для ответа необходимо тщательно и системно анализировать российскую экономику и эффективность ее системной модели. Повышенная актуальность этой темы, требующая дополнительных творческих сил для исследования столь сложных вопросов, объясняется тем, что уже обремененная тяжелым грузом санкций (за присоединение Крыма) Россия начала военную операцию, для успешного проведения которой нужны дополнительные ресурсы от экономики, которая сама уже длительное время находится в стагнации. Положение российской экономики, запас ее прочности, ресурсы развития и факторы торможения — это совокупность проблем, которые перемещают исследование в область жизненно важных и неотложных задач. Для их научного решения требуется, как отмечалось, применение системного подхода. Мы попытаемся рассмотреть некоторые из них, придерживаясь названного методологического подхода.

В большинстве развитых стран санкции проявились в ухудшении уровня и качества жизни. Влияние санкций на экономику в целом можно определить по направлениям.

Технологические ограничения привели к использованию технологий предыдущих уровней, что находит отражение в уровне качества и ассортимента товаров и услуг, ухудшения содержания труда и качества рабочих мест. Эти изменения уже охватили ряд отраслей (электронику, автопром и др.). Для санкционеров негативные последствия наступили по ряду направлений. Они вернулись к потреблению энергетических источников, от которых прежде отказались с целью цивилизационного прорыва через создание «зеленой экономики». Страны Европы шумно выдвинули задачу перехода к «чистым» источникам энергии, а пришли к применению угля, мазута, даже дров, ограничили себя в потреблении сырья для производства удобрений и экологически чистых продуктов сельского хозяйства. Ограничения коснулись и бытовых условий и удобствах. Негативными результатами санкций (в виде потолка цен) обернулось и

расширение международного теневого рынка. Таким образом, к негативному урожаю санкционной политики следует отнести: рост цен и соответственно снижение покупательной способности и качества жизни. Еще раз отметим: все перечисленные и другие негативные последствия явились результатом борьбы посредством «бумажных законов» против законов, объективных по своей природе.

Обратим внимание еще на один важный результат санкций, неожиданный для стран их происхождения. Надеясь на «бумажные законы», санкционеры планировали разрушить экономику России и «разорвать ее в клочья». Но, вводя ограничения, связанные с институциональной методологией подхода к достижению своих целей, санкционеры не учли наличия в экономической системе других (объективных) законов, о которых мы подробно говорили выше. Достижение целей «обрушения» и «разрыва в клочья» российской экономики не удалось. Это вызвало недоумение санкционеров. Еще большей неожиданностью и удивлением для них оказался обратный эффект бумеранга. Санкции, в особенности предпринимательские (и иные), ударили по экономике стран своего происхождения. Как получился такой — не очень ожидаемый — результат? С позиции объективных законов, этот результат вполне естественен, но неожиданен для сторонников «бумажных» законов. Объясняется этот результат двумя причинами. Во-первых, российская экономика унаследовала и сохранила основу своей структуры. В советские годы она создавалась с учетом стрессоустойчивости в режиме борьбы со своими геополитическими противниками. «Новая» экономика не создала в России новые отрасли и новые производственные комплексы, а уж тем более новую производственную систему. От санкций российскую экономику защитил, прежде всего, фактор наследия высокоустойчивой базы народнохозяйственного комплекса. Во-вторых, политическая элита Запада в своем целеполагании надеялась на «бумажные законы», а получила результат от действия законов другого уровня — объективных законов. Сказалась особенность экономического образования западной элиты, ограниченная неоклассикой, включая институционализм, и святой верой во всемогущество «бумажных» институтов. Объективные экономические законы изучаются и используются политической экономией. Игнорирование санкционерами этой фундаментальной экономической науки

обернулось для них неожиданными результатами, объяснение которым они продолжают искать в теоретических пространствах тех же догм неоклассики и институциональных фальшивок в виде «бумажных» законов».

Заключение

Исходя из теоретического анализа на основе предпринятого выше методологического подхода, приходим к следующим выводам: развитые страны, опираясь на политические методы, оформленные «бумажными» законами, пытались разрушительно влиять на коренные ценности рынка. Среди них — свобода и взаимная выгода сделок, которые служат главным источником не только экономического, но даже цивилизационного развития. Целенаправленные действия против факторов и источников цивилизационного развития можно назвать признаком кризиса капиталистической экономики и общества. Причины не лежат на поверхности и не могли быть учтены при разработке концепции санкционной деятельности. Более глубокое погружение в проблему позволяет обнаружить, что фактор Украины (присоединение Крыма, СВО) не является причиной, а, скорее, выступает поводом для санкционного помешательства. Таких вмешательств огромное количество (более тысячи наименований), они скрывают коренные причины своего появления и активного вторжения в экономику. А причины известны и стары в практике рыночной экономики: обособленность интересов на корпоративном и государственном уровнях; их противостояние в мировой экономике; конкурентная борьба любыми средствами; захват рынков и их передел.

Мировой рынок надо было освободить от российских конкурентов. Об этом свидетельствует и состав санкций, которые были введены задолго до СВО. Прикрывшись в качестве предлога фактом присоединения Крыма к России в 2014 г., обрушили санкции на самые конкурентоспособные, в том числе и на мировых рынках, отрасли России: нефтяную, газовую, атомную, банковский сектор, ВПК. Очевидная цель — ослабить конкурентов из России и вытеснить их с глобальных рынков. Областью столкновения силовых линий в борьбе за торгово-экономический передел мира оказались источники сырья и рынки сбыта. Доминирование США как выгодо-

приобретателя очевидно. Это соответствует их стремлению к мировому лидерству на рынках источников энергии, а также их стратегическим задачам национальной безопасности. США успешно выполняют эту задачу, в том числе и за счет экономического благополучия стран Европы. Вытеснив Россию с рынков Европы, США навязали им энергоносители по более высоким ценам. Страны Европы вынуждены приобретать американский СПГ по более высоким ценам. Попутно США получили относительные преимущества по издержкам по отношению к Европе — Германия, например, не только оказалась в зоне рецессии в 2024 г., но и утрачивает положение самой большой экономики в Европе. Американское благополучие достигается прецессионными тенденциями стран Европы. Американские ТНК получили мощную поддержку в конкурентной борьбе против России, но конкурентные преимущества зарубежных компаний по отношению к российским выросли не из экономики и технологий, а из политики. Крым, СВО — лишь благовидное прикрытие для массового обывателя.

Продолжим выводы. Кризисные явления в области экономики и цивилизации переместились в XXI в. к противостоянию в области «хлеба насущного» — источников ресурсов и рынков сбыта. Мотивацией и источником волатильности оказались две силы, очень разные по природе и по уровню: объективнее законы и «бумажные» законы с симметрично соответствующими им институтами, которые имеют противоположное содержание, направленность и действие. В экономической системе они занимают разные уровни. Силы развития располагаются глубже сил противостояния, и именно им в конечном счете принадлежит решающее влияние на основной тренд. Но на этом пути имеются большие риски и опасности, которые трудно прогнозировать. Цикл прогресса цивилизации, как и любой цикл, может потребовать жертв. Кто окажется плательщиком за прогресс цивилизации и какова будет цена? Вспомним хотя бы, сколько в XX в. цивилизованный мир заплатил за свое спасение от наведение порядка по законам фашизма. Обращение к прошлому позволяет учитывать масштабы жертв цивилизационного уровня. Нынешняя кризисная ситуация не позволяет этого сделать из-за высокой степени неопределенности. В глобальном противоборстве Россия оказалась на стороне прогресса, поэтому на нее выпали рис-

ки и тяжесть издержек. Исход борьбы такого уровня всегда зависел от количества и качества соотношения ресурсов противоборствующих сторон. При равных условиях, т. е. при примерном равенстве ресурсов, России благоприятствует нахождение в зоне действия законов развития, которые расположены глубже законов разрушения и цивилизационного отката. Но это при условии примерного равенства ресурсов. В сложившейся ситуации главная проблема для России — избежать ловушку жертвы цивилизационного цикла. Риском является то, что Россия вошла в глобальное противоборство с базы несовершенной экономической модели, многолетней стагнации и остро нуждается в создании точек, очагов и системы роста, о чем более подробно написано в другой нашей работе [3].

Литература

1. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и податного обложения. М.: Соцэкгиз, 1935.
2. *Хубиев К.А.* Институциональный шлейф в экономической теории и практике // Российский экономический журнал. 2023. № 1.
3. *Хубиев К.А., Теняков И.М.* Надломленный вектор экономического развития // Вопросы политической экономии. 2022. № 2. С. 22—39.

References

1. *Rikardo D.* Nachala politicheskoy ekonomii i podatnogo oblozheniya. M.: Socekgiz, 1935.
2. *Hubiev K.A.* Institucional'noj shlejf v ekonomicheskoy teorii i praktike // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2023. № 1.
3. *Hubiev K.A., Tenyakov I.M.* Nadlomlennyy vektor ekonomicheskogo razvitiya // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2022. № 2. S. 22—39.

В.Е. ГАВРИЛОВА

Реальные и мнимые функции денег в современных условиях*

Аннотация. Основные изменения в финансовой и денежной сфере, связанные с усложнением и трансформацией денежных инструментов, их принадлежности, особенностями взаимодействия трансграничных и национальных платежных систем, делают необходимым пересмотр способов функционирования денег. В статье рассматриваются основные аспекты применимости известных функций денег в контексте современных условий. Автор анализирует подходы к определению денег и дает обзор трансформации функций денег в соответствии с доминированием различных видов денег. В статье анализируются способы функционирования денег как экономической, так и неэкономической направленности. Уточняется и расширяется перечень реальных способов функционирования денег, в том числе в социальной, культурной, властной и философской областях человеческого бытия. В статье обосновывается необходимость признания непроявленных функций денег. В заключение отмечается, что категория стоимости, вслед за деньгами, претерпела принципиальные изменения и в современное время приближается к полной виртуализации.

Ключевые слова: деньги, функции денег, платежные инструменты, цифровая валюта центрального банка.

Abstract. Major changes in the financial and monetary sphere associated with the complication and transformation of monetary instruments, their ownership, and the peculiarities of the interaction of cross-border and national payment systems make it necessary to revise the ways in which money functions. The article discusses the main aspects of the applicability of the known functions of money in the context of modern conditions. The author analyzes approaches to the definition of money and gives an overview of the transformation of the functions of money, in accordance with the dominance of different types of money.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гаврилова В.Е. Реальные и мнимые функции денег в современных условиях // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 72—88. DOI: 10.5281/zenodo.10869307.

The article analyzes the ways in which money functions, both economic and non-economic. The list of real ways of functioning of money is being clarified and expanded, including in the social, cultural, power and philosophical areas of human existence. The article substantiates the need to recognize the unmanifest functions of money. In conclusion, it is noted that the category of value, following money, has undergone fundamental changes and in modern times is approaching complete virtualization.

Keywords: money, functions of money, payment instruments, central bank digital currency.

УДК 336.74
ББК 65.262.6

Финансовое доминирование в процессе воспроизводства в XXI в.

Деньги — отчужденная мощь человечества.
К. Маркс

Особенно выпукло процесс наделения денег изначально несвойственными для них целями и задачами стал заметным в период доминирования финансового сектора, т. е. сферы распределения, над производственным сектором, когда была разрушена изначальная логика экономического процесса. В результате этой инверсии в конце XX — начале XXI в. финансовые отношения подчинили производство, а в условиях финансового модерна [4, 122] первой четверти текущего столетия деньги уже вытеснили финансы, претендуя на место гегемона в экономической сфере.

Однако в настоящее время остается открытым вопрос, в чем заключается уникальная функция денег, которая, в отличие от многих признаваемых экономической наукой способов их функционирования, является выражением сущности денег на современном этапе развития экономических отношений.

Поиски ответа на этот вопрос лежат в анализе финансовой стадии капиталистической экономики, за которой закрепилось емкое понятие «финансизм». Отличительные черты и сущностные признаки финансизма были вскрыты российскими учеными еще

четверть века назад [14, 6], а последующее развитие в русле доминирования финансов продемонстрировало их научную состоятельность и прозорливость.

Финансизм, или финансовая экономика, проявляется в поступательной виртуализации экономики, деформации как источника стоимости, которым перестает быть производство, так и ее величины, как итога освобождения стоимости от результата взаимодействия спроса и предложения. Виртуализация стоимости количественно проявляется в отсутствии какой-либо зависимости между объемами финансовых и реальных активов, что приводит к формированию стоимости вне производства, ее обособлению в процессе распределения.

Для финансизма характерно доминирование кредитных отношений, распространяющихся далеко за рамки собственно отношений экономических. Иными словами, отношения прибыльности, окупаемости, возвратности, «рисковости» становятся неотъемлемыми характеристиками социальности, культуры, самого человека, который быстрыми темпами трансформировался из цели национальной экономики в транснациональный ресурс (средство) под названием «человеческий капитал», эффективность которого оценивается исключительно в денежных координатах.

Смысловая неопределенность категории «деньги» в современных условиях

Следствием универсальности и идеальности денег как научной категории является их смысловая неоднозначность как в теоретической, так и в практической плоскости анализа. Универсальность денег обуславливается их неисключаемостью не только из хозяйственной практики, но и в целом из жизнедеятельности человека.

Если для измерения времени используются общепринятые временные отрезки — час, сутки, год, столетие, то для оценки и соизмеримости процессов и результатов человеческого бытия в виде затраченной физической, интеллектуальной энергии, созданных благ, оказанных услуг используется денежный эквивалент, будучи общепринятым, он не может считаться неоспариваемым.

Одновременно деньги являются категорией идеальной, а все, что называется деньгами и используется в качестве денег, — не что иное, как форма их глубинной нематериальности. Если принимать за деньги их товарную форму, то окажется, что это экономическое благо не имеет срока годности и не может быть смещено конкурентом, т. е. оно свободно от жизненного цикла. Деньги как товар не изнашиваются, т. е. не подлежат амортизации.

Но, самое главное, деньги нельзя назвать товаром в хрестоматийном понимании. Скорее, следует говорить о деньгах как об исключительном общественном благе товарного типа, поскольку они отвечают за координацию действий всего общества, выступая мериллом мирового богатства, а воспроизводство денег в этом качестве возможно только с помощью государства или силы, ему эквивалентной. Опираясь на изложенные аргументы, представляется логичным определить деньги как *особое идеальное общественное благо в форме бессрочного долгового инструмента, ценность которого является вмененной величиной со стороны их эмитента*.

На практике мы имеем ситуацию, когда нет полноценного, утвержденного в качестве эталонного определения денег. В обществе, от школьных учебников по пресловутой финансовой грамотности до академических изданий, мы имеем понимание денег как всеобщего эквивалента, смысл которого раскрывается через их функции. Так обстоит дело и в академических изданиях советского периода [8], и в современных энциклопедических изданиях. Например, в Большой российской энциклопедии вместо общепринятого компактного определения денег представлен материал о золоте, видах и функциях денег, взятый из американского учебника «Экономика» К.Р. Макконнелла и С.Л. Брю, в котором указывается, что «деньги — это все, что выполняет функции средства обращения, меры стоимости, средства сбережения» [7].

В нормативно-правовых актах (НПА) Российской Федерации, прежде всего в Гражданском кодексе РФ (ст. 140) [6], дается название законного платежного средства под названием «рубль». Там же говорится, что рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории страны, а платежи на территории России осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми

рублями. В п. 2 ст. 140 оговорено, что использование иностранной валюты регламентирует отдельный закон о валютном регулировании [15]. Данная статья ГК РФ содержит указание на функцию денег — средство платежа — и указание на наличие трех форм денег: наличные, безналичные и цифровой рубль Банка России, при этом определение денег отсутствует. В ст. 128 ГК РФ говорится, что деньги следует отнести к категории вещей, а в соответствии со ст. 130 ГК РФ деньги и ценные бумаги относятся к движимому имуществу, регистрация прав на которое не требуется [6]. Налоговый, как и бюджетный, кодекс РФ, не содержит определений денег.

В этой связи не удивительно, что НПА зарубежных стран, вслед за собирательным образом «британские ученые», определяют деньги как «все, что выполняет функции денег». Так, в США «Юридический словарь» Блэка (Black's Law Dictionary), который традиционно считается вторичным источником права, содержит настолько общее определение денег, насколько это в принципе возможно: «Деньги — это общий, *неопределенный термин* для обозначения меры и представителя стоимости; валюта; циркулирующая среда; наличные. “Деньги” являются общим термином и охватывают любое описание монеты или банкнот, признанных *по общему согласию* в качестве представителя стоимости при обмене собственностью или уплате долгов» [9]. В словаре указывается, что деньги чеканятся государственной властью, обладают стоимостью, установленной правительствами, а в более широком смысле деньги равнозначны богатству.

Подобная неопределенность в понимании денег объясняется тем фактом, что, по мере исторического развития, они постоянно трансформируются, создаются новые виды денег в ответ на запросы соответствующей стадии хозяйственных отношений, с одной стороны, и заключают в себе неограниченные возможности осуществления власти — с другой.

Исторически первые *товарные, или торговые, деньги* обслуживали докапиталистические отношения. Эти товарные деньги сегодня олицетворяются с драгоценными металлами — золотом и серебром. Однако они функционировали в виде объектов, которые можно представить тремя группами. Во-первых, это объекты органического происхождения (люди-рабы, скот, мех, морские ракови-

ны). Во-вторых, это объекты растительного происхождения (зерно, табак, масло). В-третьих, это объекты неорганического происхождения (орудия труда, гвозди, золотой песок, соль, украшения, камни) [5, 23]. В данном случае справедливы функции меры стоимости и средства обращения, поскольку товарные деньги конечны во времени, локальны, безынвестиционны.

На этапе капитализма свободной конкуренции торговые деньги были дополнены *кредитными деньгами* (поступательно развивающимися от коммерческих векселей и банкнот частных банков к депозитным деньгам), которые, являясь обязательственными отношениями [13], оттеснили золото, позволив ему присутствовать лишь в международном обращении. В данном случае справедлив известный список функций денег, в соответствии с которым деньги:

- формируют ценность товаров, выступая в качестве меры стоимости;
- обслуживают рыночные сделки как средство обращения;
- выступают как средство платежа, и движение денег в этом случае не сопровождается встречным движением товара, а рента и налоги как нетоварные платежи наполняют эту функцию;
- служат количественной характеристикой накопленных средств в случае образования сокровищ.

В условиях монополистической фазы капитализма на базе акционерной собственности формируются *финансовые деньги*, призванные ее обслуживать посредством разнообразных ценных бумаг. Последние являются не только долговыми обязательствами, но и выступают олицетворением титулов собственности, функционируя в качестве «мировых денег», олицетворяя общественное титульное богатство.

В XX в. формируется и активно развивается финансовый рынок, который, помимо фондового сегмента, включает рынок кредитного денежного капитала, что приводит к формированию собственно *рыночных денег*, под которыми следует понимать совокупность торговых, кредитных и финансовых денег, взятых в единстве. Рыночные деньги являются объективным результатом естественных потребностей товарного обмена и носят эволюционный характер.

В отличие от рыночных денег на всех этапах экономического развития существовали *государственные эмиссионные деньги*, про-

исхождение и цели которых носят рациональный характер. Эмиссионные деньги меняли свои исторические формы, принимали смешанные формы с кредитными, финансовыми и собственно рыночными деньгами, но всегда оставались креатурой института верховной власти, выполняя функции формирования и поддержания этой власти в соответствии с этапами развития института государства [5].

Очевидно, что каждая последующая форма рыночных денег вступала в свои права только после того, как предыдущая завершала свой жизненный цикл. В любом случае современные деньги предстают как общественное бытие ценности всех экономических благ, участвующих в хозяйственном обороте в данный момент времени. Научно-практическая интрига заключается в понимании, какая форма товарных денег имманентна сегодняшним потребностям торговых отношений. Сохраняются ли сегодня товарные деньги или следует говорить об их полной диффузии с государственными эмиссионными деньгами, которые, в свою очередь, теряют признаки государственности, что влечет трансформацию способов функционирования денег?

Символическая природа денег современности как коллективного инструмента доверия

Наша рабочая гипотеза заключается в том, что деньги современности приобрели исключительные качества, среди которых следует выделить символизм, базирующийся на их виртуальности. Деньги как олицетворение доверия, которое сформировалось постепенно, но без непосредственного участия всех участников процесса воспроизводства. Логично утверждать, что доверие оказалось обязательным вмененным элементом современных денег.

Тема денег как общего согласия и доверия прекрасно раскрыта в работе французских ученых, которые отмечают, что доверие к деньгам — это своеобразный категорический императив, смысл которого в постоянной вмененной готовности всех участников экономических отношений принимать предлагаемые деньги к расчетам; принимать их в качестве абсолютно законных инструментов расчетов; принимать эти деньги, осознавая, что заведенный порядок вещей может принести выживание и даже благосостояние [1].

Как еще можно понимать это «общее согласие», как не тотальное доверие по отношению ко всему, что используется в качестве денег? При этом понимание денег как инструмента доверия следует рассматривать с разных ракурсов: для потребителей денег и для их производителей или собственников.

Среди экономических агентов, которые, в отличие от производителей этого общественного отношения (которое может претендовать на роль особого общественного товара-блага), оказываются их потребителями, следует выделить три основные группы в виде домохозяйств, фирм, правительства.

При этом самостоятельную группу экономических агентов представляют фирмы в лице представителей финансовой сферы, которые не могут быть в полной мере отнесены к «хозяевам» денег, но формально интегрированы в процесс создания денег. В эту специфическую группу входят финансовые посредники, а также индивидуальные предприниматели, которые обслуживают банковское дело, страхование, бизнес-консультирование, рейтинговый бизнес, инвестиционные, пенсионные фонды и т. п. Названные виды фирм одновременно обслуживают процесс надления денег ценностью и доверием, иными словами, интегрируются с хозяевами денег, с одной стороны, но вынуждены выступать в роли рядовых их потребителей — с другой.

Символизм современных денег для вышеназванных экономических агентов, за которыми стоит подавляющее большинство человечества, проявляется в несогласованности номинальных значений денежных единиц и себестоимости, следовательно, и стоимости товарных единиц. Под общим термином «несогласованность» мы понимаем фактическое несоответствие количества среднеотраслевых затрат труда на единицу товара n и его номинальную стоимость, выраженную в денежных единицах, если рассуждать в категориях трудовой теории стоимости. В рамках управленческой парадигмы данная несогласованность принимает форму воздействия на всех участников денежных отношений со стороны собственников денег, если под деньгами понимать вышеупомянутое тотальное доверие по отношению к эмитенту и регулятору платежных средств.

Если первая когорта экономических агентов, так называемые потребители денег, занимает подчиненное положение в системе фи-

нансовой эксплуатации, является полностью отчужденной от процесса надления ценностью денежных инструментов и вынужденно принимает денежный символизм, то вторая мегаэкономическая группа, так называемые производители денег, через институт собственности с соответствующими формами его проявления осуществляет властные отношения.

Доминирование фиктивности над реальностью в функционировании денег современности

В размышлениях о реальности и мнимости функций современных денег невозможно обойти позицию К. Маркса, который выделяет четыре активные функции денежного товара, под которыми он понимает золото, и одну пассивную. Именно публичное функционирование золота в качестве материала «для выражения стоимости товаров» наделяет этот металл сущностью универсального товара или денег, и происходит это скрыто, неявно для наблюдателя, пассивно (с позиций золота как универсального товара) по отношению ко всем реальным и латентным сделкам. В данном случае золото исключительно фактом своего существования функционирует во всех стадиях воспроизводства.

К. Маркс утверждает, что работа золота в качестве меры стоимостей [12, 104] заключается не в том, чтобы сделать товары соизмеримыми, а в том, чтобы проявить истинное положение дел и показать, как через «овеществленный человеческий труд» становятся сравнимы результаты производственной деятельности. Однако и поверхностные, и глубинные изменения в способах функционирования денег, которые произошли со времен К. Маркса, доказывают, что современные деньги, выполняя эту, ранее пассивную функцию, как раз отвечают за формирование стоимости товаров. Это происходит, поскольку современные инструменты, которые принято считать деньгами, никак не связаны ни с золотом, ни с любым другим объектом — материальным носителем результата общественного труда. Современное «обнуление» [3] денег в рамках процесса цифровизации платежной системы, особенно в случае применения криптовалют, убедительно доказывает мнимость этой первичной, по Марксу, функции денег в современных условиях.

Остальные четыре функции денег — средства обращения, платежа, накопления и мировые деньги — носят активный характер и закрепляются за ними в процессе воспроизводства. Однако в результате развития дистанционных инструментов платежа в рамках фиатной денежной системы — сначала с помощью банковских карт, позже в рамках системы быстрых платежей (СБП) — стало невозможно разделить функционирование денег в качестве средства платежа и средства обращения. В этой связи следует признать справедливость редуцирования списка К. Маркса из пяти пунктов, в соответствии с деньгами в виде золота, до списка из трех пунктов, в соответствии со взглядами У.Ст. Джевонса в рамках маржинализма. Теория предельной полезности, не скрывая своего идеологического несоответствия и несогласия с трудовой теорией стоимости, считает деньги сугубо техническим орудием обмена, и в качестве счетного инструмента они выполняют функции средства обращения, меры ценностей и средства накопления. В последнем случае деньги являются активом для обеспечения потребительской активности в будущем и не претендуют на тотальность, всеобщность, иррациональность и виртуальность: они реальны, инвестиционны, всегда и для всех привлекательны.

Следует констатировать, что сегодня ни один из указанных подходов по поводу функции денег не является научно состоятельным, поскольку современные деньги не являются золотом, как у Маркса, и не являются выразителем ликвидности для обслуживающей доминирующей сферы потребления, как у У.Ст. Джевонса.

Мы видим, что в результате долгого пути развития для современных потребителей денег доступны три функции денег. Первая, системообразующая, функция денег заключается в их работе в качестве меры ценности, предлагая обществу оценить товары в количественно определенной форме. В этом качестве деньги используются для учета, анализа показателей деятельности фирм и национальных экономик, являются базой для научного экономического прогнозирования и моделирования. Две другие функции денег выполняют утилитарные задачи и служат как для накопления ликвидности в счет будущих расходов, так и для текущего потребления.

Однако для производителей денег как сложного общественного отношения список способов их функционирования дополняет-

ся неэкономическими аспектами, такими как степень и привлекательность ликвидности, инфляционные настроения, ориентированность на накопительный или расточительный вариант потребительской активности, а также потенциальная и реальная вовлеченность широких слоев населения в кратко- и долгосрочные государственные проекты. Следовательно, поиск ответа на вопрос, каковы фиктивные функции денег, возможен с опорой на анализ неэкономических функций денег, который показывает, что сегодня деньги — это возможность, ценность, идея, игра, власть, мера человеческих потребностей и глупостей, что крайне популярно в обществе потребления.

Более серьезный анализ позволяет утверждать, что социальная функциональность денег представляет сложное явление. Неэкономические функции денег могут быть представлены как совокупность из таких аспектов денег, которые одновременно создают тотальную привлекательность ликвидности, вытесняя моральные, этические, религиозные, семейные ценности, и показывают (для способных к аналитическому мышлению) ущербность подобной доминантности.

Общество потребления с доминированием рыночных денег предельно атомистично, и деньги, сначала разрушив человеческие отношения, основанные на доверии, доброте, коллективизме, оказываются единственной интегрирующей силой за счет универсальности процесса обмена.

Очевидная универсальность денег, а также их абстрактность, приводят к способности денег уравнивать людей через обладание одними и теми же материальными и нематериальными объектами, чего нельзя помыслить в традиционном кастовом обществе еще середины XX в. В данном случае происходит диффузия элитарной и массовой культуры, а исчезающий ныне средний класс получил в свое время возможность приобщиться ко всем недостижимым ранее формам роскоши в виде доступных реплик всех модных домов, онлайн-доступа к мировым шедеврам живописи, музыки, предметам интерьера, дизайна и т. п.

Деньги, выполняя функцию социальной идентификации, формируют свойства личности, а «финансовые меньшинства» [10, 25] сами приобретают свойства денег в виде безразличия к особен-

ностям общества и высокой мобильности. Эти финансовые меньшинства готовы к вечной социальной и географической мобильности вслед за деньгами, что диктуется следующей функцией современных денег — олицетворением рационального поведения.

Глобальному и национальному эмитенту крайне выгодна ситуация стабильности в плане доверия к современным виртуальным, ничем не обеспеченным деньгам. И в этой связи власть продуцирует функцию доверия к деньгам со стороны абстрактной экспертной системы, афиширует это доверие, разъясняя его, по большей части, с позиций своих интересов.

Это доверие особого рода, основанного на осознании обществом риска биржевого, валютного, риска мошенничества, разбоя, махинаций с разной степенью легальности, что приводит к еще одной социальной функции современных денег и делает из денег инструмент создания социального напряжения. Указанное напряжение носит, скорее, социально-экономический характер, хотя проявляется исключительно через неэкономические варианты поведения в виде готовности реагировать на изменения независимо от количества имеющихся денег, от интенсивности семейных денежных потоков, объема текущих и просроченных долгов, профессиональной и статусной принадлежности.

Описанное социально-экономическое напряжение формирует инструмент постоянной трансформации качественных характеристик бытия в количественные параметры, что приводит к насаждению той самой западной культуры, основанной на рыночной модели познания, самоактуализации и реализации личности.

Однако переломные, с точки зрения доминирования экономических укладов, 2020-е гг. привнесли заметную трансформацию денежного мышления в сторону рационализации расходов, необходимости экономии на показательном потреблении, внимательного использования опосредованной финансовой помощи со стороны государства в виде использования, например, налоговых вычетов. Однако со стороны монетарных властей усиливается тенденция к монетарному тоталитаризму, что проявляется в поступательных действиях со стороны Банка России по внедрению в оборот третьей формы денег — цифрового рубля Центрального Банка без внятного обоснования необходимости в указанной новации. Заявлено, что

«цифровой рубль создается как средство для проведения платежей и переводов, а не как средство сбережения или кредитования», в связи с чем проценты на цифровые рубли начисляться не будут [16].

По всей видимости, мы на пороге таких событий в денежно-кредитной сфере, в рамках которых непроявленные функции денег постепенно будут придаваться огласке, а фиктивные — принимающие в современное время форму легальных — будут нивелироваться или окажутся под фактическим запретом [3].

В парадигме усиления власти эмиссионных центров, а также исходя из сложной экономической природы современных денег, которую можно определить как государственно-рыночную трансграничного типа, следует признать за современными деньгами ряд реальных, но пока еще не проявленных функций.

Прежде всего, речь идет о функции денег как инструмента предельной поляризации общества и создании второй природы люкс-уровня для минимального числа семей. Подобные проекты в виде плавучих городов, полностью автономных от остального мира, частично обнародованы как для отработки известного приема «окна Овертона», так и для выявления рисков их реализации.

Второй реальной функцией денег в условиях доминирования финансового капитала и монетарного мышления может считаться неомальтузианская функция. Ее смысл заключается в контроле за базовыми демографическими показателями общества через конструируемые с помощью денежных параметров условия воспроизводства населения посредством коридоров уровня и качества жизни, качества и количества продуктов фармакологии, телемедицины, доступа к хирургическим манипуляциям, к страховым медицинским продуктам и т. п.

Третья реальная функция современных денег связана с процессами социализации, в которых деньги выступают как инструмент деформации ментальности. Для богатых слоев населения с характерной практической ориентацией *homo oeconomicus* на деньги, на накопление и стяжательство наблюдается устойчивое превращение личности в биологический организм. Для бедных слоев населения деформация сознания воспроизводится за счет иллюзорных целей в виде роскоши и одновременного указания на невозможность достижения и сотой части экранного богатства разрекла-

мированной элиты. Показательным примером является использование фейковых брекето́в среди части небогатого городского населения КНР, поскольку этот способ формирования привлекательной внешности доступен лишь богатым. В данном случае деньги функционируют как инструмент деградации традиционного критического мышления для указанных когорт населения, с одной стороны, и поддержания депрессивного состояния у представителей среднего, думающего класса — с другой.

Проведенный анализ позволяет предположить существование единственной функции денег, которая в условиях финанси́зма, в отличие от подвижных, исторически определенных и не всегда иерархически выстроенных способов функционирования денег, заключается в эксплуатации собственниками денег всех остальных участников экономических отношений посредством силового поддержания общественного признания фиктивной экономической природы современных денег.

Выводы

В условиях современного этапа трансформации мировой экономики особую значимость приобретает не только сохранение устоявшихся экономических связей между государствами, но и формирование новых каналов взаимодействия между национальными экономикками. Институт денег занимает лидирующую позицию в хозяйственном взаимодействии между всеми государствами, а конкретные формы его проявления в виде платежных средств, национальной валюты, платежной системы, денежного сегмента финансового рынка, а также инфляционные процессы, динамика процентной ставки, ценообразование на рынке труда являются инструментами обеспечения воспроизводства той или иной национальной экономической системы.

Центральными элементами института денег являются конкретные средства платежа, под которыми принято понимать деньги в узком смысле, которые демонстрируют определенный набор способов функционирования, т. е. выполняют работу в рамках экономической системы, характерную исключительно для денег. Именно эти способы функционирования денег хорошо известны и объяснены столпами экономической теории, принимая легальный и леги-

тимный характер, они формируют понятие «деньги» в широком смысле.

Логично предположить, что об истинных целях, задачах, конструктивности или деструктивности той или иной экономической категории можно судить исходя из единственной системообразующей функции, которая, в случае с деньгами, не является очевидной и неизменной на разных этапах экономического развития.

За долгую историю существования института денег единственной смысловой константой оставалась их связь с категорией стоимости, выразителем которой деньги естественным образом являются. Однако способы их функционирования продемонстрировали значительные содержательные трансформации, в результате чего современные, или новые [4], деньги распространили свое явное и косвенное влияние далеко за пределы экономических отношений. В этой связи проблематика денег является одной из лучших иллюстраций новой сложности, которая нарастает по экспоненте, постоянно наполняясь новыми смыслами [11].

Литература

1. *Аглиетта М., Орлеан А.* Деньги между насилием и доверием, М., 2006.
2. *Гаврилова В.Е.* Институт денег: от Античности до Финансового модерна: Монография. М.: Издат. дом «Научная библиотека», 2023. 187 с.
3. *Гаврилова В.Е.* Контуры денежной системы России в 2020—2030-е гг. // *Философия хозяйства.* 2023. № 3. С. 71—86. DOI: 10.5281/zenodo.7929666.
4. *Гаврилова В.Е.* Новые деньги в глобальной экономике 4.0 // *Вест. Моск. ун-та. Сер. Глобалистика и геополитика.* 2020. № 2. С. 77—88.
5. *Гаврилова В.Е.* Эволюция концептуальных основ теорий денег: Монография. М.: Издат. дом «Научная библиотека», 2023. 296 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023.): URL:<https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.02.2024).

7. Деньги // Большая российская энциклопедия: URL:<https://bigenc.ru/c/den-gi-a4017d> (дата обращения: 24.02.2024).
8. Деньги // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. А.М. Прохорова: URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_3504252_1000604804/ (дата обращения: 24.02.2024).
9. Деньги // Black's Law Dictionary: URL: <https://thelawdictionary.org/money/> (дата обращения: 24.02.2024).
10. Зарубина Н.Н. Деньги как социокультурный феномен. М.: Анкил, 2011. 200 с.
11. Кузин Д.В. Парадигма сложности в современном менеджменте // *Философия хозяйства*. 2023. № 3. С. 191—217. DOI: 10.5281/zenodo.7929827.
12. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1988. 891 с.
13. Матюхин Г.Г. Проблемы кредитных денег при капитализме. Историчность форм денег и их функций. М.: ЛЕНАНД, 2017.
14. Осипов Ю.М. Финансовая экономика как высшая форма бытия экономики // *Экономическая теория на пороге XXI века* — 4. Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. М.: Юристъ, 2001. 704 с. С. 5—18.
15. Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ (последняя редакция): URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (дата обращения: 06.02.2024).
16. Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться: URL:<https://cbr.ru/faq/dr/> (дата обращения: 24.02.2024).

References

1. Aglietta M., Orlean A. Den'gi mezhdu nasiliem i doveriem, M., 2006.
2. Gavrilova V.E. Institut deneg: ot Antichnosti do Finansovogo moderna: Monografiya. M.: Izdat. dom «Nauchnaya biblioteka», 2023. 187 s.
3. Gavrilova V.E. Kontury denezhnoj sistemy Rossii v 2020—2030-e gg. // *Filosofiya hozyajstva*. 2023. № 3. С. 71—86. DOI: 10.5281/zenodo.7929666.

4. *Gavrilova V.E.* Novye den'gi v global'noj ekonomike 4.0 // Vest. Mosk. un-ta. Ser. Globalistika i geopolitika. 2020. № 2. S. 77—88.
5. *Gavrilova V.E.* Evolyuciya konceptual'nyh osnov teorij deneg: Monografiya. M.: Izdat. dom «Nauchnaya biblioteka», 2023. 296 s.
6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994. № 51-FZ (red. ot 24.07.2023.): URL:<https://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 06.02.2024).
7. Den'gi // Bol'shaya rossijskaya enciklopediya: URL:<https://bigenc.ru/c/den-gi-a4017d> (data obrashcheniya: 24.02.2024).
8. Den'gi // Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. 2-e izd. / Pod red. A.M. Prohorova: URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_3504252_1000604804/ (data obrashcheniya: 24.02.2024).
9. Den'gi // Black's Law Dictionary: URL: <https://thelawdictionary.org/money/> (data obrashcheniya: 24.02.2024).
10. *Zarubina N.N.* Den'gi kak sociokul'turnyj fenomen. M.: Ankil, 2011. 200 s.
11. *Kuzin D.V.* Paradigma slozhnosti v sovremennom menedzhmente // Filosofiya hozyajstva. 2023. № 3. S. 191—217. DOI: 10.5281/zenodo.7929827.
12. *Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. Kn. 1. Process proizvodstva kapitala. M.: Politizdat, 1988. 891 s.
13. *Matyuhin G.G.* Problemy kreditnyh deneg pri kapitalizme. Istoričnost' form deneg i ih funkcij. M.: LENAND, 2017.
14. *Osipov YU.M.* Finansovaya ekonomika kak vysshaya forma bytiya ekonomiki // Ekonomicheskaya teoriya na poroge HKHI veka — 4. Finansovaya ekonomika / Pod red. YU.M. Osipova, V.G. Belolipeckogo, E.S. Zotovoj. M.: YUrist", 2001. 704 s. S. 5—18.
15. Federal'nyj zakon «O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole» ot 10.12.2003 № 173-FZ (poslednyaya redakciya): URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (data obrashcheniya: 06.02.2024).
16. Cifrovoj rubl': chto eto takoe i kak im pol'zovat'sya: URL:<https://cbr.ru/faq/dr/> (data obrashcheniya: 24.02.2024).

Н.П. НЕДЗВЕЦКАЯ

Цифровая экономика как отражение новой хозяйственной реальности*

Я хотел бы написать о будущем, но не о таком будущем, которого я бы желал, но о таком, которого надо остерегаться.

Ст. Лем

Аннотация. Постепенная трансформация классической экономики, которая наблюдается последние несколько десятилетий, в совершенно новую, быстро меняющуюся цифровую экономику требует определенного подхода в анализе и выявление особенностей новой хозяйственной реальности. Процесс цифровизации изменил все стороны человеческого существования, сформировав «экономику данных», а внедрение искусственного интеллекта в различные хозяйственные сферы оказывает сильнейшее воздействие на преобразование человеческой деятельности и становится эффективным коммерческим средством для достижения высоких экономических результатов в современной действительности. Однако цифровизация ставит перед человеком и новые проблемные вопросы.

Ключевые слова: глобализация, цифровая экономика, научно-техническое развитие, искусственный интеллект, цифровизация социума, новая хозяйственная реальность, цифровая трансформация.

Abstract. The gradual transformation of the classical economy, which has been observed over the last few decades, into a completely new rapidly changing digital economy requires a certain approach in analysing and identifying the features of the new economic reality. The process of digitalisation has changed all aspects of human existence, forming a data economy, and the introduction of artificial intelligence in various economic spheres has a strong impact on the transformation of

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Недзвецкая Н.П. Цифровая экономика как отражение новой хозяйственной реальности // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 88—97. DOI: 10.5281/zenodo.10869320.

human activity and becomes an effective commercial means to achieve high economic results in the modern reality. However, digitalisation also poses new problematic issues for humans.

Keywords: globalization, digital economy, scientific and technological, artificial intelligence, digitalization of society, new economic reality, digital transformation.

УДК 330
ББК 65

В последнее время понятие «цифровая экономика» все чаще встречается в научной литературе и вызывает много споров среди специалистов различных стран, которые, рассматривая ее как «новую» экономику, пытаются дать определение современной системе хозяйственных отношений. При этом ученые стремятся ответить на целый ряд вопросов: как классифицировать этот современный вид экономики и когда именно она возникла; можно ли говорить о ее значимой роли, а главное, в чем заключается отличие цифровой экономики от традиционной?

Обращаясь к термину «цифровая экономика» и анализируя причины его возникновения, мы связываем это понятие, в первую очередь, с развитием нового этапа научно-технического прогресса, который начался более двух десятилетий назад и характеризовался ускоренным распространением высококачественных информационных и коммуникационных технологий, а также быстрым развитием компьютерной сферы в условиях расширяющейся глобализации. При этом экономическая трактовка глобализации понимается как целая цепочка новых экономических процессов и явлений: укрупнение рыночного хозяйства; усиление финансовых и коммерческих потоков; растущая интеграция национальных хозяйств; формирование новых мировых рынков.

Уже двадцать лет назад новая экономика была весьма дискуссионной и у многих вызвала снисходительное отношение, а зачастую полное неприятие и даже отрицание. Однако понятие «цифровая экономика» все же родилось и укоренилось в головах ученых, и своим появлением было обязано, с нашей точки зрения, трем основополагающим факторам 1990-х гг.: невероятному расширению

рынка телекоммуникационных технологий, невероятному компьютерному буму по всему миру и, конечно, мгновенному распространению интернета с возникновением первого сервера World Wide Web (WWW) в 1991 г.

«Неоэкономика», «новая хозяйственная реальность», «цифровая экономика», «экономика Big Data»⁵ — все эти экономические термины возникли и участились в использовании в последующие годы, опять же, главным образом, в связи с дальнейшей эволюцией достижений науки и техники. Профессор Ю.М. Осипов, уникальный ученый-мыслитель нашего времени, ввел понятия «киберномика»⁶ и «постэкономика», которые очень емко отражают современную хозяйственную реальность. Именно уровень развития научно-технического сектора является в настоящее время определяющим фактором роста и модернизации экономики.

Нынешний этап цифровизации отличается распространением и внедрением в различные сферы хозяйственной жизни постиндустриального социума искусственного интеллекта — ИИ, или AI (Artificial Intelligence), с уже устоявшейся аббревиатурой, принятой в русской и иностранной литературе соответственно. Следует отметить, что сам термин «искусственный интеллект», широко употребляемый в научной литературе и средствах массовой информации, трактуется по-разному. Одни понимают ИИ как компьютерную программу, другие — как пример новых технологий, а кто-то говорит: «Это — суперсовершенный робот!». Можно условно допустить, что правы все, но... частично. На самом деле главная особенность ИИ заключается в способности машинного обучения на основе нейросетевой модели. Работа в этой области идет семимильными шагами в наиболее развитых странах мира. А цель этого проекта, на сегодняшний момент времени, сводится к созданию такого ИИ, который сможет выполнять все мыслительные и творческие функции человека. Как тут не вспомнить «гироматы» Станислава Лема, который, фантастически описывая в далеком 1952 г. будущий мир XXXII в., придумал «самоусовершенствующиеся» автоматы, спо-

⁵ Используется термин «экономика данных».

⁶ В частности, на семинаре «Дискуссионные проблемы современной общественной и экономической мысли» на тему: «Фиктивно-нейросетевой финансовизм как призрак постэкономики» 21 февраля 2024 г.

собные самостоятельно создавать для себя программы?! Однако мы считаем, что в дальнейшем наука будет стремиться перейти «грань дозволенного» природой и создать человекоподобный «суперИИ», под которым подразумеваются разработка и создание модели «сверхчеловека».

Наиболее впечатляющим достижением в этой области в самое последнее время можно назвать создание ИИ-модели генерированного видео «Sora» американской компанией «OpenAI»⁷ и представленное миру в середине февраля 2024 г. Теперь генеративный ИИ может не только распознавать написание человеком слов и трансформировать их в отдельную картинку — новая нейро-модель способна сразу же создавать видеоизображение. Например, школьный учитель географии предлагает ученикам текст, рассказывающий о том, что в далекие времена на территории, где находится их родная страна, жили мамонты. Нейросеть «Sora» тут же создает видео па-сущихся мамонтов! Действительно фантастическое достижение науки и новейших технологий! И как быстро развивается сфера ИИ! Разве было возможно представить подобное еще год назад?!

В ноябре 2023 г. президент России В.В. Путин выступил на пленарном заседании Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению «Путешествие в мир искусственного интеллекта 2023»⁸ на тему «Революция генеративного ИИ: новые возможности» и, комментируя развитие генеративного искусственного интеллекта, назвал этот этап «новой страницей в развитии человечества». Относительно экономического эффекта внедрения генеративного ИИ президент сказал следующее: «...используя генеративный искусственный интеллект, компании, предприятия могут создавать продукты, услуги с особенными, уникальными характеристиками по запросу конкретного потребителя. Безусловно, такие прорывные решения открывают путь к созданию целого спектра новых бизнес-моделей, на основе платформенных решений помогают снижать потери, внедрять принципы бережливо-

⁷ Компания «OpenAI» разработала уникальный чат-бот «ChatGPT» (ноябрь 2022 г.).

⁸ Artificial Intelligence Journey 2023.

го производства, значимо увеличивать производительность труда» [2].

ИИ стремительно проникает в самые различные экономические сферы — в первую очередь, финансово-денежную, торговую, научно-образовательную, медицинскую, и открывает новые горизонты для достижения высоких статистических показателей в будущем. Так, по предварительным прогнозам, ожидается, что к 2030 г. благодаря использованию ИИ мировой ВВП возрастет на 14%, соответствующим дополнительным 15,7 трлн долл., что делает его эффективным коммерческим средством для достижения высоких экономических характеристик в современной действительности. При этом мировые лидеры научно-технической гонки — США и Китай — в результате внедрения ИИ могут получить наивысшие показатели ВВП в мире к концу текущего десятилетия. В США прогнозируется увеличение ВВП на 14%, а в Китае предполагается еще более значительный подъем ВВП под влиянием распространения ИИ — на 26% [6]. Насколько правдоподобны эти прогнозы, пока сказать трудно, но, согласно мнению главы «Сбербанка» Г. Грефа, «внедрение ИИ в ключевых отраслях экономики ведет к увеличению таких показателей, как скорость, качество, персонализация, экономическая эффективность, в пять-семь раз», и поэтому в российской экономике к 2025 г. ожидается дополнительный прирост ВВП в 1% в результате использования ИИ [2].

Диджитализация охватила фактически все хозяйственные области. Например, в последнее время в денежно-финансовой сфере, которая является кровеносной системой любой экономики, прослеживается целенаправленная политика по разработке и внедрению новых цифровых валют, которая находит свое отражение в многочисленных проектах национальных центральных банков (ЦБ). Реализация подобных проектов по созданию цифровых валют, проводимая ЦБ в различных странах, представляет собой эволюционную фазу в развитии финансово-банковской системы. В последние годы многие государства начали активно исследовать и апробировать концепции собственных цифровых валют, создаваемые непосредственно ЦБ, которые впоследствии и являются эмитентами. В отличие от децентрализованных криптовалют, цифровые валюты, внедряемые национальными ЦБ, представляют собой централизованные

проекты. Наряду с этим интересно отметить, что США активно не форсируют цифровизацию своей национальной валюты, аргументируя это вопросами национальной безопасности.

Лидирующие позиции процесса цифровизации национальной валюты занимает Китай, который еще десять лет назад стал заниматься этой проблемой, а три года назад, в 2021 г., финансовые операции стали осуществляться в цифровых юанях — e-CNY. «В рамках пилотного проекта по внедрению e-CNY 30 июня 2021 г. в шести городах было совершено 1,32 млн транзакций по оплате товаров и услуг цифровым юанем, включая коммунальные платежи, открыто более 20 млн кошельков для физических пользователей и 3,5 млн для юридических лиц с общей суммой транзакций на 34,5 млрд юаней» [1].

В РФ с целью содействия цифровизации финансового рынка и удовлетворения запросов и потребностей клиентов Банк России последовательно внедряет современные инфраструктурные проекты, такие как «Система быстрых платежей», «Единая биометрическая система», «Цифровой профиль» и совершенно новую платформу «Знай своего клиента». Но ведущим проектом ЦБ РФ, безусловно, является пилотный проект разработки и применения диджитальной национальной валюты — цифрового рубля, который успешно реализуется на современном этапе, хотя для всех банковских клиентов операции с цифровым рублем представляют собой совершенно новую сферу деятельности.

Готов ли человек к новой реальности? Может ли современное общество адекватно воспринимать цифровые деньги, электронные кошельки, принимать колоссальные темпы цифровизации всей жизни и быстрое распространение искусственного интеллекта? Трудно дать однозначные ответы на эти вопросы, но очевидно, что сохраняется определенный слой населения, который не готов к таким глобальным переменам своей традиционной жизни по разным причинам: в силу неспособности привыкнуть к нововведениям или просто нежелания приспособливаться к диджитальным новшествам. Значит, у человека должен оставаться выбор между использованием цифровых или традиционных технологий. Если подобная альтернатива отсутствует, то перед социумом возникает проблема цифрового неравенства. Поэтому необходимо, как мы уже неоднократно

подчеркивали, соблюдать определенный баланс соотношения неоспоримых преимуществ внедрения искусственного интеллекта, в том числе генеративного ИИ, и возможных негативных последствий для современного социума. Никто не призывает отказаться от возможностей, которые открываются в связи с распространением искусственного интеллекта, но этот процесс должен осуществляться под серьезным социо-ответственным контролем и корректироваться с учетом потребностей самого человека [3, 56].

Необходимо упомянуть, что использование цифровых технологий в новой экономической системе ставит перед человеком целый ряд проблем. Главной опасностью современности на последнем форуме в Давосе в январе 2024 г. была названа дезинформация. Приведем лишь несколько примеров финансовых потерь в результате дезинформации в различных областях: биржевые потери достигли 39 млрд долл.; в сфере здравоохранения ущерб оценивается в 9 млрд долл.; в рекламном секторе утраты равняются 239 млн долл. На этом фоне инвестиции, направленные на уничтожение дезинформации, составляют лишь 3 млрд долл. [5]. Главная опасность, с нашей точки зрения, кроется в перспективном увеличении дезинформации с распространением ИИ, алгоритм которого функционирует на базе Big Data. Любая ошибка может масштабироваться ИИ с такой же скоростью, как и абсолютно верная информация. Но это тема отдельного специального исследования.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что расширение мировых компьютерных систем, распространение ИИ, виртуализация финансовых рынков, цифровизация национальных валют на фоне дальнейшей диджитализации хозяйственных связей — все это способствует установлению совершенно новой цифровой экономики как на национальном уровне, так и на мировом. Невозможно не согласиться с мнением З. Куреши, который считает, что «основная часть программы преобразований, направленных на то, чтобы технологии и глобализация работали лучше для всех, лежит на национальном уровне. Реформы необходимы и на международном уровне, чтобы правила взаимодействия между странами в торговле и других сферах были справедливыми. Необходимо не только защитить прошлые достижения в создании международной системы, основанной на правилах, от недавнего роста националистических и

протекционистских настроений, но и разработать новые дисциплины и механизмы сотрудничества для поддержки следующего этапа глобализации под влиянием цифровых потоков» [4, 12].

Цифровая экономика не может быть просто эквивалентным заменителем классической системы хозяйственных связей, но мы наблюдаем, как диджитализация охватывает все большее количество отраслей, постепенно меняя менталитет хозяйственных субъектов и их поведение на рынке, а ИИ, повышая производительность и улучшая качество продукции и услуг, становится наиболее эффективным коммерческим средством для экономического роста в новой хозяйственной реальности.

Литература

1. *Ильинский И.* Цифровой юань: подробный обзор китайской валюты будущего. 26.08.2021: URL: <http://rbk.ru> (дата обращения: 20.02.2024).
2. Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта 2023»: URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 29.02.2024).
3. *Недзвецкая Н.П.* Необходимость видоизменения хозяйственной модели в цифровую эпоху // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 52—61. DOI: 10.5281/zenodo.7840769.
4. *Qureshi Z.* Inequality in the Digital Era // *Work in the Age of Data*. 2020.
5. *Rapport sur les risques mondiaux* // *Le Forum de Davos*. 2024. Franceinfo. 11.01.2024.
6. *Sizing the prize: What's the real value of AI for your business and how can you capitalize?:* URL: <https://www.pwc.com> (дата обращения: 05.03.2024).

References

1. *Ilyinsky I.* Digital Yuan: a detailed overview of China's currency of the future. 26.08.2021: URL: <http://rbk.ru> (дата обращения: 20.02.2024).
2. «Artificial Intelligen Journey 2023». Conference: URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 29.02.2024).

3. Nedzvetskaya N.P. The Necessity to Modify the Economic Model in the Digital Age // *Filosofiya hozyajstva*. 2023. No. 2. S. 52—61. DOI: 10.5281/zenodo.7840769.

М.Л. ХАЗИН

**Сравнительная характеристика СССР в 1991 г.
и США в 2024 г.***

Аннотация. В статье описываются экономические модели СССР/РФ и США. С точки зрения автора, отличие США 2024 г. от СССР 1991 г. состоит в том, что более 40 лет США наращивали совокупный долг и уровень потребления (жизни) домохозяйств. Снижение ВВП СССР/России было связано с сокращением рынков и снижением уровня разделения труда и составило примерно 35—40%. И если в СССР структурные диспропорции были минимальны, то США входят в «острую» стадию ПЭК-кризиса одновременно с двумя базовыми проблемами.

Ключевые слова: СССР, РФ, США, экономика, кризис, долг, инфляция.

Abstract. The article describes the economic models of the USSR/RF and the USA. From the author's point of view, the difference between the USA of 2024 and the USSR of 1991 is that for more than 40 years the USA increased the total debt and the level of consumption (life) of households. The decline in USSR/Russia GDP was due to shrinking markets and lower division of labour and was about 35—40%. And if in the USSR structural disproportions were minimal, the USA enters the «acute» stage of the PEC-crisis simultaneously with two basic problems.

Keywords: USSR, RF, USA, economy, crisis, debt, inflation.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Хазин М.Л. Сравнительная характеристика СССР в 1991 г. и США в 2024 г. // *Философия хозяйства*. 2024. № 2. С. 97—101. DOI: 10.5281/zenodo.10869377.

УДК 330
ББК 65

Самым главным моментом, который и позволяет рассуждать о сравнительных характеристиках экономических процессов, проходивших в СССР в 1991 г. и проходящих в США в 2024 г., является то, что экономическая природа экономического кризиса в обоих случаях одинакова: это кризис падения эффективности капитала (ПЭК-кризис), в терминах автора книги 2019 г. «Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики» [1].

Если кратко объяснить этот кризис, то он связан с тем, что ограниченность рынков сбыта приводит к тому, что вложения в инновации становятся все менее эффективными. И в какой-то момент они просто останавливаются. В СССР этот кризис был осознан по содержательному моменту и даже получил название «падение эффективности капитала», но его генезис не был осознан. И к середине 1980-х гг., когда темпы роста экономики стали нулевыми, политическая элита СССР не смогла преодолеть возникшие трудности⁹.

В США этот кризис начался чуть позже, чем в СССР (в начале 1970-х гг. против начала 1960-х гг.), но шел существенно быстрее. Поскольку угроза со стороны СССР в 1970-е гг. была, в рамках понимания американской элиты, крайне высокой (хотя, скорее всего, после ухода Хрущева и прихода Брежнева она была существенно преувеличена), военные расходы и поддержка уровня жизни населения требовала дополнительных расходов. Как следствие, во второй половине 1970-х гг. начался специфический эффект, свойственный ПЭК-кризисам, — стагфляция. Он до сих пор не получил адекватного объяснения в рамках либеральной экономической теории, поскольку она отвергает различия циклических и ПЭК-кризисов.

Понимание необходимости расширения рынков и отказ СССР от форсирования событий в рамках модели «противодействия двух

⁹ Более или менее адекватная оценка темпов роста экономики СССР стала известна автору в процессе неформальных бесед в Институте статистики и экономических исследований Госкомстата СССР/РФ, в котором автор работал под началом Э.Б. Ершова в 1989—1993 гг.

систем» позволили руководству США решить проблему. Отметим, что СССР в конце 1980-х гг. аналогичного решения предложить не смог, что и стало причиной его гибели. Суть этого решения (которое потом было легализовано в рамках политики «рейганомики» с 1981 г.) состояла в том, что было разрешено рефинансировать частный долг с повышением частного спроса. Обратной стороной такой политики была необходимость снижения стоимости кредита.

По итогам (с 1981 г. до начала нового ПЭК-кризиса в 2008 г.) учетная ставка ФРС США снизилась с 18 до 0%, а средний долг американского домохозяйства вырос с 60% от реально располагаемых доходов до более чем 130%. Другие детали происходящего процесса можно найти в упомянутой книге автора [1], здесь же принципиально отметить, что ПЭК-кризис 1970-х гг. был преодолен за счет расширения рынков на территорию, до того контролируруемую СССР. Но в 2008 г. он начался на новом уровне.

Отличие США 2024 г. от СССР 1991 г. состоит в том, что более 40 лет США наращивали совокупный долг и уровень потребления (жизни) домохозяйств. Как следствие, уже к концу 1990-х гг. структурная диспропорция между расходами домохозяйств и их реальными доходами (т. е. масштаб перераспределения эмиссионных по происхождению ресурсов) составлял около 15%, что примерно соответствует уровню 1929 г.

Иными словами, уже тогда под экономику США была подведена экономическая «бомба», которая должна была привести к кризису масштаба 1930—1932 гг., который привел к Великой депрессии. Однако различными методами (которые частично рассмотрены в упомянутой книге и других работах автора [1—3]) этот кризис был растянут до настоящего времени с увеличением структурных диспропорций. На сегодня они составляют как минимум 25%.

Снижение ВВП СССР/России было связано с сокращением рынков и снижением уровня разделения труда и составило примерно 35—40%. Аналогичный по масштабу кризис был в 1930—1932 гг. в США, но он был связан со структурными диспропорциями между доходами и расходами домохозяйств. Отметим, что совокупное падение по итогам чисто структурного кризиса составляет примерно удвоенное значение исходных диспропорций (для США

1930-х гг. соответственно 30%), но оно усиливается за счет деградационных процессов экономике.

И если в СССР структурные диспропорции были минимальны, и страна просто не перенесла политических последствий отсутствия экономического роста (уже позже, в 1990—2000-е гг., как преодолевать такие проблемы показали Белоруссия и Япония), то США входят в «острую» стадию ПЭЖ-кризиса одновременно с двумя базовыми проблемами. Они одновременно получили структурный кризис (как 1930—1932 гг.) и кризис сокращения внешних рынков (как СССР в начале 1990-х гг.).

Структурные диспропорции в экономике США на сегодня составляют не менее 25%. При этом в качестве точки отсчета спада нужно брать не официальный ВВП в 22 трлн долл., а более или менее адекватный масштаб в 15 трлн долл. Все остальное — лишь капитализация фиктивных финансовых активов, переведенная в добавленную стоимость за счет бухгалтерских технологий. Таким образом, совокупный спад экономики США составит не менее 50% от значения в 15 трлн и по итогам кризиса составит не более 7—7,5 трлн долл.

Распад мировой долларовой системы, который происходит у нас на глазах, даст свой эффект, однако точно его оценить довольно сложно, особенно с учетом того, что распад мировой долларовой системы будет проходить на фоне структурного кризиса. Кроме того, его невозможно даже сравнить с кризисом 1930—1932 гг., поскольку тогда кризис шел по дефляционному механизму, а сегодня он идет по инфляционному. Именно по этой причине тогда обвал спекулятивных рынков (октябрь 1929 г.) предшествовал кризису, а сегодня ситуация противоположная — обвала финансовых рынков еще не было. Хотя многие даже американские эксперты начинают, пусть с оговорками, говорить о том, что вероятность такого обвала весьма велика.

Таким образом, состояние американской экономики весьма близко к ситуации начала 1990-х гг. в СССР, однако проблем у нее значительно больше. И эту ситуацию необходимо осмыслить в рамках новой российской политики. Поскольку она неминуемо приведет и к восстановлению зоны влияния российской экономики (может

быть, даже более сильному, чем в 1980-е гг.), и возможности ее существенного экономического роста.

К сожалению, государственные институты сегодня эту ситуацию игнорируют, но, будем надеяться, что после президентских выборов в марте 2024 г. ситуация изменится.

Литература

1. *Хазин М.* Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. М.: Рипол-Классик, 2022.
2. *Хазин М.* О проблемах распада долларového пространства и кластеризации мировой экономической системы // *Философия хозяйства*. 2021. № 4 (135). С. 97—105.
3. *Хазин М.* Черный лебедь мирового кризиса. М.: Пальмира, 2017.

References

1. *Hazin M.* Vospominaniya o budushchem. Idei sovremennoj ekonomiki. M.: Ripol-Klassik, 2022.
2. *Hazin M.* O problemah raspada dollarovogo prostranstva i klasterizacii mirovoj ekonomicheskoy sistemy // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 4 (135). S. 97—105.
3. *Hazin M.* Chernyj lebed' mirovogo krizisa. M.: Pal'mira, 2017.

В.П. МИЩЕНКО

Национальная инвестиционная модель: параметры и приоритеты*

Аннотация. В статье раскрываются понятие и содержание национальной инвестиционной модели. Анализируются некоторые направления улучшения инвестиционного процесса в российской экономике в условиях сложившихся вызовов. Изучается мировой

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Мищенко В.П. Национальная инвестиционная модель: параметры и приоритеты // *Философия хозяйства*. 2024. № 2. С. 101—116. DOI: 10.5281/zenodo.10869360.

опыт формирования национальных инвестиционных моделей, проводится сопоставление достигнутого уровня развития национальных инвестиционных систем России и некоторых зарубежных стран. Показывается, что в новой российской инвестиционной модели могут быть внедрены новые решения для достижения целей ускоренного развития российской экономики.

Ключевые слова: инвестиционный процесс, национальные инвестиционные модели, инвестиции.

Abstract. This article reveals the concept of national investment models. This paper analyzes the directions for improving the investment process in the Russian economy, which is faced with a number of new challenges. The world experience of creating national investment models is considered. It is shown that new solutions can be implemented in the new Russian investment model to achieve the goals of accelerated economic development.

Keywords: investment process, national investment models, investments.

УДК 330
ББК 65

Параметры национальной инвестиционной модели

Развитие событий последних лет в экономике России и мировой экономике все более отчетливо показывает, что смена экономической модели развития российской экономики – ключевой приоритет для российского общества на ближайшие годы. Ограничения для роста и развития сложившейся на настоящий момент экономической модели России стали все более отчетливо проявляться в современных экономических и геополитических условиях. Способ преодоления сложившихся ограничений для экономического развития определит вектор развития России на ближайший век. Экономическое развитие национальной экономики будет в решающей степени определяться масштабом и интенсивностью инвестиционного процесса в стране, переходом к инвестиционной модели, способной вобрать в себя весь набор национально специфических факторов и стратегических целей национального экономического раз-

вития, характерных для России. Адекватная этим приоритетам инвестиционная модель в России еще не сложилась. Поэтому переход к эффективной и перспективной инвестиционной модели развития — это вызов, требующий как глубокого теоретического осмысления, так и осуществления решений в практической плоскости субъектами инвестиционного процесса. В этой связи анализ инвестиционной модели экономики России в настоящее время становится особенно актуальным.

Стоит отметить, что сама категория «национальная инвестиционная модель» в экономической теории на данный момент является предметом размышления экономистов. Дискуссии по разным аспектам понятия «инвестиционная модель» возникли с начала 1990-х гг., но сам термин «инвестиционная модель» выделен в нескольких работах российских экономистов. В коллективной монографии «Особенности инвестиционной модели развития России» инвестиционная модель рассматривается «как определенный набор параметров и целевых функций, определяющих направления и характер осуществления инвестиций, протекания инвестиционного процесса в национальной экономике... Инвестиционная модель характеризуется тремя ключевыми группами параметров экономики — макроэкономическими, институциональными и структурными» [2, 6].

Также вопросы формирования инвестиционной модели стали предметом научных интересов И.А. Буданова, который в работе «Формирование инвестиционной модели развития экономики России» выделяет следующие аспекты инвестиционной модели: социально-экономический, финансово-экономический, институциональный. Он утверждает, что необходим переход к модели инвестиционного роста. В основе роста, согласно подходу И.А. Буданова, — новая программа инвестиционного развития, структурирующая инвестиционный процесс на макроуровне по трем аспектам: социальному, финансово-экономическому и институциональному. Наряду с этим он отдельно обозначил особое значение формирования инвестиционного комплекса российской экономики (учитывающий ее специфические черты), который может стать основой для индустриализации и преодоления накопленных структурных деформаций в российской экономике [1, 3—9].

На наш взгляд, данные работы создают предпосылки для теоретического осмысления новой инвестиционной модели экономики России. Учитывая широту параметров новой модели, приобретает особую актуальность опыт создания институтов координации инвестиционных процессов в Южной Корее, Индии и Китае. Более того, опыт оптимального планирования, который анализируется в статье В.А. Погребинской, также может быть переосмыслен с учетом текущей действительности [8, 83]. В связи с этим необходимо формирование концепции национальной инвестиционной модели, которая обозначит для всех участников инвестиционного процесса приоритетные направления развития, сформирует понимание содержания институциональной основы новой инвестиционной модели, определит параметры и приоритеты инвестиционной деятельности.

Считаем, что, учитывая вышеизложенные подходы к трактовке структурных элементов инвестиционной модели, параметры инвестиционной модели можно сгруппировать следующим образом.

1. Особенности структурной модернизации инвестиционной модели. Сложившиеся социально-экономические отношения и их взаимосвязь со стратегическими целями инвестиционного процесса в России.

2. Приоритеты и источники ресурсов для национальной инвестиционной модели. Спецификация целевой модели, отражающей содержание модернизационных процессов, их сценарии и дорожные карты достижения предполагаемой целевой модели национального хозяйства, приоритетных направлений развития и расчет потенциальных экономических эффектов от них.

3. Параметры институциональной базы инвестиционной модели. Модель институциональной координации в экономическом порядке (каким образом будет осуществляться планирование в экономике), спецификация роли государства, бизнеса, форматов взаимодействия с мировой экономикой и формы регулирования в экономике внутри страны.

4. Структура собственности и распределения. Инвестиционную модель может характеризовать группа признаков по системе отношений собственности в экономике России: содержание и структура процессов распределения национального богатства, со-

стояние среды, организующей процессы создания, распределения и накопления капитала.

5. Способы осуществления антикризисной политики в целях поддержания динамики инвестиционных процессов на определенных уровнях.

6. Трудовые ресурсы: характеристики трудовых ресурсов, необходимых для новой инвестиционной модели экономики.

7. Показатели воспроизводственного потенциала капитала и характеристики национального богатства. На них базируются показатели, характеризующие структуру и динамику ВВП.

8. Спецификация финансового механизма обеспечения макроэкономической стабильности инвестиционного процесса. К этой группе могут быть отнесены доходы от экспорта, расходы на импорт, параметры денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, состояние бюджета, платежного баланса, устойчивость национальной валюты.

9. Особенности инвестиционного процесса на микроуровне: доля малого бизнеса в ВВП, состояние предпринимательства. Характеристика действующих типов фирм с особым акцентом на инновационное предпринимательство.

10. Параметры конкурентной среды инвестиционной модели. Характеризуются степенью развития рыночных структур, жесткости законодательства в отношении нарушений антимонопольного регулирования, особенностями ценообразования. Типы действующих рыночных структур и их доля в ВВП и соотношение.

11. Состояние и приоритетные направления технологического развития экономики: структура и доля производимой продукции, относимой к 4, 5, 6 технологическим укладам. Параметры поддержания суверенитета страны и экономической безопасности (преодоление отставания по критически важным технологиям, доля импорта в пищевой и фармацевтической промышленности, показатели расходов на обеспечение обороны и безопасности).

12. Формы региональной специализации в части сбалансированности инвестиционного пространства и способы обеспечения дополнительных способов усиления связей в едином экономическом пространстве России, Союзного государства Российской Фе-

дерации и Республики Беларусь, а также Евразийского экономического союза.

Таким образом, формирование новой инвестиционной модели по 12 структурным параметрам определит возможности для единого подхода к созданию новой модели роста, обеспечению макроэкономической стабильности, формированию основ для структурной динамики экономики России.

Говоря о перспективных направлениях инвестиционного процесса, важно также проанализировать текущее состояние инвестиционной среды в России.

Содержание и динамика инвестиционного процесса в России

По данным Росстата, значение показателя инвестиций в ВВП в России сохраняется на уровне в среднем 23% ВВП за последние 6 лет, что не создает основы для устойчивого и качественного экономического роста. В части сбережений в ВВП отмечается рост показателя, в 2022 г. значение составило 32,805%, в 2020 г. значение данного показателя было на уровне 25,833%.

Стоит отметить, что, несмотря на значительное санкционное давление, России удается добиваться определенных успехов — около 375 млрд р. было направлено на содействие процессам импортозамещения, в том числе с применением таких мер, как налоговые каникулы, субсидирование кредитов и применение специальных инвестиционных контрактов для приоритетных производителей. Эти меры позволили сгладить негативное санкционное воздействие [11, 189].

Структура источников инвестиций в основной капитал не изменилась существенно за период 2015—2022 гг.: собственные средства (50,2% в 2015 г.; 55,0% в 2019 г., 52,8% в 2022 г.) оставались основным источником инвестиций в основной капитал. На привлеченные средства в 2022 г. пришлось 47,2%. В структуре заемных (привлеченных) средств 43,2% составили бюджетные средства, кредиты банков — 10,3 %, инвестиции из-за рубежа к концу 2022 г. начали приближаться к нулевой отметке и составили 0,3% к итогу привлеченных средств для финансирования инвестиций в основной капитал.

По формам собственности в инвестиции в основной капитал на частную собственность пришлось 65,6%, государственную — 16,9%, иностранную — 3%, совместную российскую и иностранную — 6,8%.

Если рассматривать финансовые вложения (в фактически действовавших ценах) организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, то необходимо отметить, что их структура с начала 2000 г. сместилась в сторону краткосрочных: так, в 2022 г. 94,3% пришлось на краткосрочные финансовые вложения, что подтверждает тезис о наличии проблем с финансовыми ресурсами для долгосрочных инвестиционных проектов.

Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций по видам экономической деятельности в среднем по экономике составила в 2022 г. 14,2%. Таким образом, в российской экономике сформировалась ситуация, при которой доходность по большинству отраслей остается на уровне ниже стоимости привлечения финансирования новых инвестиционных проектов. Это обуславливает необходимость поиска новых источников инвестиций

Поиск новых источников инвестиций — это не столько решение проблемы повышения уровня доходов экономики, сколько обеспечения национальных интересов России. А.А. Пороховский в статье «Экономический суверенитет России: проблемы становления и обеспечения» высказывает гипотезу о том, что без достижения экономического суверенитета невозможно обеспечить национальные интересы [7, 10]. Введенные санкции в отношении России только актуализировали проблему экономического суверенитета.

Текущая российская инвестиционная модель может быть охарактеризована как сырьевая, спекулятивная, структурно не сбалансированная, не отвечающая интересам промышленного и инновационного развития, с низкой степенью дифференциации потоков инвестиций, доходов между отраслями экономики. Структурная несбалансированность влияет непосредственно на динамику инвестиций в основной капитал. Преодоление сложившихся структурных проблем в российской экономике может быть осуществлено с учетом мирового опыта формирования национальных инвестиционных моделей.

Национальные инвестиционные модели зарубежных стран

Существует достаточно большое количество национальных инвестиционных моделей, но мы остановимся на рассмотрении некоторых аспектов инвестиционной политики Южной Кореи, Китая и Индии. Для экономик указанных стран характерна высокая доля инвестиций в ВВП, достаточно эффективно выстроена институциональная основа их экономических моделей. Пример Ирана интересен в связи с продолжительным санкционным давлением в отношении данной страны. При этом экономическая интеграция в Азию также интересна для отечественных исследователей ввиду активного развития Евразийского экономического союза, так как дает возможность обеспечения дополнительных мер стабилизации национальных рынков [16, 1]. В азиатских странах получили определенное развитие модели интеграции, например, инициатива Чанка Май по созданию региональных фондов для преодоления волатильности национальных валют, а также инициатива АВМІ по продвижению местных рынков облигаций. Подобные инициативы обеспечивают устойчивость к кризисам [12, 193].

Республика Корея. Еще во времена правительства Пак Чжона Хи в Южной Корее была проведена финансовая реформа. Дж.Р. Мардон пишет: «Наиболее существенными изменениями в финансовой политике стали реорганизация банковской структуры, реформа государственной фискальной политики, реструктуризация процентных ставок и реформа мобилизации налогов. Эти финансовые реформы в значительной степени отвечали за значительное увеличение уровней внутренних сбережений, что, в свою очередь, привело к увеличению инвестиций. Реформы финансовой политики стали важным инструментом государства в его стремлении реализовать планы развития» [15, 176].

В Южной Корее действовал Закон об ограничении процента наряду с существованием двух рынков процентных ставок: по кредитам для государственных организаций и для негосударственных. Для стимулирования инвестиций и скоординированности инвестиционной политики действовал национальный инвестиционный фонд. Участие государства позволило провести структурные реформы и изменить основные параметры ее экономики.

Опыт создания государственных банков развития в Южной Корее также может быть интересен. Были созданы государственные банки развития, в том числе отраслевые банки, которые финансировали приоритетные проекты в различных отраслях экономики, в том числе осуществляли долгосрочное кредитование.

Таким образом, инвестиционная модель развития Южной Кореи была сформирована на основе активного (на начальных этапах реформ) государственного участия в экономике. В стране государство взяло на себя ведущую роль в формировании инвестиционной стратегии развития, и, как мы видим сегодня, эта концепция себя оправдала. Важно заметить, что корейская модель предполагала участие в инвестиционном процессе не только государственных, но и частных компаний, проводилась стратегически выверенная экономическая политика. Безусловно, опыт Кореи не лишен противоречий: правительство Пак Чжон Хи способствовало развитию определенных лояльных правительству компаний (чеболей), а также в части политики в отношении оплаты труда. Но вместе с тем нужно признать и сильные стороны корейского опыта: планирование, роль государственных банков развития, а также то, что государство нашло в себе силы реализовать институциональные реформы, которые позволили обеспечить трансферт сбережений в инвестиции и сформировать предприятия — национальные чемпионы, которые смогли успешно конкурировать на глобальных рынках. Этот опыт показывает, как воздействие государства на экономику может способствовать достижению экономического развития в долгосрочной перспективе.

Китай. Инвестиционная модель Китая характеризуется высокой нормой накопления и сбережения: по оценкам IMF, за последние три года (2021—2023) [17, 125] доля инвестиций в ВВП составляла в среднем около 45%, что дает возможность осуществлять инвестиции по широкому спектру направлений. Для китайской модели характерны взвешенная денежно-кредитная политика (умеренный рост кредитов в ВВП, поддержание стабильного курса юаня, контроль за трансграничным движением капитала). В области государственных инвестиций Китай фокусируется на крупных и стратегически значимых проектах. Частные инвестиции поощряются для реализации национальных инновационных программ. С точки зре-

ния прямых иностранных инвестиций характерно снижение финансовой зависимости от этого вида инвестиций. В Китае направленно осуществляется политика снижения издержек, поддержания стабильности цен. В Китае существует развитый финансовый рынок. Банковская система представлена четырьмя крупными государственными банками. Сформирован сектор не банковских институтов — страховые компании, инвестиционные фонды, управляющие компании, брокерские и другие виды финансовых компаний. В китайской инвестиционной модели достаточно хорошо сочетаются меры госрегулирования и правила свободного рынка при активной промышленной политике и гибкой и быстрой коммерциализации зарубежных технологий [14, 4—7].

Индия. Инвестиционная модель Индии также характеризуется высокой нормой накопления капитала: на уровне 29,97% в 2023 г., по данным IMF [17, 45]. Инвестиции в ВВП Индии составляют за последние три года более 31% ВВП. ВВП Индии зафиксирован на уровне 3,732 трлн долл. Основным институтом регулирования экономики — Резервный банк Индии, который ответственен не только за денежное обращение и денежно-кредитную политику, но и за структурные потоки кредитов и инвестиций в отрасли экономики. В Индии реализуются пятилетние планы развития. В основе индийской финансовой системы — государственные банки. В Индии ограничивается кредитование спекулятивных операций, действует система долгосрочного кредитования экономики, созданы специальные банки для кредитования ключевых сфер экономики, например, Индийский банк промышленного развития и др. В Индии рынки капитала менее зависимы от государства, однако фондовый рынок Индии стал эффективным инструментом привлечения инвестиций. Национальная фондовая биржа Индии, благодаря реформам Р. Патилы, стала современной площадкой для развития бизнеса. Одни из основных задач, которые были осуществлены в результате реформ начала 1980-х, — это упрощение доступа к капиталу для отечественных производителей, ограничение конкуренции с зарубежными товаропроизводителями, постепенная либерализация внутреннего рынка [13, 5].

Таким образом, рассмотренные примеры инвестиционных моделей ряда зарубежных стран показывают, что у Южной Кореи,

Китая и Индии накоплен значительный опыт, который демонстрирует преимущества активного государственного участия в регулировании экономики. Китайское правительство активно управляет развитием предприятий, оно решает, какие предприятия будут расти (это относится к крупным предприятиям). Китай решил опереться на крупный бизнес и придал импульс развития «локомотивам» экономики — крупным предприятиям приоритетных для развития отраслей, которые уже повлекли за собой развитие и малого бизнеса. Крупная промышленность в ряде отраслей Китая была сформирована практически с нуля. Пример — автомобильная промышленность.

Экономический рост в Южной Корее, Китае и ряде других стран на 20—50% был обусловлен ростом общей факторной производительности, т. е. он во многом объяснялся инновациями, обеспечившими эффективное использование новых технологий и результатов выполненных НИОКР, а также улучшением организационных и бизнес-моделей, улучшением организации труда, а также такими факторами, как экономия от масштаба, цены на ресурсы, степень развития институтов. Этот опыт может быть перенесен и на Россию.

Заключение

Итак, под национальной инвестиционной моделью следует понимать определенную систему взаимосвязанных параметров инвестиционного процесса в рамках национальной экономики. Национально-специфические вызовы для экономики России создают определенные риски для формирования устойчивой инвестиционной модели. Среди данных вызовов в первую очередь можно выделить сложившуюся сырьевую модель экономики, геополитические риски, которые выразились в усиленном санкционном давлении в виде первичных и вторичных санкций. Россия во многом потеряла доступ к рынкам капитала, произошел уход из российской экономики многих зарубежных фирм, осуществился разрыв сложившихся экономических связей.

Стоит отметить, что экономисты находят некоторые исторические параллели настоящего времени с периодом 1930-х гг. и задаются вопросом, какими могут быть меры реагирования в условиях текущей «экономической войны» [9, 9].

Вместе с тем накопленные проблемы явились результатом не сколько событий 2014—2022 гг., структурные диспропорции были заложены на более ранних этапах становления российской экономики [10, 23].

С учетом вышеизложенного в настоящее время особую актуальность приобретает формирование новой российской инвестиционной модели, отвечающей цивилизационным интересам национальной экономики, а также задачам выживания и развития ввиду нарастающих геополитических рисков [4, 84]. При разработке новой инвестиционной модели возрастает роль государства по различным направлениям, в том числе в освоении новых технологий, проведении согласованной научно-технологической и промышленной политики, формировании качественно нового технологического потенциала [5, 17]. Все это обуславливает рост значимости реиндустриализации, совмещенной с цифровизацией экономики [6, 88—89].

Новая инвестиционная модель предполагает новые принципы осуществления инвестиционной политики. В целом ключевые действия в сфере инвестиционной политики могут быть реализованы на начальных стадиях по следующим направлениям:

- увеличение инвестиционной активности государства в приоритетных направлениях (импортозамещение, поддержка инвестиционных проектов частного бизнеса), в том числе с использованием инструментов наращивания государственного долга;
- ограничение оттока капитала за пределы России, создание условий для инвестиций внутри российской экономики;
- оптимизация издержек на всех уровнях экономики, повышение инвестиционных возможностей участников инвестиционного процесса;
- создание условий для накопления капитала производителями, трансформации накопленного капитала в инвестиции внутри страны (меры амортизационной, налогово-бюджетной политики);
- контроль за динамикой цен, их удержание в допустимых диапазонах, обеспечение доступности кредитования для инвестиционных целей (под определенные проекты — проектное финансирование);

- использование принципов «экономики предложения» для наращивания выпуска средств производства.

Свою позитивную роль в конструировании новой инвестиционной модели в России может сыграть и концепция экономики предложения [3, 70]. Прежде всего это касается ее нацеленности на развитие производства (предложения), дополненной стимулированием инвестиционной активности предпринимательских структур, включая в этот процесс и активную налоговую политику, и использование накопленных финансовых резервов. Будучи выдвинута в среде «новой классики», традиционно относимой к либеральному спектру мысли, но дополненной активной ролью государства (что обусловлено как национальными особенностями России, так и накопленным опытом формирования и развития рассмотренных выше национальных инвестиционных моделей с характерным для них акцентом на регулирующие позиции государства), данная концепция может быть развернута в другом направлении и может стать одним из теоретических направлений, реализация которых составит интегральный каркас формирования эффективной инвестиционной модели России.

Литература

1. Буданов И.А. Формирование инвестиционной модели развития экономики России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1. С. 3—16.
2. Кондратьев В.Б. и др. Особенности инвестиционной модели развития России. М.: Наука, 2005. 308 с.
3. Кульков В.М. Новые ракурсы экономики предложения // Проблемы современной экономики. 2023. № 3. С. 70—73.
4. Кульков В.М. Об актуализации национально ориентированного подхода в экономической теории // Вопросы политической экономии. 2023. № 3 (35). С. 77—86.
5. Ленчук Е.Б. Основные контуры научно-технологической политики России в условиях внешних ограничений // Экономическое возрождение России. 2023. № 3 (77).
6. Павлов М.Ю. Выбор будущего российской экономической модели: между мальтузианством, реиндустриализацией и цифрови-

зацией // Вопросы политической экономии. 2023. № 3 (35). С. 87—95.

7. *Погребинская В.А.* Мобилизационная модель догоняющей модернизации России (первая половина XX века) // Мир новой экономики. 2020. № 14 (2). С. 82—90. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-82-90.

8. *Пороховский А.А.* Экономический суверенитет России: проблемы становления и обеспечения // Экономическое возрождение России. 2023. № 3 (77). С. 10—16.

9. *Хубиев К.А.* Системный подход к потенциалу развития и факторам торможения российской экономики // Экономическое возрождение России. 2015. № 1. С. 23—30.

10. *Хубиев К.А., Теняков И.М.* Создание внутренних источников экономического развития // Экономическое возрождение России. 2023. № 1 (75). С. 5—23. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-5-23.

11. International Monetary Fund (IMF). World Economic Outlook data: URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023> (дата обращения: 20.01.2024).

12. *Kumari Selvarajan S., Ab-Rahim R.* Financial Integration and Economic Growth // Journal of Economic Integration. 2020. Vol. 35. No. 1. Special Issue (March). P. 191—213: URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/26891720> (дата обращения: 20.01.2024).

13. *Lamba R., Subramanian A.* Dynamism with Incommensurate Development: The Distinctive Indian Model // The Journal of Economic Perspectives. 2020. Vol. 34. No. 1 (Winter). P. 3—30: URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/26873527> (дата обращения: 20.01.2024).

14. *Levine D.A.* Made in China 2025: China's Strategy for Becoming a Global High-Tech Superpower and its Implications for the U.S. Economy, National Security, and Free Trade // Journal of Strategic Security. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 1—16: URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/26936543> (дата обращения: 20.01.2024).

15. *Mardon R.J.* The state, the international economy, and industrial development in the Republic of Korea. Ann Arbor: Michigan State University, 1987.

16. *Shagina M.* Russian Energy Strategy in the Asia-Pacific: Implications for Australia. Canberra: ANU Press, 2021. P. 183—200: URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv1prsr27.14> (дата обращения: 20.01.2024).

17. *Taghizadeh-Hesary F. et all.* Regional Economic Integration in Asia: Challenges and Recommended Policies // *Journal of Economic Integration*. 2020 .Vol. 35. No. 1. Special Issue (March). P. 1—9: URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/26891711> (дата обращения: 20.01.2024).

References

1. *Budanov I.A.* Formirovanie investicionnoj modeli razvitiya ekonomiki Rossii // *Problemy prognozirovaniya*. 2017. № 1. S. 3—16.

2. *Kondrat'ev V.B. i dr.* Osobennosti investicionnoj modeli razvitiya Rossii. M.: Nauka, 2005. 308 s.

3. *Kul'kov V.M.* Novye rakursy ekonomiki predlozheniya // *Problemy sovremennoj ekonomiki*. 2023. № 3. S. 70—73.

4. *Kul'kov V.M.* Ob aktualizacii nacional'no orientirovannogo podhoda v ekonomicheskoy teorii // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2023. № 3 (35). S. 77—86.

5. *Lenchuk E.B.* Osnovnye kontury nauchno-tekhnologicheskoy politiki Rossii v usloviyah vneshnih ogranichenij // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2023. № 3 (77).

6. *Pavlov M.YU.* Vybory budushchego rossijskoj ekonomicheskoy modeli: mezhdru mal'tuzianstvom, reindustrializaciej i cifrovizaciej // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2023. № 3 (35). S. 87—95.

7. *Pogrebinskaya V.A.* Mobilizacionnaya model' dogonyayushchej modernizacii Rossii (pervaya polovina HKH veka) // *Mir novoj ekonomiki*. 2020. № 14 (2). S. 82—90. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-82-90.

8. *Porohovskij A.A.* Ekonomicheskij suverenitet Rossii: problemy stanovleniya i obespecheniya // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2023. № 3 (77). S. 10—16.

9. *Hubiev K.A.* Sistemnyj podhod k potencialu razvitiya i faktoram tormozheniya rossijskoj ekonomiki // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2015. № 1. S. 23—30.

10. *Hubiev K.A., Tenyakov I.M.* Sozdanie vnutrennih istochnikov ekonomicheskogo razvitiya // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2023. № 1 (75). S. 5—23. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-5-23

М.Ю. ПАВЛОВ

**География постэкономики: родовые поместья
как вектор будущего***

Аннотация. Показано, что переход к постэкономике подразумевает значимую трансформацию пространства. Поскольку пространство — это целое, которое больше суммы частей, это еще и структура, это определенные принципы организации окружающей среды, именно организация пространства во многом детерминирует общественное бытие, формируя ту или иную модель человека.

В современной экономике наблюдается фундаментальное противоречие развития человеческих качеств. Суть этого противоречия в том, что, вследствие центростремительного ускорения, создаваемого любой более или менее масштабной централизованной структурой, в которой эффективность тем выше, чем ближе расположение к центру, формируется еще один вектор человеческой деятельности — центростремительный. Причем, вследствие разрыва между актами производства и потребления, этот вектор стремления к центру устойчиво воспроизводится и за пределами каких-то определенных, конкретных структур (например, конкретной организации — фирмы, корпорации), превращаясь в некий универсальный феномен. Это центростремительное ускорение закономерно приводит к отказу от многих видов деятельности, прежде всего — творческой, креативной, а также от удовлетворения многих потребностей.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Павлов М.Ю. География постэкономики: «Родовые поместья» как вектор будущего // *Философия хозяйства*. 2024. № 2. С. 116—132. DOI: 10.5281/zenodo.10869328.

Единственным способом снятия данного противоречия является полный отход от центростремительности. Соответственно, постэкономика должна быть организована на принципах децентрации, децентрализации, т. е. на принципах распределенного расселения. Такой проект распределенного расселения, в данный момент находящийся на стадии смелого эксперимента, уже реализуется в России в формате родовых поместий.

Ключевые слова: постэкономика, расселение, урбанизация, дезурбанизм, родовые поместья.

Abstract. The author demonstrates that transition to post-economics implies significant transformation of space. Since space is a whole that is greater than the sum of its parts, it is also structure, these certain principles of organizing the environment, it is the space organization that largely determines social existence, forming one or another model of man.

In contemporary economy, there is a fundamental contradiction in human qualities development. The essence of this contradiction is that due to the centripetal acceleration created by any — more or less — large-scale centralized structure, in which the efficiency is higher as the location to the center is closer, another vector of human activity is formed — centripetal. Moreover, due to the gap between acts of production and consumption, this vector for the center desire is steadily reproduced outside of some specific, definite structures (for example, specific organization — firm, corporation), turning into a kind of universal phenomenon. This centripetal acceleration naturally leads to the rejection of many types of activities, primarily creative as well as satisfying many needs.

The only way to resolve this contradiction is complete departure from centripetal. The post-economy should be organized on the principles of decentralization, decentralization accordingly, i. e. on the distributed resettlement principles. Such a project of distributed resettlement, currently at the stage of a brave experiment, is already being implemented in Russia in «Family Estates» format.

Keywords: post-economy, resettlement, urbanization, desurbanism, Okhitovich, Kin Domains.

УДК 330.342
ББК 65в

Как известно из истории, значимые социально-экономические трансформации сопровождались весьма существенными и ощутимыми изменениями в организации пространства. Переход к пост-экономике [10], как бы мы ее ни определяли (будь то определение как переход от «Царства Необходимости» к «Царству Свободы» в марксистской научной парадигме, или переход от «пост-» в парадигме постиндустриализма, или какое-либо другое новое качество социально-экономического развития в других парадигмах — не суть), в любом случае подразумевает значимую трансформацию, настолько значимую, что должна серьезнейшим образом изменить пространство. В экономической теории пространству уделяется чрезвычайно мало внимания. В 1997 г. в статье «Забвение пространства в экономической мысли» Ж.-Ф. Тиссэ отмечал, что влияние пространства на экономическую науку ничтожно мало, что в экономической науке процессы, происходящие в экономике, представляются как будто имеющие место быть на острие булавки [31] (перевод на русский [21]).

Так называемый «мейнстрим» в экономической науке, т. е. основное течение, в современности выродился в странное подобие науки, поскольку в нем реальная действительность представляет собой лишь частный случай. Однако корни этого явления надо искать не в современном мейнстриме, а еще в политической экономии XIX в., когда произошел отход от темы пространства [23].

Пространство в работах ученых-экономистов рассматривалось как имеющее второстепенное значение, всего лишь как один из факторов, способных увеличить издержки (на транспортировку — как своего рода «транспортный налог», — такая традиция идет от меркантилистов, или же в виде повышенной земельной ренты — данная традиция ведет начало от физиократов). Возможно, истоки такого «внепространственного» мышления следует искать в оккультном мышлении Средневековья, поскольку в нем основные территории культа не имели хоть сколько-нибудь выраженной конкретной пространственной локализации. Сразу сделаем оговорку: дело не в религиях, ведь и религиозные деятели совершали огромные

прорывы в науке — к примеру, Г. Гегель создал диалектику, а С.Н. Булгаков — философию хозяйства, а дело в оккультизме, который чрезвычайно ограничивает мышление. Идеологи Средневековья на протяжении многих столетий считали отрицательные числа чем-то «неправильным», сильнейшим образом ограничивая их изучение. Но когда эти ограничения были сняты, когда наконец-то стали проводиться скрупулезные исследования в области отрицательных чисел, религия не исчезла, а математика совершила колоссальный рывок в развитии [8]. Поэтому хочется надеяться, что и экономическая теория, и экономика совершат огромный рывок в развитии, когда наконец-то, как и исследования в области отрицательных чисел, будут проводиться тщательные исследования материальной конфигурации экономики — ее конфигурации в пространстве [7; 19].

Сегодня предпринимаются отдельные попытки, хотя в целом и очень удачные, но еще не нашедшие своего отражения в широкой научной и учебной литературе, ликвидировать этот досадный пробел в экономической теории. В частности, отечественный исследователь В.В. Чекмарев выпустил фундаментальные работы по данной теме [25; 26] (см. также [1]).

Но самое главное, что пространство — это не только дополнительные три измерения, три переменных в экономических расчетах, а это целое, которое больше суммы частей, это еще и структура, это определенные принципы организации окружающей среды. Согласно известному марксистскому тезису «Бытие определяет сознание», именно организация пространства во многом детерминирует общественное бытие, формируя ту или иную модель человека [2]. Несколько забегаая вперед, можно даже решиться выдвинуть провокационный тезис: именно отсутствие четкой концепции пространства и привело вместо построения особого, нового пространства социализма (коммунизма) к ошибочному копированию пространства социализма, а затем — закономерно к демонтажу советской экономики, да и всего СССР, о чем вслед за Л.Д. Троцким предупреждали в своих ранних работах еще в советский период А.В. Бузгалин и А.И. Колганов [4; 5].

В этой связи особенно интересным представляется инициация дискуссии о том, в каком направлении должна развиваться эконо-

мика, как конкретно должна она выглядеть, — о пространственных контурах экономики и постэкономики, диалектически — об их сходствах и отличиях.

Самый главный вопрос, определяющий территориальное расположение людей (а следом за ними — и размещения хозяйства/экономики), звучит так: человек работает там, где живет, или живет там, где работает? Достаточно очевидно (и это доказывает пример наличия большого количества тех же гастарбайтеров), что человек обычно вынужден жить там, где он работает, т. е. место жительства определяет работа. Используя понятие «труд» или даже еще более широкое — «деятельность», мы еще больше усилим эту формулу: место жительства человека определяется его деятельностью. При капитализме как выросшая мобильность рабочей силы, так и растущий разрыв в доходах работников (вызванные именно специфической для капитализма конфигурацией пространства) создают такую ситуацию, когда смешиваются совершенно различные концепции: «работать, чтобы жить» и «жить, чтобы работать», и многие люди уже не задаются вопросом, ради чего они работают и к каким целям идут.

Еще Э. Тоффлер в своей книге «Третья волна» поставил вопрос о том, что переход от преимущественно индустриальной деятельности к новому качеству деятельности (которой Тоффлер не дал четкого определения, назвав ее несколько неопределенно «Третьей волной») откроет новые возможности для иного расселения человечества — в «электронных коттеджах», соединяющих высокие технологии с жизнью, максимально близкой к природной среде [22].

Для того чтобы выделить качественно иные характеристики нового принципа территориального размещения, адекватного условиям постэкономики, обратимся к сравнительно недавней исторической эпохе. В позднем СССР была широко известна книга генерального секретаря ЦК КПСС «Жизнь по заводскому гудку» [3]. Название этой книги определено феноменом, существовавшим в массовых масштабах еще чуть более века назад: рабочие обычно селились на расстоянии слышимости заводского гудка, будившего их на работу. Но не только жизнь рабочих определялась заводом. По сути, вся индустриальная система определялась необходимостью быть как можно «центральной». Служащие в те времена были

вынуждены находиться близко к производству, поскольку та же бухгалтерия получала учетные данные непосредственно от производственного комплекса; носить или возить на большое расстояние данные, составляющие коммерческую тайну, было бы не просто нерационально, но и откровенно не в интересах предприятия. Точно так же и другие учреждения, как правило, старались занять стратегически более выгодные места, руководствуясь все тем же принципом «центральности». Города, возникшие как центры ремесла и торговли, как нельзя лучше отвечали концепции «центральности», а точнее — центростремительности. Однако, в полном соответствии с естественными законами, концепция центростремительности породила неразрешимое противоречие антагонистического характера: увеличивая возможности одних экономических агентов, улучшая их положение, центр неизбежно уменьшает возможности всех других экономических агентов, ухудшая их положение. Именно различные стороны этого противоречия и объясняют существование параллельно со стремлением к максимально возможной централизации некоторую распределенность и удаленность от центра. Но эта некоторая распределенность и удаленность лишь ослабляют противоречие, не позволяя решить его не то что полностью, но хотя бы настолько ослабить его влияние, чтобы оно перестало быть одним из самых значимых факторов, определяющих всю экономическую деятельность в целом.

Это противоречие раскрыл в целой серии статей еще на рубеже 1920—1930-х гг. советский ученый М.А. Охитович [11—16; 6, 24].

Крупные города одновременно как увеличивают эффективность, позволяя получить «эффект от масштаба», реализуя преимущества концентрации, так и уменьшают ее за счет столкновения интересов экономических агентов (яркий пример этого — транспортные пробки, очереди, заторы).

Позволяя ускоренно развиваться некоторым технологиям, давая возможности сконцентрировать производство и науку, города также в огромной мере тормозят социально-экономическое развитие.

Ускоренная урбанизация, перемещение населения преимущественно в крупные города во второй половине XX — начале XXI в.

совпали по времени с пока еще малоизученным и остродискуссионным феноменом: «Есть ли прогресс в последние 50 лет?», который вынесли на обсуждение столь авторитетные издания, как, в частности, «The Economist» [28—30; 27].

В качестве примера раскроем одно из многочисленных противоречий крупного города — противоречие транспорта. Транспорт тем эффективнее, чем он быстрее, поскольку за единицу времени способен перевозить больше людей или полезных грузов. Однако наличие множества пересечений в городе приводит к необходимости многочисленных остановок. Строительство транспортных развязок лишь частично решает проблему, поскольку развязки не освобождают водителей от необходимости менять направление движения, поворачивать, а для этого также необходимо снижать скорость. Туннели, мосты, эстакады хотя и позволяют повысить скорость, но существенно ограничивают свободу маневров, а главное — многократно увеличивают стоимость дорог. При этом транспорт эффективнее такой, который занимает как можно меньше места на дороге, т. е. общественный. А общественный транспорт, как правило, тем удобнее, чем больше остановок он делает. Что также серьезно ограничивает его скорость. И еще: чем выше скорость общественного транспорта, тем менее извилистым, скажем так, менее гибким должен быть его путь. Что вынуждает специально добираться до него, делать пересадки и/или идти пешком, что еще больше снижает скорость перевозок. При этом общественный транспорт тем эффективнее, чем ниже его постоянные и переменные издержки в расчете на одного пользователя (т. е. тот же самый, уже названный выше «эффект от масштаба»), а значит, это емкий и довольно большой по габаритам (как правило, в длину) общественный транспорт — поезда. Длина такого транспорта создает дополнительные неудобства подавляющему большинству других участников дорожного движения, вплоть до многочасовых «пробок» перед переездами, а большая пассажировместимость требует введения расписания и, как правило, сокращения частоты перевозок, поскольку малая загрузка общественного транспорта — это тоже неэффективность.

А самое главное, что, несмотря на все меры по развитию транспортной сети, как показали исследования, повышение средней скорости движения в долгосрочном периоде приводит лишь к тому,

что люди начинают более активно пользоваться транспортом с более высокой скоростью — вплоть до того, что меняют места работы, переселяются, и в итоге транспорт все равно встает в «пробках».

Проблему замедления средней скорости транспорта можно решить лишь посредством регулирования, ограничивая движение, но в итоге это также тормозит технический прогресс, поскольку эффективность повышается «сверху», а не путем технического совершенствования.

Век назад известный писатель Л.И. Пантелеев писал, что у него, когда он был подростком, был самокат с названием «1000 верст в час». Столетие спустя мечты мальчишек о скорости так и остались мечтой: скорость самых массовых — «каршеринговых» — самокатов на многих участках органичена 15 км/час, а максимальная не может быть выше 25 км/час, маневренность очень плохая (радиус поворота просто огромный, а электропривод не позволяет плавно регулировать скорость — в силу особенностей устройства электродвигателя самокат способен либо быстро разогнаться до максимальной скорости, либо тормозить — плавное трогание, плавный разгон на нем или равномерное движение со скоростью, отличной от максимальной — это практически нерешаемые задачи.

В то время когда отдельные, довольно немногочисленные группы инженеров борются за скорость автомобилей, автобусов, модульного транспорта, города, потребляющие основную массу транспорта, не востребуют этот технический прогресс, предпочитая закупать технику, находящуюся в основном на уровне 50—100-летней давности лишь с «очаговыми» усовершенствованиями конструкций (в случае самоката — это электропривод, а в случае автобусов, автомобилей, электропоездов — это в основном лишь сервисные, т. е. дополнительные компьютерные системы и системы повышения комфорта, хотя именно комфорт в данном случае — самое спорное понятие). Можно долго дискутировать на тему, насколько выражен прогресс городского транспорта, но очевидно, что предсказания футурологов о качественно новом уровне транспорта — реактивном, летающем, набирающем скорость в сотни километров в час как в вакуумных тоннелях, так и в открытой местности, остались красивой фантастикой. Более того, мальчишками в 1980-е гг. мы мечтали хотя бы раз в жизни доехать на легковом ав-

томобиле до школы, которая была в 7 минутах от дома. Или как было бы хорошо, если бы автобус доехал прямо до подъезда. Сегодня нередко приходится идти до своего автомобиля все 10, 15, а то и 20 минут, поскольку ближе просто не было парковочных мест!

Но внешне фиксируемые противоречия научно-технического и социально-экономического прогресса в крупных городах — это лишь отражение расположенного намного глубже фундаментального противоречия развития человеческих качеств. Суть этого противоречия в том, что вследствие центростремительного ускорения, создаваемого любой более или менее масштабной централизованной структурой, в которой эффективность тем выше, чем ближе расположение к центру, формируется еще один вектор человеческой деятельности — центростремительный. Причем, вследствие разрыва между актами производства и потребления, этот вектор стремления к центру устойчиво воспроизводится и за пределами каких-то определенных, конкретных структур (например, конкретной организации — фирмы, корпорации), превращаясь в некий универсальный феномен.

Это центростремительное ускорение закономерно приводит к отказу от многих видов деятельности, прежде всего — творческой, креативной, а также от удовлетворения многих потребностей. Чем меньше места готов занимать человек, тем выше его шансы добиться места как можно ближе к центру. К примеру, в центре Парижа есть квартира площадью всего 5 кв. метров. Стремление к центру обычно проходит два этапа: 1) человек сознательно отказывается от удовлетворения многих потребностей, стремясь занять как можно более высокое место в социальной иерархии, иерархии центростремительного типа (характерной для капиталистической экономики); 2) человек, заняв определенное место или эмоционально «выгорев», пройдя «кризис среднего возраста», испытав проблемы со здоровьем или же еще какой-либо жизненный кризис, пересматривает и переоценивает свои ориентиры и частично или полностью отказывается от борьбы за место еще ближе к центру, перераспределяя свои ресурсы в пользу удовлетворения потребностей. Крайним выражением такого перераспределения является «дауншифтинг» — осознанный отказ от карьеры и стремления к денежному богатству людьми состоявшимися, добившимися больших успехов.

Этапы могут повторяться в течение жизни одного и того же человека, но что самое важное — каждое следующее поколение устойчиво воспроизводит 1-й этап (не всегда доходя до 2-го этапа).

Рассмотрим для примера такую жизненно важную потребность человека, как потребность в чистой природе. 100 лет назад в Москве проживало примерно 2 млн человек. Нельзя сказать, что в Москве особо благоприятный климат, наличествует выход к морю или имеются еще какие-либо географические преимущества. Единственное и главное преимущество Москвы — это ее центральное положение. Центральное — прежде всего в социуме, в экономике. Москва позволяла человеку подняться (или создавала иллюзию, что можно подняться) «выше», чем в других территориальных образованиях. К примеру, в советские времена простой крестьянин из глубинки потенциально имел возможность подняться на уровень замминистра. Работала система так называемых «социальных лифтов». Самые высокие «социальные лифты» были в Москве. Москва закономерно притянула из других регионов огромное множество людей, которые поселились в ней как легально, так и нелегально (в 1930-е гг. многие сельские жительницы устраивались в московские семьи домработницами — неформально, но и нескрытно, причем это явление приобрело настолько массовый характер, что серьезно исказило государственную статистику, поскольку неофициально, оставаясь неучтенными статистикой, в Москве было еще почти столько же жителей, сколько и официально — порядка 2 млн человек, что создавало дефицит товаров народного потребления и перегруженность инфраструктуры). В Москве специально боролись со скученностью и теснотой, формируя широкие просторные проспекты, по которым легко циркулировал свежий воздух, а также парки, оставляя большие площади под озеленение при новом строительстве. Необходимо отметить, что при этом часто очень бережно относились к историческим зданиям: их передвигали, причем подобное передвижение не имело и до сих пор не имеет аналогов в мире. В 1936 г. был создан специальный Трест по передвижке и разборке зданий под руководством инженера Э.М. Генделя, которого даже называли «подвижник», сумевшего добиться реализации проектов передвижения невероятной сложности. Особым свойством проектов, восхищавших весь мир, было то, что дома двигали без отселе-

ния и даже без эвакуации жильцов. Несмотря на то, что проект был закрыт, в Москве успели переместить почти 70 домов.

Москву в 1930-е гг. запланировали просторной, зеленой, максимально благоприятной для жизни, а главное — для творчества. В градостроительном плане Москва была в форме звезды, при этом пространства между лучами были предназначены для свободного доступа свежего воздуха во все части Москвы, включая самый центр.

Однако колоссальное давление, создаваемое на Москву множеством людей из разных частей СССР, стремившихся занять место как можно более центральное, привело к тому, что даже директивная плановая экономика уступила и приняла неоптимальное решение о расширении Москвы. Сначала Москву «окольцевали» в 1960 г. — приняли решение о кольцевой границе Москвы на смену звездообразной. По линии кольцевой границы построили автомагистраль — МКАД. При этом было принято решение о застройке свободных пространств между лучами московской «звезды».

Были предприняты попытки сохранить плановый характер развития Москвы путем формирования огромного города, вытянутого в длину более чем на 600 км и в перспективе соединившего бы Москву с Ленинградом. Путь к реализации этого проекта можно и сегодня найти в виде Химок и Зеленограда. Однако центристская тенденция победила. Москву стали быстро застраивать в пределах МКАД — так густо, насколько это только было возможно. Выросла этажность массового строительства — сначала с 5 и 8 этажей до 9 и 14, а потом — до 17 и 22 этажей. Последним микрорайоном Москвы, построенным строго по плану и именно так, как задумывали первоначально, стал микрорайон Северное Чертаново (1980 г.) — уникальный жилой комплекс, в котором все дома были соединены так, что в любой дом можно было пройти, не выходя на улицу, а транспортная система и уникальная вакуумная система сбора мусора были убраны под землю, в результате получилась единая жилая, свободная от мусорных контейнеров и безопасная территория.

В 1980-е гг. по причине нехватки места для новых микрорайонов их начали строить за МКАД, также объявляя их территории московскими — Жулебино, Митино и др.

В 1980 г. Москва была самым зеленым городом мира. С тех пор площадь зеленых насаждений в Москве уменьшилась в два раза.

Массовая «точечная» застройка одновременно с резким ростом автопарка, явившиеся следствием радикальных рыночных реформ, с начала 1990-х очень сильно ухудшили условия жизни — в Москве снизился уровень жизненных удобств. Если такие важные задачи жизнеобеспечения, как снабжение товарами и предоставление услуг, а также транспортная инфраструктура еще могут быть решены в условиях крупного города (хотя все зависит от экономики, а также от регулирования градостроительной политики), то обеспечение горожан чистым воздухом с достаточно высоким содержанием кислорода, а также чистой, пригодной для купания водой в водоемах, возможностью употреблять в пищу плоды и ягоды растущих кругом растений без малейшего вреда для здоровья — все это в массовом масштабе — задачи, в современности практически неосуществимые.

Парадоксально, но при всем при этом — при довольно посредственной природной среде — покупка квартиры в Москве считается настолько привлекательной, что люди готовы взять ипотеку на 20 и даже на 30 лет! Чем же так привлекательна Москва? Не природными, не биологическими, а социальными (социальные лифты) и экономическими возможностями. Однако, как уже было показано, эти возможности вступают в противоречие с биологическим. А креативные, творческие способности человека прежде всего зависят от биологических условий, от природной среды, в то время как возможности реализации способностей человека, использования человеческого потенциала, напротив, определяются социально-экономическими условиями. На основе современных достижений нейрхимии и нейрофизиологии можно доказать (это тема отдельной большой статьи), что центростремительная, пирамидальная иерархическая конфигурация пространства сильнейшим образом определяет биологическую деятельность человека, создает как стрессовые ситуации, так и возможности получения «быстрого» или «дешевого» нейромедиатора дофамина — гормона счастья, гормона высоких достижений, что в совокупности создает неблагоприятные условия для развития креативных, творческих способностей и для

самой креативной деятельности, существенно подрывая мотивацию, а также здоровье, более того — создавая серьезные препятствия для нормального воспроизводства человека и человеческих способностей.

Единственным способом снятия данных противоречий и решения всего комплекса названных проблем является полный отход от центростремительности. Соответственно, постэкономика должна быть организована на принципах децентрации, децентрализации, т. е. на принципах распределенного расселения. Такой проект распределенного расселения, в данный момент находящийся на стадии смелого эксперимента, уже реализуется в России в 389 поселениях, состоящих из родовых поместий [20].

Концепция родовых поместий была впервые представлена в 1999 г. в книге «Сотворение» российского писателя В.Н. Мегре [9]. Концепция вызвала настолько большой интерес как в России, так и за рубежом, что в Государственной Думе неоднократно рассматривался проект федерального закона «О родовых поместьях». Пока рассматривается закон, стартовали федеральная программа «Дальневосточный гектар» и проект «Мой гектар»; в Белгородской и Брянской областях уже приняты и действуют законы о родовых поместьях. Интерес к концепции проявила ООН, В.Н. Мегре награжден престижной «Азиатской Нобелевской премией мира» — «Гузи».

Родовое поместье представляет собой территорию в 1 га земли, предназначенную для жизни одного человека или семьи. Это пространство (поместье — от слова «место») для жизни и максимально полного развития человека, всех его способностей [17].

«В “Родовом поместье” центральная идея — всемерное развитие творческого потенциала человека и совершенствование среды обитания во взаимосвязи: чем выше творческие способности человека, тем более совершенную среду (насыщенную знаниями, новыми идеями и неотчужденную, да и чистую и красивую) он может создать, а более совершенная среда обитания, в свою очередь, создает больше стимулов, мотивов и благоприятных условий для творческой деятельности человека» [18, 123].

Таким образом, именно родовые поместья способны сформировать пространство постэкономики.

Литература

1. Альпидовская М.Л., Чекмарев В.В., Чекмарев В.В., Соколов Д.П. Предмет экономической теории в концепции исследования экономического пространства: Учебно-метод. пособие для аспирантов экономических специальностей. М.: Прометей, 2023. 104 с.
2. Бодрунов С.Д. Трансформации XXI века — человек, общество, ценности, ноономика: материальное VS идеальное, «физики» VS «лирики» // Ноономика и ноообщество: Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 2. 2023. № 3. С. 13—25. DOI: 10.37930/2782-618x-2023-2-3-13-25.
3. Брежнев Л.И. Воспоминания: Жизнь по заводскому гудку. Чувство Родины. Малая земля. Возрождение. Целина. М.: Изд-во политической литературы, 1982. 223 с.
4. Бузгалин А.В. Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности в плановом хозяйстве. М.: Изд-во МГУ, 1988.
5. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М.: Экономика, 1985.
6. К проблеме планировки соцгорода // Вестник Коммунистической Академии. 1930. № 42. С. 109—147.
7. Кульков В.М. Новая реальность России: узлы адаптации // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 61—72.
8. Манахова И.В., Евтух Ю.В. Цифровой протекционизм как направление экономической политики // Философия хозяйства. 2023. № 5. С. 120—132.
9. Мегре В.Н. Сотворение. М.; СПб.: Диля, 2000.
10. Осипов Ю.М. Ультраэкономика как высшая историческая форма экономики и верная предтеча постэкономики // Философия хозяйства, 2019. № 4. С. 11—23.
11. Охитович М. Заметки по теории расселения // Современная архитектура. 1930. № 1—2. С. 7—16.
12. Охитович М. К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130—134.
13. Охитович М. Не город, а новый тип расселения // Экономическая жизнь. 1929. 7 дек.
14. Охитович М. Отчего гибнет город? // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 9—11.

15. *Охитович М.* Социализм города (ответ т. Черня) // Революция и культура. 1930. № 3. С. 50—58.
16. *Охитович М.* Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья // Вестник Коммунистической Академии. 1929. № 35—36. С. 334—344.
17. *Павлов М.Ю.* Воспроизводство человеческого потенциала в условиях креативной экономики: Дис. ... докт. экон. наук. М., 2023.
18. *Павлов М.Ю.* Маркс и марксизм о принципах расселения людей: будущее за Родовыми поместьями? // Вопросы политической экономии. 2020. Т. 2. № 20. С. 113—129.
19. *Пиеницын И.В.* Мир как хозяйство // Философия хозяйства. 2023. № 6. С. 33—42.
20. Список поселений, состоящих из Родовых поместий России 2024: URL: https://www.anastasia.ru/static/patrimony_list.php (дата обращения: 05.03.2024).
21. *Тиссэ Ж.-Ф.* Забвение пространства в экономической мысли // Пространственная экономика. 2007. № 4. С. 88—104.
22. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: Изд-во АСТ, 2004.
23. *Филатов И.В.* Дж.С. Милль о методологии политической экономии: завершение классического периода // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 93—105.
24. *Хан-Магомедов С.О.* Михаил Охитович. М.: Фонд «Русский авангард». 2009. 192 с.
25. *Чекмарев В.В.* Экономика в трехмерном формате: феноменология экономического пространства. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.
26. *Чекмарев В.В.* Экономическое пространство: странствия по двум мирам. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.
27. *Cowen T.* The Great Stagnation: How America Ate All the Low-Hanging Fruit of Modern History, Got Sick, and Will (Eventually) Feel Better. N.Y.: E.P. Dutton, 2011.
28. Has the ideas machine broken down? // The Economist. 2013. 12 Jan.: URL: <https://www.economist.com/briefing/2013/01/12/has-the-ideas-machine-broken-down> (дата обращения: 05.03.2024).
29. *R.A.* «The Great Stagnation» // The Economist. 2011. 27 Jan. Retrieved 2012. 26 Aug.: URL: <https://www.economist.com/free->

exchange/2011/01/27/the-great-stagnation (дата обращения: 05.03.2024).

30. The great innovation debate // *The Economist*. 2013. 12 Jan.: URL: <https://www.economist.com/leaders/2013/01/12/the-great-innovation-debate> (дата обращения: 05.03.2024).

31. *Thisse J.* L'oubli de l'espace dans la pensée économique // *Région et Développement*. 1997. No. 6. P. 13—39.

References

1. *Al'pidovskaya M.L., CHEkmarev V.V., CHEkmarev V.V., Sokolov D.P.* Predmet ekonomicheskoy teorii v koncepcii issledovaniya ekonomicheskogo prostranstva: Uchebno-metod. posobie dlya aspirantov ekonomicheskikh special'nostej. M.: Prometej, 2023. 104 s.

2. *Bodrunov S.D.* Transformacii XXI veka — chelovek, obshchestvo, cennosti, noonomika: material'noe VS ideal'noe, «fiziki» VS «liriki» // *Noonomika i nooobshchestvo. Al'manah trudov INIR im. S.YU. Vitte*. T. 2. 2023. № 3. S. 13—25. DOI: 10.37930/2782-618x-2023-2-3-13-25.

3. *Brezhnev L.I.* Vospominaniya: ZHizn' po zavodskomu gudku. SHuvstvo Rodiny. Malaya zemlya. Vozrozhdenie. Celina. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1982. 223 s.

4. *Buzgalin A.V.* Protivorechiya samoupravleniya, centralizma i samostoyatel'nosti v planovom hozyajstve. M.: Izd-vo MGU, 1988.

5. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Realizaciya obshchenarodnyh interesov. M.: Ekonomika, 1985.

6. K probleme planirovki socgoroda // *Vestnik Kommunisticheskoy Akademii*. 1930. № 42. S. 109—147.

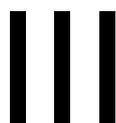
7. *Kul'kov V.M.* Novaya real'nost' Rossii: uzly adaptacii // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 5. S. 61—72.

8. *Manahova I.V., Evtuh YU.V.* Cifrovoj protekcionizm kak napravlenie ekonomicheskoy politiki // *Filosofiya hozyajstva*. 2023. № 5. S. 120—132.

9. *Megre V.N.* Sotvorenje. M.; SPb.: Dilya, 2000.

10. *Osipov YU.M.* Ul'traekonomika kak vysshaya istoricheskaya forma ekonomiki i vernaya predtecha postekonomiki // *Filosofiya hozyajstva*, 2019. № 4. S. 11—23.

11. *Ohitovich M.* Zametki po teorii rasseleniya // *Sovremennaya arhitektura*. 1930. № 1—2. S. 7—16.
12. *Ohitovich M.* K probleme goroda // *Sovremennaya arhitektura*. 1929. № 4. S. 130—134.
13. *Ohitovich M.* Ne gorod, a novyj tip rasseleniya // *Ekonomicheskaya zhizn'*. 1929. 7 dek.
14. *Ohitovich M.* Otchego gibnet gorod? // *Stroitel'stvo Moskvy*. 1930. № 1. S. 9—11.
15. *Ohitovich M.* Socializm goroda (otvet t. CHernya) // *Revoljuciya i kul'tura*. 1930. № 3. S. 50—58.
16. *Ohitovich M.* Socialisticheskiĭ sposob rasseleniya i socialisticheskiĭ tip zhil'ya // *Vestnik Kommunisticheskoy Akademii*. 1929. № 35—36. S. 334—344.
17. *Pavlov M.YU.* Vosproizvodstvo chelovecheskogo potentsiala v usloviyah kreativnoj ekonomiki: Dis. ... dokt. ekon. nauk. M., 2023.
18. *Pavlov M.YU.* Marks i marksizm o principah rasseleniya lyudej: budushchee za Rodovymi pomest'yami? // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2020. T. 2. № 20. S. 113—129.
19. *Pshenicyn I.V.* Mir kak hozyajstvo // *Filosofiya hozyajstva*. 2023. № 6. S. 33—42.
20. Spisok poselenij, sostoyashchih iz Rodovyh pomestij Rossii 2024: URL: https://www.anastasia.ru/static/patrimony_list.php (data obrashcheniya: 05.03.2024).
21. *Tisse ZH.-F.* Zabvenie prostranstva v ekonomicheskoy mysli // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2007. № 4. S. 88—104.
22. *Toffler E.* *Tret'ya volna*. M.: Izd-vo ACT, 2004.
23. *Filatov I.V.* Dzh.S. Mill' o metodologii politicheskoy ekonomii: zavershenie klassicheskogo perioda // *Filosofiya hozyajstva*. 2023. № 2. S. 93—105.
24. *Han-Magomedov S.O.* Mihail Ohitovich. M.: Fond «Russkij avangard». 2009. 192 s.
25. *CHekmarev V.V.* *Ekonomika v trekhmernom formate: fenomenologiya ekonomicheskogo prostranstva*. Kostroma: Izd-vo KGU im. N.A. Nekrasova, 2010.
26. *CHekmarev V.V.* *Ekonomicheskoe prostranstvo: stranstviya po dvum miram*. Kostroma: Izd-vo KGU im. N.A. Nekrasova, 2010.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Постправда — карма истины*

Аннотация. В «начале начал» было ничто-ничего («ничаво»), но в этом русском «ничаво» постоянно горел (и горит) свет правды непреложной, с любовью единый в себе творящую свободу бытия, мысли и жизни. Правдой был сотворен человек, социокультурные и трудовые основания, смысловые органы людского мира, его разума и сознания. Правда устроила космос бытия и человека соответственно их сакральной идентичности. Правда создала общинные (сборные) формы жизни людей, организовав их общение, труд и социальное взаимодействие на основе совести, став ее причиной и следствием.

Разделение труда и профессиональная кретинизация умственной деятельности породили касты (страты), идеологии, институты и деньги, которые выделили из правды «малую правду», истину, став монопольными владельцами, апологетами, судьями и палачами ее антижизненной тайны. Истина стала волей оружия и гибели, а оружие и гибель — волевой абстракцией истины. Правду как согласие человека с творящей и спасительной бездной, свободой идеологии, институты и касты превратили в истину, требующую скорби и страданий людей в качестве сырья для своих абстракций.

В тяжбу истины и правды вынуждена была вмешаться тайная воля кармы, которая свершила над истиной свой кармический суд путем выявления постправды — богемной дочери истины, обитающей в храме ее абстрактности. Трибунал кармы выявил четыре смертных греха постправды. 1. Постправда заменила истину и разум машинной волей к власти и к войне. 2. Постправда превращает живые формы природы, культуры, самого человека в глобальную мусорную свалку, в беснующуюся помойку смерти и разложения, став отбросом ментальных отбросов 3. Постправда воздвигает игро-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Постправда — карма истины // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 135—151. DOI: 10.5281/zenodo.10869415.

вой Вавилон, в котором зомбированные существа играют в смерть аж до самой смерти. 4. Но постправда выносит приговор и себе, выявляя творящую свободу бездны как содержание и перводвижитель правды, которая посредством благородной софиасофии превращает богемную «постправду» в тюремную «стоп-истину».

Постправда несет в себе возмездие истине и человеку, растворяя их в бесновании гендерных перверсий, возмездие, свершаемое правдой Великой неизвестности.

Кармическое правосудие карает и слуг постправды — анти-истину и антиправду, претендующих на роль высших судей мира, обращая их в истину их же сущей онтоментальной гильотины, работающей в диалектическом режиме отрицания отрицания. Ментальное правосудие кармы возвращает истину в целостный дом правды, восходящей к единому миротворному Смыслу новой свободы, обретшей свою свободу у мудрости Бездны.

Ключевые слова: правда, истина, постправда, возмездие.

Abstract. At the beginning there was nothing but in this «nothing» the light of the immutable truth was constantly burning (and is burning), uniting with love the creating freedom of being, thought and life. The human, socio-cultural and labor foundations, semantic organs of the human world, his mind and consciousness were created by the truth. The truth arranged the cosmos of being and the human according to their sacred identity. The truth created communal (cathedral) forms of the people's life organizing their communication, work and social interaction on the basis of conscience, becoming its cause and effect.

Division of labor and professional stupefaction of mental activity generated castes (stratas), ideologies, institutes and money which allocated from the truth «the small truth» having become exclusive owners, apologists, judges and executioners of its anti-vital secret. The truth became the will of arms and death, and weapons and death became the will abstraction of truth. The truth, as man's consent to the creating and saving abyss of freedom and ideology, institutions and castes have turned into a truth that requires the people's sorrow and suffering as a raw material for their abstractions.

The secret will of karma, which completed its karmic trial over the truth by revealing post-truth, the bohemian daughter of truth, who lives

in the temple of its abstract, was forced to intervene in the litigation of these two truths. The karma tribunal revealed four mortal sins of post-truth. 1. The post-truth replaced the truth and the mind with machine will to power and to war. 2. The post-truth turns living forms of nature, culture, the human himself into a global garbage dump, into a fearless litter of death and decomposition, becoming a throwback of mental waste. 3. The post-truth constructs game Babylon, in which zombified creatures play death as long as they die. 4. But the post-truth also convicts itself, revealing the creating freedom of the abyss, as the content and translator of the truth which, through noble sophiasophy, turns the bohemian «post-truth» into a prison «stop-truth».

The post-truth carries in itself retribution to truth and the human, dissolving together with the truth in the revenge of gender perversions, retribution accomplished by the truth of the Great Unknown.

Karmic justice punishes servants of the post-truth, the anti-truth applying for a role of the highest judges of the world, turning them into the truth of their real ontomental guillotine working in the dialectic mode of denying. The karma's mental justice returns the truth to its holistic house, ascending to a single peacemaking Meaning of new freedom which has gained its freedom from the wisdom of the Abyss.

Keywords: truth, post-truth, punishment.

УДК 111
ББК 65в

Тревожная аксиома Анаксимандра пророчит: «А из каких начал вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [=ущерба] в назначенный срок времени» [4, 217].

Вещи — должники космоса и других вещей, благодаря взаимодействию с которыми они возникают, оформляют свое содержание, а их причины обретают работу. Природа не дарит нам разум и бытие, а в долг дает свободная свободным. Все вещи должны вернуть займы, полученные ими от причин, космоса и других вещей. Должны, но не могут, а потому, нанося ущерб правде, они пленяются неправдой, обрекаяющей их на гибель.

Грозная аксиома Анаксимандра гласит, что тайное возмездие (бумеранг) является высшим законом Великой Неизвестности, правящей посредством этого закона хаосом, космосом, вещами, людьми, мыслями. И настигает бумеранг праведных и неправедных, от него не укрыться ни людям, ни мыслям, ни вещам, ибо в нем действует апейрон (Бездна).

В древнеиндийской культуре закон бумеранга выступает в облике кармы, обрушивающей на человека всю полноту неизвестных им последствий своих же деяний. Карму нельзя исправить, «почистить», как полагают лукавые «кармологи», ибо карма состоит из квантов независимого ничто, которые никто, никак и никогда не сможет «загрязнить».

Согласно этой аксиоме, все вещи без вины виноватые, прямо-таки преступные в силу того, что они обладают бытием, которое не ценят, или же бытие обладает ими и вынуждено нести ответственность за своих жильцов. У бытия и вещей изначально расслабленный иммунитет, они ущербны, аномальны, уязвимы, изнывая в ожидании решений неведомого суда. Как будто бытие и вещи получили зловещую хаосмосную метку, непрерывно ничтожащую и в итоге их уничтожающую.

Любой предмет является как орудием этого загадочного возмездия, так и его жертвой. И каждый человек неосознанно таит в себе возмездие, негативный вызов другим людям, которые также грозят неведомым возмездием и ему. Причем это возмездие бумеранга действует вне и независимо от сознания субъективно невинных насельников бытия.

Истина тоже несет «правозаконное возмещение» за свою скрытую неправду, приносящую роковой ущерб человеческому миру, являясь орудием и жертвой неведомого расчета вселенского возмездия. И расквитаться со своими долгами истина может только иллюзиями, ложью, обманом, фейками и катастрофой бытия. Истина поразительно бессильна не только против вредящей ей лжи, но и против самообмана, который внушает ей веру в благость ее соблазняющих плодов.

Истина несет кармическую ответственность за утопические и технократические проекты, посредством которых она совращает людей в устройении их жизни, лукаво заверяя, что нужно лишь найти

истину, как сразу же и начнутся райские времена! Скорбное, апокалиптическое состояние нынешнего человеческого мира во многом обусловлено его одержимостью истиной. Человек стремится к истине, а приходит к трансгрессивным метаморфозам, к самоотрицанию, охватывающему и природу. И чем ближе к истине человечество, вернее, чем ближе истина к человечеству, тем ближе экологические, мусорные, термоядерные и ментальные коллапсы бытия.

И кармический суд, увидев в постправде исполнителя своего приговора истине, требует восстановить смысловое сердце правды, присущую ей творящую свободу Бога, неба и бездны. Бог — это не истина, которая есть полигибридная абстракция, а живая творящая свобода правды. Бог становится истиной-абстракцией лишь в текстах теологии, истории, атеизма. Истина влечет в inferнальные и технократические топи отрицания, а правда есть *царство смысла*, который превращает бумеранг в благодать. Правда выше, сильнее, значимей кармы и бумеранга, недоступна возмездью постправды, будучи зависимой лишь от творящей спонтанности свободы.

Постправда — символ, прощальный концепт «последних времен» — финальной фазы эволюции человека вменяемого, разума понимающего, сознания ответственного. Концепт этот больше, чем концепт, ибо он дан вместе со своим рабочим контекстом, неотделим от своего военного антихозяйства, обладает хаосмосной «пропиской» в человеческом мире. Этот концепт, сопрягая в себе искусственную волю, симулякры и разруху смыслов, глухо твердит нам о муках бытия, находящегося то ли в состоянии гибели, то ли в экстазе трансгрессии, то ли в начале зарождения некоей новой тайны, то ли в радостном ожидании новых казней бессрочных.

Сам концепт «постправда» своей визитной карточкой «пост...» указывает, что смысл и онтологию его начал и концов можно выявить лишь в контексте, который образуют цельные единицы истории — эпохи. Таким контекстом служит модель истории, представляющая ее в качестве троичной структуры — *премодерна*, *модерна* и *постмодерна*. Организующим центром премодерна служит *правда*, модерна — *истина*, постмодерна — *постправда*.

Правда (истина)¹ — самое великое начало и дело человеческого мира, служащее конструктором и перводвигателем, ментальным ориентиром и телеологическим определителем движения его бытия. Похоже, что мир бытует только ради того, чтобы познать себя, узнать свою истину-правду, целевую причину своей идентичности. Ответы на эти вопросы коренятся в истине-правде, хранящей в себе творящие истоки и причины мироздания, продолжение его бытия. Кажется, что человек со своим разумом и сознанием нужен миру именно для решения этих его задач.

Но истина-правда недоступна людям в силу ограниченности разума, который в своих устремлениях к ней сталкивается с апориями, неразрешимыми парадоксами, антиномиями, разрушающими смысловые силы человека. Познание, освоение правды-истины превращается в перманентную катастрофу для людей и для этого цепта.

Истина-правда недоступна человеку и в силу своей внутренней природы: истина и правда сами не знают себя, своих целей, границ и возможностей, а потому познающий их человек не может узнать то, что недоступно им самим. Истина-правда не для человека, но человек нужен ей.

Сама правда-истина содержит в себе запрет на свое познание: если бытие, мир и человек узнают свою истину-правду, то они прекратят свое существование, ибо цель будет достигнута — все возможное и невозможное будет совершено. Стремление к правде-истине есть стремление к концу. Благоразумие вроде подсказывает человеку, что не трогай правду-истину, если она не трогает тебя: но она-то как раз не дает покоя людям, требуя от них добиваться невозможного.

Символом великой тщеты и Голгофы людской в постижении правды-истины служит Вавилонская башня. Не только люди пострадали при воздвижении этой башни, но и сама небесная правда-истина потерпела ущерб из-за крушения стройки, потеряв своих соавторов, поклонников, ценителей, потребителей ее возвышенных

¹ На данном этапе нашего анализа термины «истина» и «правда» работают как синонимы.

смыслов. Увы, стремление к истине-правде поселяет в умах неустрашимую путаницу, порождает новые неумения людей.

Но жизнережущий парадокс состоит в том, что, несмотря на катастрофу с познанием правды-башни, человек все же не может уклониться от этих тщетных, да и запретных деяний. Познание правды-истины, как и воздвижение башни, создает ситуацию *Zugzwang*: построить башню невозможно, не строить ее нельзя, ничего другого человек делать не умеет, а некая неотвратимая сила гонит его вопреки всему строить эти башни, обесмысливающие жизнь. Или же рыть Великий Котлован для единого дома человечества (А.П. Платонов). Кажется, что человек есть существо «вопреки» всему, даже вопреки самому себе и призван заниматься лишь невозможными и запретными делами. И для этой своей «вопрекистской» сущности понадобился ему недостижимый феномен правды-истины.

Кажется, не человеку решать вопросы правды-истины, а сама правда ищет нужных ей людей, решая, что, кому, как, когда и насколько можно открыть из своего «добра». Посему не человек решает, что есть правда, а правда решает, каким должен быть праведный человек, дабы он мог общаться с правдой-истиной, мог вкушать ее пищу смысловую. Кажется, что и проект башни Вавилонской не человек выдумал, а он, как и все другие проекты, возник на небесах, соблазняя смертных на тщетный труд и голгофное знание-испытание. Судя по плодам постройки башни, познавать правду может лишь тот, кто признан небесами пригодным к опасному делу познания! Правда и башни находятся в веденье небес, а люди могут лишь осознавать эту волю небес и устраивать по ней свой земной дом.

История решила проблемы Вавилонской башни и правды-истины паллиативно². Если правда и башня недоступны людям, то пусть они строят пирамиды, кои станут напоминанием их тщетных устремлений к правде-истине. Тайна и загадка пирамид в том, что они символизируют якобы уже достигнутую в земном мире правду-истину, заменяя человеку башни пирамидами, а правду — истина-

² С этого этапа анализа термины «истина» и «правда» уже трактуются как качественно различные концепты.

ми. И люди до сих пор находят пустые утешения в поисках неуловимой истины и в созидании различных иудских пирамид. С правдой человек не может найти даже утешительных для него иллюзий, а истина непрерывно снабжает его ложью и новыми пирамидами.

В фольклоре и в мифах слово «правда» выражало единую волю небес и земли, порождая для людей общезначимые ориентиры, нормы жизни, познания, деяний, полностью охватывая содержание истины. Разделение труда, зарождение интеллектуального критеризма, возникновение религиозных, научных, правовых, демонических идеологий породили раскол правды, из которой выделился феномен истины, относительно независимой от нее, хотя и обладающий огромной судебной и карающей властью.

Феномен правды был плодом общинного сознания, выступая сакральной, познавательной, экзистенциальной, моральной, правовой нормой мира, мудрости, жизни, поведения. Истина же стала абстракцией идеологов, институтов, наук, пиарным внушением власти и порока, которым она должна служить. С тех пор истина несет в себе соблазны абстрактной свободы, а правда есть постоянный репортаж из творящей свободы Бездны. Истина тайно и явно убивает, а правда колет, пробуждает, предохраняет и спасает.

Важную роль в уходе истины из правды сыграла денежная нужда. Истина в строгом смысле была выделена из правды в качестве инструмента, который призван выявлять фальшивые деньги. Можно условно представить правду в качестве товара, а истину — в качестве денег. Именно скрытая помощь истины деньгам позволила ей стать властителем человеческого мира. Истина возникла как тайный слуга злата. Сегодня зависимость истины от денег очевидна, ибо сегодня истина пляшет под музыку банков. Давно замечено, что, если бы истина «дважды два равно четыре» противоречила бы власти и злату, ее бы оспорили и отвергли.

Так правда стала истиной — плодом, функцией и слугой идеологий, институтов, денег, придавая им общезначимость в человеческом мире. Именно идеология, институты, касты презирают, проклинаят, предают, преследуют, сажают, сжигают, распинают, пытаются, продают, восхваляют, награждают наивных простаков, одержимых поисками истины, хотя позволяют сомневаться в ней, допуская ложь и заблуждения.

Идеологии и касты сразу же превратили истину в материальное и ментальное оружие, неподчинение которому расценивается как преступление. Хотя сама истина-то родилась из преступления, свершенного в миг ее отделения от правды; история истины есть цепь преступлений, завершающихся ядерным оружием, венчающим ее триумф. Истина нигде, никогда, никому и ничего не прощает, ибо само познание она расценивает как влечение ее узнать и погубить. Поэтому всех, кто стремится раскрыть истину, она стремится закрыть и накрыть своей мертвящей абстракцией. А зависимость от власти и денег истина разменивает на мелкие, плоские, банальные, «грошовые», избитые истины, из которых вышиблены смыслы. Правда же есть смысловое знание, сохраняющее жизнь, сознание и разум в тисках predeterminedности неживой материи.

Наука узаконила статус истины как владыки человеческого мира, владыки кровавого и беспощадного, рассматривающего жизнь, природу лишь как материал своего живодерского абстрагирования. Атомная бомба — апофеоз этой абстрагирующей работы истины, без которой бомба не была бы создана и не взрывалась бы³. И нобелевская истина закономерно ищет себя в неофашизме. А говорить об истине после фашизма и атомной бомбы, после гендерных перверсий и культа «потреблядства» [2] воистину уже невозможно.

Западу, созданному по канонам истины, уже не нужна истина, не нужна и ложь, а нужны симулякры истины, в которых смысл вытесняется виртуальностью. А смысл нужен жизни, бытию ради сохранения их смыслотворящей свободы. Правду же, от которой истина вместе с другими институтами отеклась, сместили на периферию ментального мира.

Русская культура хранит изначальную целостность правды, признавая истину в качестве когнитивного элемента. Истина выступает в ней в качестве высшей... смертоносной абстракции Европы. Смерть — самая совершенная абстракция истины, абстрагирующей бытие от жизни, превращая его в призрак. Истина выражает лишь качество знания, требуя искать ответы на вопросы о том, что есть,

³ Р. Опенгеймер узрел королевскую истину физики во взрыве атомной бомбы: «Теперь я стал смертью, разрушителем миров».

как и почему нечто изменяется, не обременяя себя вопросом целевых причин — почему нечто есть? Внутренним критерием своим истина признает логичность, а внешним — материальные силы денег и власти. Своей абстрактной властью истина, как и деньги, порабощает человека, становясь независимой от его воли.

Правда в русской культуре работает как онтогносеологический феномен, представляющий общую норму бытия, жизни и знания. Правда ищет понимание не только того, что есть, но и того, что должно быть, а если этого «нечто» нет, то почему его нет; правда выясняет, чего не должно быть, а если «это чего» есть, то почему оно вопреки всему возникает. Правда занимается смысловыми причинами, и критерием ее служит плодотворная жизнь.

Наука пытается стать высшим институтом истины, заверяя, что лишь научное «Я» несет в себе истинность самой истины, являясь последней инстанцией истины. Высшими же институтами правды являются государство, семья, храм, армия, школа, которые рождают и воспитывают человечность.

Русское бытие своим правдоискательством выявило изначальное расхождение миссии истины и миссии Христа. В классической форме это правдоискательство представил Ф.М. Достоевский: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной» [1, 62]. Уже само допущение возможного разделения истины и Христа говорит о том, что во Христе воплощена сакрально-человеческая, богочеловеческая правда, превосходящая истину своей продуктивной жизненностью.

Христос жертвует собой ради других; истина требует жертв, закляний «других» ради себя; Христос идет путем воскресения, сакрального одоления смерти, истина же движется путем мертвящего абстрагирования в ледяную пустыню бесплодия и призрачности. Христос обращает смерть в средство высшей жизни для сокрушения самой же смерти («смертию смерть поправ»), смерть использует свое абстрактное отрицание для деконструкции бытия и жизни. Цель Христа — достижение вечности, цель истины — замена вечности абстрактным миром призраков.

Истину Бог не творил, а, видимо, лишь попустительствовал своему первенцу и Каину в создании этого коварного концепта, со-

блазнами губящего людей. Истина есть совместный плод демона, Каина, человеческой демиургии и правды, а потому она находится в неоплатном долгу перед своими создателями: возместить полученные от них дары она не в состоянии, списать их она тоже не может, вот и создает голгофы, инициирует проекты вавилонских башен для заклания людей и природы. Часть правды, унесенная истиной, придает ей силы, посредством которых она воздвигает свое царство мертвящей абстрактности, а демоническая зависимость от первобийцы превращает ее в рационально безумствующего палача жизни, детей.

И все же Христос заявил: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6). Думается, что эта сакральная аксиома иносказательно молвит о том, что богочеловеческая миссия Спасителя должна непременно пройти испытание крестом Голгофы, который есть высшее земное воплощение истины. Истина, пришедшая с Богом, и Бог, пришедший с истиной, могут встретиться лишь на смертном кресте Голгофы. Иначе истина не может и не умеет, ибо в ее сущности сидит призрак смерти, владычество которого она не оспаривает. Единая инфернальная сущность истины и смерти выявляется, испытывается и отменяется сакральной правдой, ставшей Богочеловеком. Поэтому и победа Христа над смертью есть в то же время победа смысла правды над смертоносной абстракцией истины. Правда — смыслообразующее начало бытия, а истина — силовая абстракция смерти, становящаяся средством правды в борьбе со смертообремененностью.

И первое слово воскресшего Христа к апостолам гласило: «Радуйтесь!», ибо смерть, крест и Голгофа в царстве правды станут лишь орудиями, которыми правда будет преображать зло, пороки, страдания в субстанцию своей свободы. За простым семантическим различием слов «истина» и «правда» стоит вселенская трагедия. Увы, противостояние Христа и истины как часть противостояния Христа и смерти, гениально замеченное Ф.М. Достоевским, история не увидела и не поняла, а потому отдала себя на заклание абстракциям призрачного мира истины.

Зная инфернальное лукавство истины, Христос не мог и не желал уклониться во исполнение своей миссии и от ее страшного испытания. Но кто же мог судить всемогущую и всеведущую исти-

ну, ставшую Христом? Только его правда, которая свершила смысловое возмездие над истиной, восполняющей свою смертоносную абстрактность страданиями, Голгофой. А творящая человечность правды Христа спасает и поныне, обрушивая возмездие на фарисеев и на лукавых служителей истины.

Важнейшая роль русского бытия в понимании феномена истины состоит и в том, что своим прирожденным правдоискательством оно выявило inferнальные связи истины со скрытыми в ней страданиями Христа и людей. Истина несоизмерима не только с Богом, но и с человеком. Любимой жертвой ее служат дети. Вот образец религиозной истины, кричащей: «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень» (Псалм. 136). Чем же младенцы заслужили такую дикую казнь? Ведь «из уст младенцев исходит истина», а дети для Спасителя — это первые граждане Царства Божьего? Зачем мудрой, всемогущей истине страдания детей?

И что может ответить истина на этот вопрос правды? На суде, где правда судит истину, страшные муки детей ответили: «Истина есть убийство детей». И неизбежен приговор пророка. «Если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которые необходимы были для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены» [1, 48].

Ф.М. Достоевский выявил гносеологию страданий, темное нутро истины, которая невозможна без детских мучений, составляющих необходимую часть истины. Сама истина и есть хождение по мукам. И в пламени костров, на которых истина сжигает своих адептов, наивно уверовавших в ее спасительную миссию, горит и сама истина. Связь истины и страданий взрывает лишь правда, преобразуя истину-мучительницу, истину-распятие в творящую свободу жизни.

Истине неведомы человечность и милосердие. Но в молчании истины таится страх, испытываемый этой владычицей человеческого мира пред детскими страданиями. Люди могут постичь, что все страдания детей порождены именно истиной или же силой, подвластной истине. Ложь не может столь разрушительно воздействовать на людей, ибо во всех ее миражах есть элементы правды. А муки детей — это живая пища истины. Поэтому для русской культуры истина — это не общечеловеческая, не гуманитарная цен-

ность, а евроабстракция, столь же алчная, хищная и кровожадная, как и каинистская политика Запада

Эпоха постмодерна «обнулила» все научно-теоретические, методологические, онтологические, морально-правовые, художественные и религиозные формы освоения мира; более того, все созданные историей идеально-смысловые органы постижения бытия превращаются в негатив, который искажает реальность, действует против людей, превращая гуманитарный мир в сферу античеловеческих, постчеловеческих мутаций.

Постмодерн есть агония чистой и автономной истины как конструктивного перводвигателя англо-американской цивилизации. Свершается и кармический суд, проверяющий абстрактную и правоверную истину в контексте постправды. Постэпоха отстраняет истину от когнитивной службы, заменяя ее концептом-симулякром — постправдой.

Когнитивная отставка истины обусловлена не только тем, что люди не признают, отвергают истину, заменяют ее иллюзиями, ложью и фейками. Дело еще в том, что истина, став слугой власти, денег, идеологий и оружия, сама по себе разлагается, выпуская в форме постправды на вольную охоту демонов войны, мусора, зомбирования, дикой свободы.

Этот inferнальный концепт ведет богемную жизнь, сея во всех сферах бытия и познания семена смешения «всего со всем», не обременяя себя никакими смысловыми нормами и правилами, оправдывая свое онтологическое беззаконие и когнитивный произвол пустым четырехзначием «*пост*». Прежде всего, постправда пытается заменить удовольствиями неотъемлемые от истины страдания, беды и скорби, которые отправляются в дар «развивающимся странам». Какие же «сокровища» скрываются в чреве «постправды», временно исполняющей когнитивные функции истины?

Во-первых, постправда выражает замену ослабевшей воли европейцев искусственной, безжизненно-инфернальной волей к власти. Для укрепления своей слабеющей воли европейцы принесли ей в жертву разум, который превратили сначала в искусственный разум — интеллект, ставший затем машинным интеллектом, взяв на себя волевое бремя европейцев. Постправда есть выражение ма-

шинно-технической воли, стремящейся заменить волю человека своей сингулярной апокалиптикой⁴.

Во-вторых, постправда представляет «волю» вещественных, виртуальных и ментальных миров, которые становятся отбросами, беснующейся помойкой, гниением, извращением евроамериканской воли. Постправда есть невидимая рука европомойки. И эта рука показывает кукиш, издевательски говоря, что вы, европейцы, ничего со мной не сделаете, а вот я сделаю из вас сырье для своей мусорологии и мусорократии.

В-третьих, постправда превращает игру в совершенный способ зомбирования, расчеловечивания людей, игры, доставляющей радость и наслаждения, позволяющей превратить жестокость, убийства, смерть в игровую жизнь. Последние времена создают игровой Вавилон, в котором мир, человек становятся элементами неведомой игры, хотя сама игра есть лишь элемент мира, людей, предметов. Постправда предлагает игру вместо жизни и смерти. В качестве кого и во что играет человек играющий?

В-четвертых, постправда в искаженной форме представляет императивы изначальной творящей и творческой свободы мироздания. В постправде анархистски проявляется творящая сила Великой Неизвестности.

Если концепт постправды сумел отодвинуть на периферию ментального мира всеильную и неколебимую истину, значит, в самой истине происходят радикальные сдвиги по изменению центров ее силы и власти. Центр правды перемещается в *смысл*, использующий истину в качестве средства. Смысл есть, или его нет, но смысл никак не может быть истинным или ложным. Ложный смысл невозможен по определению. Смысл растворяет в своей субстанции истину, заблуждения, неправду и постправду. Смысл импровизирует правдой, но может играть и по нотам правды. А в правде действует Иное, представляющее смыслы Великой неизвестности.

⁴ Чувствуя упадок волевого тонуса, европейцы решили перераспределить жизненную энергию от разума в пользу воли вплоть до подчинения разума воле. Эту работу начал Ницше, а завершил постмодернизм.

Своеобразно решает Россия и вопрос Вавилонской башни. Этот проект не нужно отвергать, ибо цена этого отказа — человечность, которая живет энергиями невозможного. А в небеса нужно подниматься не с помощью башен-«высоток», а на кораблях мысли.

Главными пилотируемыми кораблями в небеса лазурной Бездны являются мысль, стремящаяся постичь немислимое; сознание, плавающее в «море-окияне» бессознания; воображение, созидающее образы из невообразимого хаоса; импровизация, преображающая бездну свободу в смыслы человечности. В небеса может взлететь лишь Дух, опирающийся на невозможное, превращающий его в еще невиданное, но уже лицезримое новобытие, в еще неявленную, но уже действующую новореальность.

Осознанно мыслящим выражением этого Духа, постижением его созидательной силы является *софиасофия*, родившаяся в начале XXI в. в трудах выдающегося русского безднопроходца — Ю.М. Осипова. Посредством софиасофии Русь-Россия ворвалась в абсолютно неизвестную, непознанную и непознаваемую реальность, в мир русской судьбы.

Гносеология есть знание о знании, логика есть мысль о мысли, разумности разума, софиасофия же приоткрывает мудрость самой мудрости, *правду знаемого незнания и незнаемого знания*. «Софиасофия исходит, помимо внимания к Софии, из признания триединой сложности бытийно-исторического процесса, рассматривая его как, во-первых, творение человеческое (отсюда «ход человека»), во-вторых, как самовершение (отсюда «ход вещей») и, в-третьих, как результат вмешательства неизвестности (отсюда «ход неизвестности»), не отдавая заведомого и постоянного приоритета ни одному из трех причинно-следственных начал-потоков» [3, 579]. Софиасофия выявляет во всех трех «ходах» бытия-истории творящую свободу невозможности, действующей как возникающие, но еще не возникшие новореалии, новомыслия и новосознания.

Софиасофия имеет дело с невозможным: она мыслит немислимое, сознает несознаваемое, воображает невообразимое, выражает невыразимое. Но она таит в себе и абсолютно непостижимое, непонятное начало, в общении с которым разум и сознание затачивают свои осмысляющие способности. Она возвращает Дух к истокам зарождающейся первомысли и пробуждающегося первосознания, к

первому опыту этих идеальных сил в деле познания и выражения протореальности. Софиасофия представляет детское, досказочное сознание и прамифологический разум доисторического человечества, знающего только одну правду, владеющего ею, еще не ищущего истины, еще не умеющего заблуждаться и обманывать. Софиасофия — первый поцелуй человечества и Великой Неизвестности.

Правда есть сущностное ядро, перводвигатель Руси-России, ее народов и этносов, которые по своему призванию и назначению живут правдоискательством. А Русь-Россия ищет правду в Бездне, но не просто в Бездне, а в той творящей свободе, которая ей присуща. Поэтому мыслить, сознать, импровизировать, решать, управлять и действовать по-русски может лишь Бог, София Премудрость, Бездна Великой Неизвестности. Эти владыки мира безмирной и безмерной Бездны являются субъектами абсолютной свободы. И земные существа должны учиться осваивать эту свободу. Она ждет сегодня людей, которые могут адекватно мыслить и действовать сообразно русской правде, в согласии с правдой русизма.

Но в чем же таятся загадка и сила истины, принуждающей человека приносить гекатомбы жертв на ее алтарь, жертвовать самим собой ради ее мнимых благ, превращать свою историю в Армагеддон?

Русская культура искала загадку и силу истины в тайне смерти, убийства, вообще в тайне отрицания. Истина скрывает в себе одну из самых зловещих тайн, тайну убийства. Хотя убийства свершаются по различным внешним поводам, но общую причину убийств, движущего их отрицания истина не раскрывает, провоцируя новые убийства для разгадки их тайны.

Раскольников пошел на убийство, чтобы испытать истину своей человечности, инженер Кириллов пошел на суицид, дабы испытать истину своей божественности, дворяне Ставрогин и Свидригайлов пошли на самоубийство, будучи не в состоянии вынести безмолвие истины.

Каковы цель, смысл, назначение отрицания, его многоликих кошмаров? Является ли отрицание, смерть самоцелью или всего лишь средством некоей неведомой цели? Зачем отрицание уничтожает бытие и затем самого себя? К чему оно само по себе стремится и чего добивается?

Увы, убийства не раскрывают тайну истины, а лишь умножают жертвы и скрывающий их мрак истины. А ответы коренятся в правде, которая безмолвно указывает на неразрывную связь истины и отрицания. Убийства свершаются по тайной воле истины, которая только и может бытовать, провоцируя убийства, отрицая все, что не соответствует ее зловещей абстрактности. Истина есть абстракция, и в качестве таковой ее не могут насытить все отрицания и все убийства, как абстракцию «звезда» не могут насытить все звезды — бывшие, наличные и новые. Истина есть отрицание и самоотрицание, которое укрошается и умиряется правдой, как буйствующий пожар умиряется лишением его кислорода правды и бытия.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Главные мысли: Сборник. М., 2021.
2. *Грааф де Дж., Ванн Д., Нейлор Т.Х.* Потреблядство. Блезнь, угрожающая миру. М., 2016.
3. *Михайлов Юр.* Отшельник, или Вестник не от мира сего. Антироман. М.; Тамбов, 2021.
4. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М., 1989.

References

1. *Dostoevskij F.M.* Glavnye mysli: Sbornik. M., 2021.
2. *Graaf de Dzh., Vann D., Nejlор T.H.* Potreblyadstvo. Bolezn', ugrozhayushchaya miru. M., 2016.
3. *Mihajlov YUr.* Otshel'nik, ili Vestnik ne ot mira sego. Antiroman. M.; Tambov, 2021.
4. Fragmenty rannih grecheskih filosofov. CH. I. M., 1989.

А.Н. ФАТЕНКОВ

Кант и Гегель в конкурентной среде субъектного дискурса*

Аннотация. С акцентом на проблематику субъекта рассматриваются трансцендентальный идеализм Канта и абсолютный идеализм Гегеля. Рассуждения автора выстраиваются вокруг двух главных тезисов. Абсолютный субъект Гегеля онтологически и гносеологически сильнее трансцендентального субъекта Канта. Понятие абсолютного субъекта в его гегелевском содержании остается эвристически ценным и при переносе в неидеалистический философский контекст.

Ключевые слова: субъектный дискурс, И. Кант, трансцендентальный субъект, интерсубъективный идеализм, Г.В.Ф. Гегель, абсолютный субъект, абсолютный идеализм.

Abstract. The transcendental idealism of I. Kant and absolute idealism of G.W.F. Hegel are considered with an emphasis on the problem of the subject. The author's reasoning is constructed around the two main points. The absolute subject of G.W.F. Hegel is ontologically and epistemologically stronger than the transcendental subject of I. Kant. The concept of the absolute subject in its Hegelian sense remains heuristically valuable even when transferred to a non-idealistic philosophical context.

Keywords: subjective discourse, I. Kant, transcendental subject, intersubjective idealism, G.W.F. Hegel, absolute subject, absolute idealism.

УДК 14
ББК 87

Две стратегические линии в немецкой классической философии, кантианство и гегельянство, суть две версии субъектного дискурса, атрибутивно присущего современной интеллектуальной традиции. На роль приоритетного субъекта в это время все настойчивее

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Фатенков А.Н. Кант и Гегель в конкурентной среде субъектного дискурса // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 152—160. DOI: 10.5281/zenodo.10869431.

выдвигается человек, хотя философская мысль не забывает пока ни о Боге, ни, естественно, о внеличных инстанциях. В планах Г.В.Ф. Гегеля, к примеру, значилось «понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» [2, 9]. Сходясь в широком поле субъектности, кантианство и гегельянство расходятся вместе с тем по многим онтогносеологическим установкам. Дивергенция фиксируется в целом ряде оппозиций: трансцендентальный субъект — абсолютный субъект, дуализм — монизм, агностицизм — гносеологический оптимизм, антитетика — диалектика, интерсубъективный идеализм — абсолютный идеализм. Авторская гипотеза состоит в том, что первая из упомянутых оппозиций, трансцендентальный субъект — абсолютный субъект, максимально репрезентативна в ракурсе размежевания кантианства и гегельянства, позволяя надежно дедуцировать из себя все остальные их различия. Сверх того, концептуальная конкуренция немецких классиков предоставляет богатый материал для осмысления понятия «абсолютный субъект» и в неидеалистическом контексте.

Начнем с предпринятого И. Кантом терминологического разъяснения, которое, однако, нельзя признать удовлетворительным. В «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» философ пишет: «...Множественно указанное мною слово *трансцендентальное*... означает не то, что выходит за пределы всякого опыта, а то, что опыту (a priori) хотя и предшествует, но предназначено лишь для того, чтобы сделать возможным опытное познание. Когда эти понятия выходят за пределы опыта, тогда их применение называется трансцендентным и отличается от имманентного применения, т. е. ограничивающегося опытом» [6, 199]. Итак, трансцендентное у Канта — то, что вышло за пределы опыта; трансцендентальное — то, что предшествует опыту, делая его возможным. Гегель назвал кантовскую лексику (да и всю теорию предшественника) «варварской», путаной [1]. И, думается, имел на то право — при всех скидках на подвижность смысловых границ философских категорий. Дело в том, что, во-первых, у Канта чистое познающее мышление, выходя к основаниям познания, не выходит за свои собственные пределы, иными словами, остается в имманентной себе данности, никак не становясь трансцендентальным и оказываясь трансцендентным по отношению к внеинтели-

гибельной реальности, каковой и та, в свою очередь, выступает по отношению к чистому разуму. Бреши в этой трансцендентности появляются лишь тогда, когда познающее мышление оказывается вплетенным в межчеловеческие отношения, т. е. во взаимодействия телесных существ. Но и здесь для кантовского индивида доступ приоткрывается только к другим социально-культурным индивидам, но не к природному миру как таковому и даже не к отдельным вещам-самим-по-себе. Иначе говоря, понятие трансцендентальности в «критическом идеализме» корректно может быть привязано исключительно к феноменам просвещенного общества. Во-вторых, категориально-концептуальная неувязка Канта обнаруживается еще и в том, что при используемой им демаркации трансцендентального и трансцендентного безмянным остается то, что предшествует опыту и вдобавок индифферентно к нему. По онтологическим меркам оно-то (при его наличии, разумеется) и будет собственно трансцендентным, а трансцендентальным — то, что вышло за свои границы, пусть и примыкая к ним снаружи, но никак не изнутри. Подмена понятий Кантом, именно подмена, вызвана характерной для него сомнительной онтологизацией гносеологии. Трансцендентальность он привязывает прежде всего не к вещам и телам, а к познавательным способностям — преимущественно, по справедливому замечанию Ж. Делеза [4], к способности необходимым образом сопрягать опытное знание с априорным. Но существование способностей вне телесной структуры и есть не что иное, как результат идеалистической онтологизации чувственно-интеллектуальных практик.

Игнорирование или умаление того, что, наличествуя, безразлично к человеческому опыту, влечет за собой далеко идущие последствия. Ориентируясь на «критический идеализм» Канта, легко скатиться к неопозитивистскому утверждению о некорректности вопроса касательно существования внешнего по отношению к человеческому сознанию мира. И вот вам в готовом виде наукообразный спиритуализм. Впрочем, надо признать, что и постулирование внеопытного сущего создает проблемы. Ориентируясь, к примеру, на объективный материализм Ленина, движемся, помимо воли противника кантианства, к дуалистической онтологической конфигурации: познающий субъект находит себя вне, поодаль перевозносимой им объективной реальности. И общественная практика не спасает тут

от социально-природной разьединенности, как та же практика — зеркально — не в силах помочь намерению Гегеля надежно отличать сто наличных талеров от ста воображаемых. Заработанные тобой талеры могут быть присвоены работодателем, секвестированы дефолтом, обесценены инфляцией. Социальная практика... она такая.

Вернемся, однако, к Канту и вспомним его пафосное высказывание о благоговении перед звездным небом «надо мной» и моральным законом «во мне» [5, 499]. В прозрачном, казалось бы, высказывании обнаруживается немало примесей. Моральный закон. Он ведь не столько в индивиде, сколько в социальных отношениях, в которые включен индивид, — нет отношений с другими индивидами, нет и морального закона. Звездное небо. Вряд ли оно символизирует возможное множество миров — иначе место ему не «над», а в самом кантовском индивиде, вернее, в расширенном поле его отношений. Возможно, звездное небо символизирует здесь природу, но... спящую в ночи и безразличную к людям — и люди отвечают ей взаимностью: сугубо эстетическим к ней отношением. Только эстетическое («незаинтересованное») созерцание просачивается в трансцендентность, оказываясь, таким образом, сильнее познавательной ангажированности, — и тогда эта ангажированность становится не очень понятной. Не исключено, звездное небо символизирует впечатляющий результат божественного творения. Но при подобном — теистическом — развороте затруднения для Канта лишь множатся.

Кенигсбергского философа не интересует трансцендентная ипостась Бога, его занимает только ипостась трансцендентальная — Бог, вышедший навстречу людям и могущий служить для них образцом поведения. Неудивительно, что ветхозаветную традицию «критический идеалист» не жалуется: иудаизм для Канта, читаем в монографии А.В. Гулыги [3], — феномен, скорее, не религиозный, а политический.

Впрочем, и фигурирующее в собственно христианской традиции онтологическое доказательство бытия Бога автором трех «Критик» отмечается. Он заверяет: из мыслимого предмета вывести наличествующий предмет невозможно — потому что в том и другом предмете, дескать, одно количество существования. Приведен-

ный довод характерен для ситуации, когда принцип тождества бытия и мышления, на котором держится онтологическое доказательство, явно или неявно заменяется принципом самождественности мышления либо, что ближе к кантовскому случаю, принципом корреляции, который распространяется и на мышление со всеми его элементами, и на отношения между интеллектом и внеинтеллектуальной реальностью.

И, по логике Гегеля, строгий переход от мыслимого предмета к наличествующему невозможен (на постоянной основе), но уже по иной причине: в наличествующем предмете существования больше, чем в мыслимом. Другими словами, проблематично достижение тождества бытия и мышления. Ведь бытие не только пребывает, но и действует. А значит: и остается, и не остается равным себе. Мышлению крайне сложно встать вровень с таким бытием. Вопрос, относится ли указанный тип бытийности к Богу монотеистических религий, для философской онтологии вторичен. Как вторично и рациональное доказательство существования Бога по отношению к обоснованию существования абсолюта, коим для философии может быть и не сверхъестественное сущее.

Абсолют ускользает от обстоятельного познания, потому что мы боимся его мыслить. И чем больше страхов в нашем мышлении, тем скорее понятие абсолюта наполняется теистическим содержанием. Религиозно мыслимый абсолюта есть сгусток человеческих страхов. Отчужденная в него человечность не остается неповрежденной и по возвращении в земную жизнь оказывается насквозь пропитанной страхами, лишь усугубляя тем самым положение человека в мире.

Религиозность Гегеля вызывает большие сомнения (согласно А. Кожеву, он вообще атеист [7]). Если нет никакой непознаваемой вещи-самой-по-себе, то и места для Бога в гегелевской философской системе не остается. А вот абсолюта автора «Феноменологии духа» несомненно интересует, причем под вполне определенным углом зрения: имеющаяся потребность «представить абсолютное как субъект...» должна реализовываться содержательно, путем насыщения представляемого конкретными предикатами [2]. В свою очередь, и субъект должен мыслиться абсолютистски: как «бытие

или та непосредственность, у которой нет опосредствования вне ее, но которая сама есть это опосредствование» [2, 17].

Прежде чем перевести рассуждения об абсолютном субъекте и о его реалистичном, с неизбежными «помарками», человеческом воплощении во внеидеалистический формат, подведем черту под особенностями субъектного дискурса классиков немецкого идеализма.

У Канта в приоритете трансцендентальный субъект, противопоставляемый эмпирическому субъекту, этакому закупоренному в самом себе природному эгоисту. Трансцендентальным субъектом становится тот, кто, преодолевая эгоизм, вышел за свои природные границы и кому нет нужды возвращаться в дотрансцендентальное состояние. Актуальный трансцендентальный субъект — Бог, ипостасно сошедший к людям ради их спасения. Потенциальный трансцендентальный субъект — человеческое сообщество, образованное вышедшими навстречу друг другу людьми; социум с моральной опорой на категорический императив.

У Гегеля доминирует абсолютный субъект, которому мало выйти из себя, крайне важно к себе вернуться — к себе, обогащенному внешним, трансцендентальным опытом. Актуальный абсолютный субъект — абсолютная идея, достигшая по возвращению к себе из своего природного инобытия, уровня самосознания. Потенциальный абсолютный субъект — та же идея, движущаяся к горизонту самосознания. Тот, кто угадал замысел абсолютной идеи и помог ему воплотиться в жизненной эмпирии, есть исторически актуальный субъект, противоречиво сопрягающий в себе абсолютное и относительное. Здесь сразу несколько претендентов вписывается в логику гегельянства и неогегельянства. Герой-одиночка: и анархистствующий штирнеровский Единственный, и императорствующий Наполеон, и сам автор «Феноменологии духа», справившийся с уникальной теоретической задачей. Героический класс: Марксов пролетариат или его авангард. Героический народ: историческая общность, отстаивающая свой суверенитет в параллель с приращением свободы. В списке нет гражданского/буржуазного общества, в котором, словно насмехаясь над кантовским императивом, каждый рассматривает всякого другого лишь как средство для достижения собственных корыстных целей.

Кант и Гегель — знаковые фигуры в галерее философского идеализма. Линия его концептуального движения видится следующей: объективный идеализм Платона — спиритуалистический идеализм Средних веков — композиция субъективного и спиритуалистического идеализма Беркли — интерсубъективный идеализм Канта (не факт, что он сильнее берклианства) — абсолютный идеализм Гегеля. Вершина. После нее субъектно-ориентированная направленность идеализма скрадывается, и происходит его сползание к интеробъективной версии (Гуссерль). Она выглядит пародией и на кантианство (в трансцендентально-феноменологическом «я» нет уже ничего человеческого, и каждое из них боится другого, эффективнее редуцированного), и на платонизм (в эйдосах античного философа телесного больше, чем в «самих вещах» феноменолога XX в.).

Приведенное выше гегелевское определение субъекта, по сути своей являющееся дефиницией абсолютного субъекта, без каких-либо серьезных поправок может быть перенесено с идеального на неидеалистически (материализмом и натурализмом) понимаемое бытие. Субъектность природы, эволюционирующей до состояния жизни, не вызывает сомнений. Субъектность доприродной материи, не подпадающей под биологические критерии, менее очевидна. Но в потенции она наверняка такова, иначе линия эволюции терпит разрыв, открывая дорогу сверхъестественному вмешательству (а им, не утруждая себя, можно объяснить все что угодно). Не сваливаясь в примитивизм, в том числе и рационалистический, следует настаивать на том, что при актуализации материей субъектного начала решающая роль отводится его величеству случаю, балансирующему на грани естественного и сверхъестественного.

Насколько приложима мера абсолютного субъекта к человеческоразмерной реальности? Она заведомо предполагает для индивида и общности не только внутреннее, но и внешнее опосредствование. Субъект, не теряющий из виду планку абсолютного уровня, — это тот, кто задает и удерживает меру субъективации и объективации в ареале своего обитания. Очерченная мера не статична, подвижна, как и вся иерархическая структура сущего, формируемая присутствием и действием субъекта [8].

Литература

1. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 3 / Пер. с нем. Б.Г. Столпнера. СПб.: Наука, 1994. 583 с.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета. СПб.: Наука, 2002. XLVII+443 с.
3. *Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001. 416 с.
4. *Делез Ж.* Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Пер. с фр. Я.И. Свирского; под ред. В.И. Аршинова. М.: ПЕР СЭ, 2001. 480 с.
5. *Кант И.* Критика практического разума / Пер. с нем. М. Иткина // *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1963—1966. С. 312—501.
6. *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1963—1966. С. 67—210.
7. *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. Лекции по феноменологии духа / Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. 791 с.
8. *Фатенков А.Н.* Идея подвижной иерархии // *Человек.* 2007. № 2. С. 18—31.

References

1. *Gegel' G.V.F.* Lekcii po istorii filosofii. Kn. 3 / Per. s nem. B.G. Stolpnera. SPb.: Nauka, 1994. 583 s.
2. *Gegel' G.V.F.* Fenomenologiya duha / Per. s nem. G.G. SHpeta. SPb.: Nauka, 2002. XLVII+443 s.
3. *Gulyga A.V.* Nemeckaya klassicheskaya filosofiya. M.: Rol'f, 2001. 416 s.
4. *Delez ZH.* Empirizm i sub"ektivnost': opyt o chelovecheskoj prirode po YUmu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyah. Bergsonizm. Spinoza / Per. s fr. YA.I. Svirskogo; pod red. V.I. Arshinova. M.: PER SE, 2001. 480 s.
5. *Kant I.* Kritika prakticheskogo razuma / Per. s nem. M. Itkina // *Kant I.* Soch.: V 6 t. T. 4. CH. 1. M.: Mysl', 1963—1966. S. 312—501.
6. *Kant I.* Prolegomeny ko vsyakoј budushcheј metafizike, mogushcheј.: V 6 t. T. 4. CH. 1. M.: Mysl', 1963—1966. S. 67—210.

7. *Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelya. Lekcii po fenomenologii duha / Per. s fr. A.G. Pogonyajlo. SPb.: Nauka, 2003. 791 s.*

8. *Fatenkov A.N. Ideya podvizhnoj ierarhii // SHeLovek. 2007. № 2. S. 18—31.*

К.Н. ХОЛОДНОВА

**Истоки антропологического принципа двойственности
Ф.М. Достоевского***

Аннотация. Стало уже традиционным для исследователей философии Ф.М. Достоевского писать о двойственности человеческой природы. Наиболее популярными при этом оказываются две точки зрения: значительная часть представителей русской философской традиции видят в проблеме двойственности человеческой природы осмысление одноименной идеи в иудео-христианской традиции (Г.С. Померанц, Н.О. Лосский, А.А. Ухтомский, С.И. Фудель, Д.С. Мережковский, Я.Э. Голосовкер), а подавляющая часть мыслителей Запада (И. Нейфельд, О. Ранк, А. Грин, М. Кадо, Ж. Катто, Р. Лефор, Р. Жирар) уверены, что Достоевский своим раздвоенным Голядкиным предвосхитил бессознательное и вообще психоанализ. Данная статья строится на утверждении, что двойственность человека у Достоевского есть раздвоение, которое проходит через самую сердцевину его самости. Будучи обеспеченным сознанием раздвоение человека предполагает, что тот живет не в мире, а в картине мира, дает существование своему двойнику и сталкивается с отсутствием собственного места в мире. Исходя из такой трактовки двойственности человека у Достоевского, мы утверждаем, что истоками его философии в этом случае становится идея Н.В. Гоголя, положенная в основу «Записок сумасшедшего» о том, что реальность есть сторона воображения, и идея Б. Паскаля, который заявил, что воображение есть главная способность человека.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Холоднова К.Н. Истоки антропологического принципа двойственности Ф.М. Достоевского // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 160—172. DOI: 10.5281/zenodo.10869447.

Ключевые слова: философская антропология, двойственность человека, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, Б. Паскаль, воображение, раздвоение, реальность, двойник.

Abstract. It has already become traditional for researchers of F.M. Dostoevsky's philosophy to write about the duality of human nature. Two points of view are the most popular in this case: a significant part of representatives of the Russian philosophical tradition sees in the problem of the duality of human nature the comprehension of the idea of the same name in the Judeo-Christian tradition (G.S. Pomerants, N.O. Lossky, A.A. Ukhtomsky, S.I. Fudel, D.S. Merezhkovsky, Ya.E. Golosovker), and the vast majority thinkers of the West (I. Neufeld, O. Rank, A. Green, M. Cadot, J. Catto, R. Lefort, R. Girard) is sure that Dostoevsky, with his forked Goliadkin, anticipated the unconscious and psychoanalysis in general. This article is based on the statement that Dostoevsky's duality of man is a split that runs through the very core of his self. Being provided with consciousness, the split of a person assumes that he does not live in the world, but in the picture of the world, gives existence to his double and is faced with the lack of his own place in the world. Based on Dostoevsky's interpretation of the duality of man, we argue that the origins of his philosophy in this case are the idea of N.V. Gogol, which is the basis for the "Notes of a Madman" that reality is the side of imagination, and the idea of B. Pascal, who stated that imagination is the main human ability.

Keywords: philosophical anthropology, human duality, F.M. Dostoevsky, N.V. Gogol, B. Pascal, imagination, bifurcation, reality, double.

УДК: 740
ББК: 87.52

Введение

В одной из самых первых своих работ, повести «Двойник», Ф.М. Достоевский берется за тему, которая не будет оставлять его до последнего дня, о чем свидетельствуют его письма и тетради. Речь идет о двойственности человеческой природы. Как минимум три героя Ф.М. Достоевского были попыткой со стороны писателя осмыслить данный феномен человеческой природы, а именно: Яков Петрович Голыадкин («Двойник»), «подпольный человек» («Записки из подполья»),

Аркадий Макарович Долгорукий («Подросток»). Обратившись к герою «Двойника» Голядкину, мы увидим, что, разворачиваясь к самому себе, господин Голядкин сталкивается с ужасом от ощущения собственной небытийности, отсутствия своего места в мире и понимания того, что то, что думает он сам о себе, и то, что о нем думают другие, — это совсем разные вещи. Ужас становится тем антропологическим минимумом, который позволяет Достоевскому говорить о человеке вообще, а также именно он раскалывает Голядкина на него самого и его двойника. «Подпольный человек», радикально редуцируя мир наличного, показывает нам, что человек живет лишь внутренним причинением, сам на себя воздействует и пытается найти внутри себя точку сборки, т. е. быть субъектом. Долгорукий становится тем, кто убедительно доказывает нам, что человек сам для себя — это тот, кого он на своем месте вообразил, а Другой для него не более, чем «фантастическая кукла», которую также придумывает он сам. Целью данной статьи является прояснение истоков фундаментального антропологического принципа двойственности в творчестве Ф.М. Достоевского в данной нами интерпретации.

Н.В. Гоголь и «Записки сумасшедшего»

В своей повести «Записки сумасшедшего» (1834) Н.В. Гоголь рассказывает о мелком петербургском чиновнике Аксентии Ивановиче Поприщине. Он переписчик бумаг в департаменте и столоначальник, что вполне традиционно для героев Гоголя. Он давно влюблен в дочь своего начальника и периодически рассуждает о том, что в действительности он совсем не отличается от тех богатых ухажеров, которые рядом с ней появляются. Дело все, по мнению Поприщина, только в деньгах. Ведь, будь у него их столько же, сколько у других, он был бы даже более внушителен и органичен в своем статусе, чем все остальные. В определенный момент Аксентий Иванович сталкивается с тем, что начинает слышать разговоры собак между собой, потом находит их письма, которые принимается старательно изучать, а после, озадаченный фактом, полученным из газет, о том, что в Испании пропал король, наконец-то понимает, что король этот он. Традиционно история Поприщина трактуется как пошаговый путь человека к сумасшествию. Именно такие интерпретации предлагались как раньше (В.Г. Белинский, В.Ф. Одоевский), так и сегодня (Л.М. Ельницкая). Оснований для такой точки

зрения более чем достаточно мы можем найти и в самой повести. Одно из самых явных указаний на безумие главного героя со стороны автора «Записок...» — это даты дневниковых записей Поприщина. В момент ухудшения его состояния записки становятся датированными «январем того же года, случившимся после февраля» или «Чи 34 сло Мц гдао. Февраль (слово перевернуто и написано задом наперед — пояснение мое. — К.Х.) 349» [2, 678], что недвусмысленно указывает на стремительное развитие болезни. Таким образом получилось, что явные намеки, которые можно найти в произведении, практически не оставили исследователям выбора, кроме как трактовать все, что происходит с героем, как развитие болезни ума. Более того, это перенеслось и на «Двойника», и даже на «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского, которые исследователи традиционно считали и продолжают считать развитием идей, высказанных Н.В. Гоголем в ряде «Петербургских повестей», а именно в «Записках сумасшедшего» и «Носе». Также уже стало традицией обращать внимание в первую очередь на социальную проблематику образов Гоголя. Например, в «Записках сумасшедшего» Поприщин, рассуждая о самом себе, заявляет: «...ведь ты нуль, более ничего» [2, 661], и, будучи уже человеком глубоко больным, он обращается к матери и восклицает: «Матушка, спаси твоего бедного сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, как мучат они его! Прижми ко груди своего бедного сиротку! *Ему нет места на свете! Его гонят!*» (курсив мой. — К.Х.) [2, 679]. Ощущение отсутствия места для конкретного человека в мире у героев Гоголя исследователи почти всегда связывают с социальной проблематикой, говоря о том, что вообще образ «маленького человека» — это прообраз каждого из тех, кого общество выталкивает именно по причинам социальным: такой человек беден, робок, нерешителен и никак не развивается на протяжении жизни. Однако, на наш взгляд, идея о том, что для человека нет места в этом мире, глубоко философская и заслуживает основательного и всестороннего антропологического осмысления. Кроме того, необходимо поставить вопрос о границах между сном и явью, реальностью и воображением, для того чтобы понять, почему тот факт, что Поприщин начинает считать себя королем Испании, объясняется не столько психологически, сколько философски. Вставая на этот путь, мы

придем к идее двойственности человеческой природы, которая, на наш взгляд, и нашла свое отражение в данном произведении Гоголя, а позднее была переосмыслена и развита Ф.М. Достоевским в его типе «подпольного человека».

Стоит заметить, что рецепция между этими произведениями — идея среди исследователей крайне распространенная. Например, Л.М. Ельницкая отмечает, что, в первую очередь, речь идет о перенятии Достоевским у Гоголя записок как формы произведения. Кроме того, она рассуждает о том, что повествование у Гоголя и Достоевского ведется от первого лица, а значит, имеет лирическую природу. И наконец, «авторы не демонстрируют в текстах своего прямого присутствия; однако местоимение “я”, обладая универсальностью, способно вбирать в себя множество лиц — не только персонажа и стоящего за ним автора, но любого читателя, “я” которого естественно накладывается на “я” повествователя» [6], в результате чего на примере главного героя формируется образ человека вообще, человека как такового. Также исследователь отмечает и идею двойственности, присутствующую в повести Гоголя. В первую очередь она проявляется в двоении имен, например, имя девушки, в которую влюблен Поприщин, постоянно меняется: она то Софи, то София. На взгляд Ельницкой, это указывает прежде всего на двойственность мира, который существует в трагическом разрыве между внешним обликом и внутренним содержанием, и это было так глубоко прочувствовано Гоголем, что не могло не быть им выражено в текстах. Этот разрыв проявляется в первую очередь в размытости граней между истиной и ложью, пошлым и ужасным, маской и лицом, важным и ничтожным. Также автор отмечает двойственность значения самой фамилии главного героя: поприще и прыщ. Первое значение Ельницкая объясняет тем, что жизнь перед главным героем потенциально открывается как поприще, на котором человек постепенно движется трудным путем к возвращению в себе образа Божия, а второе связывает с тем, что в реальности герой оказывается угодливым, пошлым и неглубоким человеком. Ведь все его мечты в действительности касаются исключительно денег и земных благ. Таким образом, получается, что двойственность Поприщина отображает в себе ту самую двойственность мира вообще, о которой писал Гоголь.

Кроме того, как уже было сказано ранее, исследователи часто обращают внимание на влияние и другого произведения Гоголя на «Двойника» Достоевского, а именно повести «Нос» (В.В. Виноградова, К.В. Мочульский, А. Белый, Ю. Тынянова, Х.С. Бузуртанова). В случае такой интерпретации Нос будет восприниматься как двойник главного героя, коллежского асессора Ковалева. Пожалуй, из значимых идей мы здесь хотим заметить только определенные стилистические заимствования со стороны Достоевского, например, Нос говорит: «Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений сам по себе» [3, 544]. Это напоминает нам как периодически повторяющуюся фразу господина Голядкина, так и отчаянное желание двойника не иметь отношений с Голядкиным-старшим и отделиться от него. Однако с точки зрения восприятия двойственности, на наш взгляд, сравнение этих произведений непродуктивно.

Стоит заметить при этом, что ни у одного из авторов не сказано о том, почему «Нос» интерпретируется как двойник, а не распад личности. Откуда берется в человеке это сочетание возвышенного и низменного? Почему «Нос» не интерпретируется как безумие героя, а «Записки сумасшедшего» интерпретируются? Почему двойственность человека в целом трактуется как исключительно патологический процесс?

В своей статье «Философский анализ идеи раздвоенности человеческого существования» Ф.И. Гиренок убедительно доказывает, что, следуя за Аристотелем, согласно взглядам которого душу невозможно отделить от тела и она уничтожается вместе с ним, европейская философия не поставила вопрос о человеке. В своей работе «Размышления о первой философии» Р. Декарт затрагивает такую важную антропологическую тему, как проблема двойственности человеческой природы. Он пишет: «...каким образом можно было бы отрицать, что руки эти и все это тело — мои? Разве только я мог бы сравнить себя с Бог ведает какими безумцами, чей мозг настолько помрачен тяжелыми парами черной желчи, что упорно твердит им, будто они короли, когда они нищие...» [4, 17]. Что такое безумие в этом случае? То, что говорит нам мозг. Как тогда мы можем говорить о реальности самой по себе, которую человек способен познать? Никак. Мы можем говорить о том, что человек не сможет

ничего сказать о реальности, если ее не будет предварять чувство реальности, и никакой реальности самой по себе для человека не будет существовать. Она будет производным от иллюзии. И люди имеют дело с иллюзиями гораздо чаще, чем с чем бы то ни было разумным. Таким образом, иллюзия есть знак присутствия человека по отношению к самому себе, возможность положить себя в основание собственного существования. Рассуждая таким образом, мы с неизбежностью придем к выводу о том, что ответ на любой другой философский вопрос будет зависеть от ответа на вопрос, что такое человек, как и завещал нам Кант в своей «Логике». Но Декарт, как и вся европейская философия, его не рассматривает, попытка ответить на вопрос, что же такое человек, заканчивается так: «Скажу ли это я, что это — живое разумное существо? Нет, ибо тотчас же вслед за этим возникнет вопрос: что это такое — живое существо и что такое разумное? — и так я от одного вопроса соскользну ко множеству еще более трудных; между тем я не располагаю досугом, чтобы растрчивать его на подобные тонкости» [4, 22]. За неимением досуга рассуждать о человеке европейская философия ставит под сомнение свое будущее.

Декартовское «человек есть пловец в лодке» приводит к идее о том, что я принимаю себя за себя и себя за другого, опираясь на одни и те же основания, а из этого следует, что я в одинаковой степени безумен тогда, когда принимаю себя за себя, и тогда, когда принимаю себя за другого. Но разница заключается в том, что в первом случае мы имеем дело с иллюзией, которую общество одобряет, а во второй с той, которую оно отвергает. Что возвращает нас к гоголевскому Поприщину.

Делая второй шаг, Декарт постулирует, что «сон никогда не может быть отличен от бодрствования» [4, 17]. Что следует из этого тезиса, согласно Ф.И. Гиренку? «Дисквалификация субъекта и смерть человека в пространстве европейской философии. Ведь если все сон, то эволюция выбросит из мира спящих существ, а если все явь, тогда человек невозможен. Европейская философия здесь пошла по пути дисквалификации субъекта и “смерти человека”, которая, как считают многие философы и мыслители, явилась закономерным результатом смерти Бога, провозглашенной Ф. Ницше устами Заратустры. Профессор Н.Н. Ростова в книге «Мягкая сила

постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски?» замечает: «Смерть Бога волнует Ницше в перспективе расчеловечивания человека. Убивая Бога, Ницше устраняет тот антропологический тип, который им удерживался. Бог и человек сопринадлежны друг другу» [9, 58]. С каком целью Ницше пытается преодолеть человека? Чтобы освободить пространство для сверхчеловека. Сверхчеловек таким образом становится позитивным исходом смерти человека. В результате этого в европейской философии, где вопрос о человеке никогда так и не был поставлен, в текущей действительности невозможны ответы на самые злободневные вопросы, например: как отличить естественный интеллект от искусственного; как очертить сферу специфически человеческого и сохранить человека от вытеснения его постчеловеческими сущностями и т. д. В русской философии человек — это тот, кто учреждает человеческое «в раздвоенности существования и мысли» [1, 71], а значит, именно в пространстве русской интеллектуальной традиции мы можем сегодня ответить на самые злободневные вопросы и сохранить человека.

Возвращаясь к герою «Записок сумасшедшего» Поприщину, мы заявляем о том, что с него началось воплощение идеи двойственности человеческой природы, свойственной именно русскому сознанию, т. е. раздвоенность человека фиксируется на уровне его самости, а не в виде раздвоения на душу и тело, как в европейской философии. Что делает Поприщин, когда воображает себя королем Испании? Он создает своего двойника. Потому что наше «я» не из реальности. Оно из мира данного и проявляется как отображение того, чего нет в мире сущего. Воображая собственное «я», человек дает начало существованию своего двойника, которого надо сохранять. Чем отличается «я» Поприщина, согласно которому он столоначальник, переписыватель бумаг и бедный чиновник из Петербурга, от того «я», где он объявляет себе королем Испании? Ничем, кроме того, что в первом случае речь идет о том, что с обществом согласовано, поэтому Поприщину позволяется ходить на работу и гулять, а во втором — о том, что не согласовано с другими, поэтому его помещают в сумасшедший дом и стараются лечить. Трактую Поприщина как сумасшедшего, русская исследовательская мысль обращается к европейской традиции концептуализации безумия и к человеку, который раздвоен на душу и тело (М. Фуко). Однако нам

кажется правильным смотреть на Поприщина как на того, чье раздвоение проходит через самую сердцевину его самости. В этом случае мысль Гоголя, вложенная в уста главного героя, о том, что для человека нет места в этом мире, приобретает философский, а не социальный характер. Почему для человека нет места в этом мире? Потому, что человек не представляет собой сущее среди другого сущего. Он существует за счет расширения реальности посредством мнимостей. И одной из таких мнимостей и будет созданный им в воображении двойник. Кроме того, такая трактовка двойственности человеческой природы помогает нам отсечь идеи ее патологического характера, а именно так она воспринимается при всех остальных своих трактовках. В нашем случае двойственность человека будет условием его возможности наделять мир следами своего присутствия. Более того, подобная интерпретация поможет выделить специфически человеческие черты, а значит, обосновать идею о невозможности рассматривать человека как сущее среди сущего, т. е. обосновать его онтологическую инаковость. Ведь человек становится тем, кто живет в модусе ускользания от что.

Воображение как краеугольный камень антропологии Б. Паскаля

Интерес Ф.М. Достоевского к философии Б. Паскаля — факт, среди исследователей давно известный. Подтверждений тому масса, например, обращаясь к своему брату, М.М. Достоевскому, писатель будет вспоминать одно из рассуждений Паскаля, включенное в издание «Мыслей»: «...раз Паскаль сказал фразу: кто протестует против философии, тот сам философ» [5, 20]. Среди тех, кто обратил на это внимание, были Л.И. Шестов, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, а также Г.Я. Стрельцова и Д.С. Фарафонова. Среди того, что объединяет этих двух мыслителей, указывается в основном их тяга к парадоксам. Паскаль, который рядом с истиной часто мыслил и допускал ее противоположность, привлекал склонного к антиномиям в своих идеях Достоевского. Кроме того, исследователи обращают внимание на тот факт, что «хрустальное здание», которое хотели построить герои Достоевского, напоминает «башню» Паскаля, к которой устремлено человеческое сознание. Однако никто из них

ранее не обращал внимания на то, как Паскаль мыслит воображение.

В трактате «Мысли» есть небольшая глава, посвященная воображению, где оно определяется как главенствующая способность человека, которая помечает одним знаком истину и ложь. Воображение понимается Паскалем как бы в противовес разуму, и он делает вывод о том, что «напрасно вопиет разум, не он определяет цену вещам» [8, 102]. Потому что воображение — это «надменная сила, враждебная разуму, которая тешится своей властью над ним» [8, 102]. В чем проявляется эта власть воображения над разумом? Паскаль объясняет, приводя в качестве примера философа, которому надо пройти по узкой доске через пропасть. Какой бы доска широкой на самом деле ни была и как бы разум ни стремился себе доказать, что она достаточно широка, для того чтобы, двигаясь по ней, можно было перейти через пропасть, философ, по мнению Паскаля, все равно не будет чувствовать себя в безопасности. Ведь воображение оказывает на человека гораздо большее влияние, чем разум. Кроме того, воображение — это такая сила, которая, «чтобы показать, как она могущественна, создала вторую человеческую природу» [8, 102]. О какой второй человеческой природе рассуждает французский философ? О той, которая всем владеет, ведь воображение «создает красоту, праведность и счастье, к чему стремится мир» [8, 105]. Что таким образом создается в воображении? Мнимости, которые человек добавляет к этому миру. Ведь красота, праведность и счастье — это не сущее среди другого сущего, они не существуют, но даны нам посредством человека. Таким образом, мы начинаем трактовать воображение у Паскаля как важнейшую философско-антропологическую категорию и как краеугольный камень его идей о человеке. И двойственность в этом случае не будет развитием идеи субстанциального дуализма, начавшегося с Платона. Паскаль будет отходить от традиционной для западной философии трактовки двойственности человеческой природы. Речь будет идти о том, что человек раздваивается из-за воображения, благодаря которому появляется то, что не встроено в порядок наличного, но существует, потому что человек относится к этому как к существующему. И именно эта идея, ранее не замеченная ис-

следователями, на наш взгляд, оказала глубокое влияние на антропологические идеи Достоевского.

Заключение

Таким образом, мы можем говорить о том, что идея двойственности человеческой природы, так глубоко осмысленная Достоевским, на наш взгляд, была сформулирована под влиянием идей Н.В. Гоголя, изложенных последним в произведении «Записки сумасшедшего», и философии Б. Паскаля, его трактата «Мысли». В первом случае речь будет идти об идее человеческого двойника как того, кто создается человеком посредством его воображения. Ведь гоголевский Поприщин призван показать нам, что он принимает себя за переписчика бумаг и за испанского короля на одних и тех же основаниях. Так Поприщин создает свое «я» как мнимость, потому что сам образ «я» не из реальности, он создан воображением. Когда Поприщин воображает на своем месте мелкого петербургского чиновника, общество с ним соглашается и позволяет ему жить в квартире и на работу ходить. Но, когда он решает, что он испанский король, общество перестает с ним соглашаться и отправляет его в сумасшедший дом. Таким образом, мы можем говорить о том, что у Гоголя реальность будет стороной воображения.

Во втором случае мы будем говорить о том, что на Достоевского оказали влияние идеи Паскаля о воображении. Согласно им, воображение — это то, что создает в человеке вторую природу, уничтожает истину и ложь, а еще главенствует над всем остальным, в нем заложенным, в первую очередь над разумом, который перед воображением оказывается бессильным.

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* Философский анализ идеи раздвоенности человеческого существования // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 71—75.

2. *Гоголь Н.В.* Записки сумасшедшего // Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Петербургские повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. С. 656—678.

3. *Гоголь Н.В.* Нос // Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Петербургские повести. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. С. 537—565.

4. *Декарт Р.* Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 3—72.

5. *Достоевский Ф.М.* Письма 1834—1860. М.: Т8RUGRAM, 2018. 344 с.

6. *Ельницкая Л.М.* «Некуда человеку пойти». О «Записках сумасшедшего» и «Записках из подполья»: URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1017/> (дата обращения: 21.01.2024).

7. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. с нем. Ю. Антоновского, Е. Соколовой, С. Франка. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 285—532.

8. *Паскаль Б.* Мысли / Сост., предисл., коммент. Н. Плужниковой; пер. Ю. Гинзбург. М.: Изд-во АСТ, 2022. 256 с.

9. *Ростова Н.Н.* Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? М.: Проспект, 2022.

References

1. *Girenok F.I.* Filosofskij analiz idei razdvoennosti chelovecheskogo sushchestvovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 449. S. 71—75.

2. *Gogol' N.V.* Zapiski sumasshedshego // Gogol' N.V. Vechera na hutore bliz Dikan'ki; Mirgorod; Peterburgskie povesti. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2023. S. 656—678.

3. *Gogol' N.V.* Nos // Gogol' N.V. Vechera na hutore bliz Dikan'ki; Mirgorod; Peterburgskie povesti. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2023. S. 537—565.

4. *Dekart R.* Razmyshleniya o pervoj filosofii, v koih dokazyvaetsya sushchestvovanie Boga i razlichie mezhd chelovecheskoj dushoj i telom // Dekart R. Soch.: V 2 t. T. 2. M.: Mysl', 1994. S. 3—72.

5. *Dostoevskij F.M.* Pis'ma 1834—1860. M.: T8RUGRAM, 2018. 344 s.

6. *El'nickaya L.M.* «Nekuda cheloveku pojti». O «Zapiskah sumasshedshego» i «Zapiskah iz podpol'ya»: URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1017/> (data obrashcheniya: 21.01.2024).

7. *Nicshе F.* Tak govoril Zaratustra // Nicshе F. Tak govoril Zaratustra / Per. s nem. YU. Antonovskogo, E. Sokolovoj, S. Franka. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021. S. 285—532.

8. *Paskal' B.* Mysli / Sost., predisl., komment. N. Pluzhnikovoj; per. YU. Ginzburg. M.: Izd-vo AST, 2022. 256 s.

9. *Rostova N.N.* Myagkaya sila postgumanizma. CHto nam meshaet myslit' po-russki? M.: Prospekt, 2022.

Ю.М. ОСИПОВ

**Истец: «Что есть истина?»
Сага о невозможной возможности знать незнаемое
(Мытарства гуманитария,
или Фантазийные ухищрения простеца)***

«Что есть истина?» — Понтий
Пилат Иисусу.

Библейский сюжет

«...еще неизвестно ведь — что она
такое, эта истина...»

М. Горький. Проходимец

Аннотация. Что есть истина? Вековечный вопрос, касающийся, разумеется, не обыденных, практических, явно наблюдаемых, несомненно реализующихся, вполне на опыте подтверждаемых или строго математически доказываемых истин, включая и известную часть добываемых наукой, а тех самых истин — не вполне явленных, не безоговорочных, не доказываемых, не преодолевающих относительно них неистребимого сомнения, да и попросту всего лишь подразумеваемых... Э-э... даже не истин как таковых, а, скорее, либо «неистинных истин», либо «истинных неистин», а то и попросту неистин, то бишь вопрос касается усердно прячущихся от человека исходно-фундаментальных вещей (от вести), о которых человек знает, что они есть, но которые всегда остаются для человека где-то за семью печатями, что заставляет человека лишь менять неизвестные ему «иксы» своими собственными, вполне и мифотворными, измышлениями, выдаваемыми им, иной раз небезуспешно, за истину.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Истец. Что есть истина? Сага о невозможной возможности знать незнаемое (Мытарства гуманитария, или Фантазийные ухищрения простеца) // *Философия хозяйства*. 2024. № 2. С. 175—197. DOI: 10.5281/zenodo.10869459.

Ключевые слова: истина, неистина, мифотворчество, Великая Неизвестность, Иное, правда, ложь, мифология, богословие, философия, наука, философия хозяйства, софиасофия, гуманитарность.

Abstract. What is the truth? This is an age-old question concerning, of course, not ordinary, practical, clearly observed, undoubtedly realized, fully confirmed or strictly mathematically proved truths including a known part of those mined by science, but those very truths which are not quite obvious, not unconditional, not proven, not overcoming an indestructible doubt about them and simply just implied, even not truths as such, but rather, either «not true truths» or «truly not truths» or even simply not truths, that is the question concerns the original fundamental things that are diligently hiding from a human (from the news), about which a human knows that they are here, but they always remain for a human somewhere behind seven seals, which forces a human only to change unknown «X» with his own, quite and myth-making reflections, which are sometimes truth.

Keywords: truth, not truth, myth-making, Great Unknown, the Other, true, lie, mythology, theology, philosophy, science, philosophy of economy, sophiasophy, humanities.

УДК 111
ББК 65в

Сие непредвзятое, немало и наивное повествование я — *истеи*, что означает всего лишь чаятеля истины и ничего более, хоть истины как таковой, то бишь исходной и конечной истины, никто из смертных не знает и знать не должен, а вот чаять кое-какой истины, пусть и иллюзорного пошиба, все-таки должен, мало того, к ней неустанно стремится, всю жизнь свою грешную на то положе: сначала с малолетства и юности довольствуясь тем, что видит и слышит вокруг, чему учат взрослые и окружающая действительность, чему и сам учится, как вчитываясь в учебники и поглощая книжки, глядя в телевизор и бывая в кинотеатрах, а сейчас более всего всматриваясь, почти что и не отрываясь, в гаджеты, без устали роясь в интернете, так и сталкиваясь с непростой практикой человеческого общежития, включая дворовый, школьный и первый трудовой опыт или ту же армейскую закалку, затем проходя, если повезет,

благие университеты, отдаваясь, как то обычно кажется страждущим познания молодым неопитам, высокому, чуть ли не конечному знанию — научному, философическому, для кого-то и богословскому, а далее, коли уж так сложится, шествуя по пути самостоятельного поиска истины на научном, философическом, для кого-то и богословском поприсе, причем поначалу вроде бы открывающейся истины — научной, философической, для кого-то и богословской, затем почему-то все более ускользающей от все более озадачивающегося сим ускользанием поисковика, мало того, явно будто бы играющей со все более обескураживающимся поисковиком в хитроумные прятки, а в конце концов и попросту исчезающей от разочарованного поисковика в смутных мирозданческих далях, являясь последнему не более чем в сильфидном образе неразгадываемой *Тайны!*

Ну, о чем же в таком разе я — *истец* — собираюсь тут вещать? Разве лишь о *Тайне* — ВЕЛИКОЙ ТАЙНЕ! — да ее не менее великой неразрешимости, да вот что же *такого* я смогу о ней сказать, коли Тайна на то и *тайна*, чтобы либо о ней *ничего*, либо какая-нибудь засмысловатая байка, обычно называемая по-ученому *мифом*, причем все равно для бытующего современника какого толка — научного, философического, а для кого-то и богословского.

Есть, конечно, еще и мифы как мифы или сказки как сказки, которые, кстати, всегда ближе бывают к *Тайне Мира*, ибо они, не претендуя на конечную истину, эту-то Тайну в себе и содержат — аккуратно как *истинную тайну*, так ведь они уже есть, хоть и стараются, кстати, просвещенцы всех колод и мастей, если не насовсем их забыть, то хотя бы убрать с познаниевской дороги, что не мешает просвещенцам творить свои собственные, уже лишенные истинной тайны новые мифы, отчего нам остается лишь смиренно принять исконные мифы-сказки, разумеется, так и не раскрыв через них истинной тайны, а лишь еще более убедившись как в самом факте Тайны, так и в факте ее — Тайны — абсолютной неразгадываемости.

Однако... однако я, не собираясь сдаваться на милость не только научным, философическим и даже богословским догматам, но и искомым мифам со сказками тоже, позволю себе все-таки в текущем своем сказании кое-что выказать, как раз к Тайне и относящееся, воспользовавшись в качестве верифицируемой призмы

(как и клистира тоже) не чем-нибудь, а самой по себе *реальностью*, какой бы закрытой, ирреальной и иллюзорной она ни была, как раз той самой *реальностью*, что человеку вообще и лично мне, грешному, каждомомента и является как именно *реальность*, что то же самое как жизнь, бытие, жизнеотправление, хозяйство, смерть, в общем, является *как всё есть*, а это-то *есть* и есть уже *ист-*ина, она же и *ест-*ина, правда, *не та* истина, не сама истинная истина, а лишь ее на мгновение улавливаемый человеком отблеск с непременным условием столь же мгновенного от человека его ускользания: *есть* и не *есть*, было и не было, будет и не будет, в общем, что хошь, человеке, то и думай, а лучше — не думай вовсе, ибо, как учит мудрое богословие... один тут лишь *Страх Божий!*

Э-э, все это так, но ведь не зря же человеке как будто бы по подобию Бога создан, а подобие сие как от Бога к человеку, так ведь и от человека к Богу, и как тут остановить стремление подобия к истине от подобия же, ну, пусть лишь к подобию истины, коли уж везде на Земле лишь одни подобия, хоть и пытается подостановить сие стремление всякое догматическое просвещение — от мифологии и богословия до философии и науки, оберегая, видно, человеке от самостоятельного — и, конечно же, *ошибочного!* — восприятия всего из ему в целом недоступного, включая и восприятие самого Господа Бога Творца с Его относительно своего зёмного подобия таинственного *проекта* — ПРОЕКТА!

В стремлении к конечной истине особенно усердствует рожденная Ренессансом и Просвещением атеистическая, рациональная и антиметафизическая *наука*, самодовольно присвоившая себе высшее место среди всех доступных человеку потоков (сфер) знания (как раз тех самых — мифологии, богословия, философии), отдавшая пальму первенства в феномене жизни и человека... э-э... *мертвой материи*, которая, вкупе с гнездящейся в ней *энергией*, вдруг взяла, самотолчась, аки в ступе, да и произвела на свет посредством бесконечного взаимотолкания друг о друга своих частиц не что-нибудь, а *живую материю*, ну, а далее уже все пошло почти как по маслу: разнообразный вегетариум прямо из земной почвы (не каменной), затем простейшие организмы, потом все более сложные организмы вплоть до ящуров, мамонтов, акул, китов, коров, овец, львов, тигров, обезьян, а там уж и... бац!.. и сам человеке чуть ли не

прямо из обезьяны, взявшей в руки (лапу) камень с палкой в качестве орудий труда и... о-о!.. не будем далее, а все потому, что даже у нечеловеческих животных ни мозг, ни моторика, ни труд, ни память, ни отношения меж ними, ни эмоции, ни свойственная им общественность, ни их вообще поведение *материально вообще никак не объяснимы*, а уж, пардон, у человека с его-то сознанием, бессознанием, умом, разумом, безумием, словесностью, речью, мыслью, немотой, ну и еще многим чем из как будто бы человеческого, вроде той же совести, ничего так вот объяснить вообще невозможно, ибо мало что все *это* у человека идеально, духовно, в общем — *нематериально*, так еще и попросту неизвестного человеку происхождения, а то, что как будто бы все это от Господа Бога, так что из того? Ибо это не более как человеку *кажется*, да и то не всякому, а ежели кому-то что-то этакое вдруг и открывается, то, во-первых, *что же?* А во-вторых, идеально ведь открывается, да и через дыры в сознании и разуме, то бишь не через разум вовсе, а мимо него, вполне себе и бессознательно (вне, так сказать, сознания), хоть и открывается вроде бы сознанию и подхватывается разумом, мыслью, словом, речью, немотой, да вот что и впрямь из того?!

Что же касается гуманитарной науки, то она, исключая физиологию человека, частично его психологию, как и фактологическую историю со словарной филологией, да и то тоже лишь частью, вообще никакая не наука, ибо предмет-то у нее совсем не научный, а *мета-научный*, никак до конца не верифицируемый: ни точным опытом, ни строгим «матем-логическим» доказательством, ни тотальным взыскательным наблюдением, — и если уж в физике как таковой, как раз весьма верифицируемой, полно тайны, идущей аккурат от Тайны Мира, что и рассудительные физики не стесняются признавать, скатываясь фактически к *мета(вне)физике*, то в гуманитарстве одна сплошная тайна, лишь прикрываемая мифами да мифами, а то и попросту ложью, а ежели учесть, что и сама гуманитарная реальность... *миф*, большой такой МИФ, он же мираж (немало и ложь!), разместившийся не где-нибудь, а в головах человеческих, хоть сия реальность... нет, вовсе не ничто, она-то есть, а вот для ума человеческого все-таки более всего... э-э... *иллюзия* — большая такая ИЛЛЮЗИЯ, она же и АЛЛЮЗИЯ, когда мало что реальность — миф, так ведь и миф оказывается вполне себе реаль-

ностью, иной раз будучи и покрепче сколоченной, чем тот же зававший ее миф.

Что же тогда получается: от мифа к мифу, по заколдованному мифотрофному кругу, то отвергая и забывая бытующие мифы, то их наново сочиняя, причем вовсе с немалыми трудами, переживаниями, затратами, потерями, еще и с трагедиями, недугами, смертями... ох!.. эта бесконечная погоня за ловко ускользающей истиной, подсовывающей вместо себя только мифы да мифы?!

Впрочем, не так уж тут все и плохо: мифы мало что выручают по жизни человека-дознателя, пусть и закруживая его в своем карнавальном *мифо*-верчении, но ведь они не то что нередко близки к истине, а и сами бывают суть... э-э... *истина*, точнее, ее не совсем, может, и истинные, но как бы от истины довольно-таки истинные посланцы, разумеется, не всякие выдумки человеческого благо-вредо-разумия бывают таковыми, но ведь бывают же, бывают, даже и *есть*!

Не зная истин как истин, можно ведь их... *создать*, чем гуманитарство вовсю и занимается!

Вот и я, сначала просто людской (как все!), потом профессиональный (как некоторые), наконец, сугубо личный, самодостаточный истец, льщу себя надеждой, да что надеждой, чуть ли не уверенностью, что нашел, кружась и куда-то продвигаясь, продвигаясь и снова кружась, кое-какие подходы, скажу так, к необыденной, непрактической, небытоотправительной, в общем, не к торчащей наяву перед глазами, не встречающей назойливо в мозг, не торкающей беззастенчиво в чувствительное тело некой ближайшей истиной, а к той — далекой, расплывчатой, призрачной, как бы и *никакой*, но, увы, все-таки... *истине*, как раз и вовсю не одним мною искомой, пусть и с неизбежностью мифотворной, однако, что меня не то что более всего устраивает, а, как мне кажется, более всего и приближает к *истине истин* — ИСТИНЕ!, что вполне возможно, ежели учесть факт исходной *неистинности* для человека этой самой что ни на есть истинной для него истины.

Тут все по-честному: Истины, о которой речь, то бишь той, что от Тайны Мира, не знаю и знать не могу, однако могу оттолкнуться от... Sic!.. *незнания* сей Истины или просто от *факта* ее не-

знания, то бишь вообще *от незнания как незнания* — НЕЗНАНИЯ!, от незнания как раз того, *что* же на самом деле вокруг есть, откуда взялось и зачем все *это* есть: Вселенная, Мироздание, Солнце, Земля, Луна, планеты, жизнь, человек, сознание, разум, слово, смерть, в общем, что вокруг *есть* и чего хочет в сакральных реалиях Создатель всего этого окоемого и неизвестного, точнее, известно-неизвестного, пусть и условно известного и безусловно неизвестного, но дело тут не только в этом, ибо все бытие человека и меня самого — *истца!* — в принципе, так сказать, обложено неизвестностью, да ладно бы знаниево-незнаниевой, а... Sic!.. и *экзистенциальной* тоже: никто ведь из умно-разумных гоминидов не знает, что с ним любым и каждым будет (может быть!) через даже мгновение, не то что через час, день, месяц, год, годы, жизнь, как и что будет с семьей, любой людской спайкой, коллективом, организацией, учреждением, предприятием, бизнесом, деньгами, ценами, спросом, населением, народом, государством, нацией, цивилизацией, вообще с жизнью на Земле, да и вообще с Мирозданием, Вселенной, да не потому, что знаний нет или их не хватает, а потому что все экзистенциальное идет, должно идти и только может идти внутри (в объятиях) неизвестности, причем не просто неизвестности как неизвестности, которую можно при случае или намеренно-де узнать, а как именно *неизвестности как неизвестности*, а потому и... Sic!.. как и самой *возможности* быть, жить, думать, делать, благодетельствовать, выручать, злодействовать, погублять, умирать, мало того, пардон, еще и при этом как... *институции* — ИНСТИТУЦИИ!, разумеется, в образном представлении, во всяком случае, как *институционально необходимой принадлежности* самой Вселенной, можно сказать, что и как НИЧТО, когда НЕЧТО, ежели оно есть, то лишь таки там — из и среди, если не прямо, в НИЧТО, а другого варианта тут нет, отчего не заказано и предположить, что и сам Господь Бог Творец считается с этим, ибо *нет и не может быть никакого ТВОРЕНИЯ, как не из, среди, в и без НИЧТО!*

Так что *Неизвестность*, она же и *Ничто* — вовсе не просто неизвестность и ничто, они оба... э-э... *нечто* — НЕЧТО!, причем нечто, если и не самотворящее, то уж к творению, включая и само *Творение*, все-таки имеющее отношение, пусть если и не прямое, то уж неотъемлемо принадлежащее, напогляд вроде бы совершенно

нейтральное, а на самом-то деле вовсе и нет, ибо за ним, за этим нечто-ничто́м, или ничто-нечто́м, не что иное, как сами возможность, свобода и необходимость *творить творящему* (субъекту, силе, процессу, случаю), так и сама всего этого невозможность, ибо... бац!.. и нет у человека ничего — ни творения, ни сотворенного, да и самого человека-творителя тоже нет, ибо смерть, небытие, ничто в непрестанной обо всем этаким вполне себе милосердной заботе.

И все-таки как с истиной-то быть, коли она сопряжена с ничто, неизвестностью, небытием? А вот так вот и быть: истина, она же ведь и неистина, как, к примеру, та же жизнь не только жизнь, но и нежизнь тоже (нет, не смерть, что само собой, а именно *нежизнь*, как раз вроде той, что вокруг ныне воцарилась, да ладно бы у меня в Отечестве, а то ведь повсюду она — эта жизнь-нежизнь, особенно у ушедшей вперед научно-технически развитой части человечества, — что-о, разве не так?) и то же бытие, оно ведь и *небытие* тоже (надеюсь, понятно?); человек, он же и *нечеловек* (что-о, разве не так?); сознание, оно же и *бессознание* (кто бы сомневался?); разум, он же и *безумие* (разве есть сомневающиеся?); слово, оно же и *меж-за-без-противу-словие* (не так ли?), ну и т. д.

Что же выходит? Человек, он же хомо, человеке, гоминид, мало что не совсем *то*, за что и за кого себя выдает, так ведь и все остальное какое-то *не такое*. Да-да, именно *так* все и есть, когда что-то есть и при этом не есть, а как же еще? Время хоть и казавшихся, но все-таки истин, немало и благо-вредо-сочиненных, особенно быстренько вдруг слинявших научно-гуманитарных, прошло (было и прошло!), как и время вообще всяких гуманитарных истин, а наступило время, как ни странно, не так неистин и даже не *пост-правды*, как вокруг говорят, хоть это и есть, а... Sic!.. самой что ни на есть *правды* — ПРАВДЫ!, как раз гуманитарной... бац!.. все вокруг вдруг и разверзлось, обнажив саму гуманитарную правду, прикрывавшуюся и прикрываемую мифологией, религией, богословием, философией, наукой, литературой, театром, журналистикой, кино, ТВ, чем там еще? — и никакого тебе вокруг воистину *гуманитарного человека*, причем как не было его в масштабе целостной массы гоминидов, так и нет, а ежели он, то бишь сам вроде бы человек, все-таки создание Божие, то либо неудачное создание, либо

не то создание, каким должно было бы быть, либо создание сразу и исконно *иное*, как бы и не человеческое, то бишь и никакое не гуманитарное, — не более и не менее!

Интересненько, не правда ли?! Вот и она — *истина*! Оказывается, что истина-то есть, только она вот такая — как бы и *неистинная истина* или же *истинная неистина*, тут уж все одно: нет и не было на свете никакого человека как человека, а был, есть и будет... э-э... тут уж любая фантазия разгуляться может: животное, зверь, бес, машина, призрак, ну и вроде бы человек тоже, да вот что из того, ибо главное тут в том, что он менее всего человек, а более всего какой-то... э-э... *нечеловек*! Что ж, разоблачение ходовых гуманитарных истин тоже ведь дело, мало того, тут еще сама истина вдруг и является, хотя бы для такого бесхитростного и безудержного истца-простеца вроде меня грешного.

Но ведь есть же вокруг люди как люди, вполне себе, как принято говорить, хорошие, добрые, порядочные, разве нет? Да, есть, сам знаю, тогда что же, они тоже не люди, а какие-то там *не-люди*, так, что ли, выходит? Нет, так не выходит, ибо они, конечно же, люди, причем более всего по естеству своему, по призванию, однако и по формированию тоже, немало и *побудительно-принудительному*, пусть ими нередко и незамечаемому, да хоть и замечаемому, какая разница! — это, как говорится, раз, а вот два тут будет то, что люди эти непременно должны вокруг быть, но быть-то более всего как важнейшая и сладчайшая *пища* мало что для бытия вообще, жизни вообще, природы вообще, для той же преисподней, для бездны, даже и для обстоятельств, так еще и, что как раз самое главное, — для... *нелюдей*, которых много вокруг, ох, как много, за которыми в основном и *история* идет, корчась от несправедливости, неправды, боли и мук, или то, что называется «людьми» *историей* — ИСТОРИЕЙ!, — очень уж она обманная, ложная, лицедейная, лживая, криминальная, конспиративная, заговорная, подлая, расходная, беспощадная, но зато... *истинная*, то бишь *ест-инная*.

А ведь история не только от *есть* (*ест-ория*), а и от *ист*, причем как от *ист-очникового ист*, что понятно, так и, тут уж никуда не деться, от *ист-инного ист*, что, может, и понятно, но очень уж как-то затейливо понятно — до полной непонятности!

Страшная тут выскакивает, обычно сокрытая, она же и всячески гонимая, *правда*, и никакая расхожая гуманитарщина в виде мифов, религий, философий, наук не то что не может ее — эту *истину-правду* — людям как людям преподнести, а даже просто признать ее боится, — вот уж где страх так страх, уже и не Божий, а нашенький, вполне себе человеческий! А вот то, что более всего делает из гоминидов людей — *людей как людей*, как раз тех самых — хороших, добропорядочных, в общем, правильных, хотя бы просто приличных, так это *оно*, да-да, оно самое — *насилие*, не чуждое и *страху*, и *страданию*, и насилие это бывает всяким — от воспитания и подражания через всякие испытания и беды до безоговорочных запретов и откровенных наказаний, вовсе и не обязательно, что непременно жесткое насилие, нет, часто и во многом даже незаметное, как бы само-собойное, но все-таки... э-э... *насилие*, не чуждое при этом ни *страху*, ни *страданию*, а вот каким же сему насилию в конкретных реалиях бывает статья решается, помимо обстоятельств и родительско-учительских старательств, еще и, как ни странно, тем, что походя называется, несмотря на отрицание сего феномена закрепившейся гуманитарностью, самой что ни на есть... *врожденностью*, увы, все-таки имеющей место быть, да такой иной раз (точнее, о-очень много раз!), что никаким насилием со страхом и страданием из якобы по внешности людей присущее им нелюдство (все равно какое, вовсе не обязательно маниакального толка, а совсем даже обычного, о-очень даже обычного, да настолько обычного, что и не сразу заметишь под личиной вроде бы достойного человекообраза самого что ни на есть нелюдя — внешне воспитанного, культурного, даже и интеллигентного, весьма иной раз и обаятельного), и вот это-то расхожее нелюдство никаким насилием со страхом и страданием из гоминида не вытеснить и не выбить, не то что устранить ловким ментально-психотропным усилием, ибо оно — это нелюдство — прямо оттуда — из преисподней, над которой ничто из сугубо человеческого, увы, не властно.

Итак: *люди* и *нелюди*, а скорее, даже *нелюди* и *люди* — и жрут нелюди людей, жрут, и что интересно — даже и не давятся! И выходит, что вся позитивная (как бы людская) гуманитарщина лишь участвует в готовке пищи для нелюдей аккурат из тех гоминидов, кого как раз и можно причислить к людям, а вот самих нелюдей

никакими людьми и не делает: то ли не может, то ли не хочет, что даже и самого Господа Бога по христианской версии заставило по-жертвовать ради людей как людей и исправления-де нелюдей своим Сыном, а что касается разного рода гуманитарных увещаний, так что из того, особенно ежели взглянуть попристальнее на самих увещателей — многие ли из них на собственно людей-то тянут?

Приходят люди на Свет Божий, живут, страдают, умирают — нередко загодя умерщвленные морально-психологически не без физических на то пособительств, а потом, глядишь, и вполне себе физически уходят из *этого мира*, зачастую в надежде на то, что там-то, в *другом мире*, о-о!.. не будем об этом, о никому не известном *ином мире*, лучше уж о *мире этом*, мне кое-как известном и не кое-как неизвестном, но все-таки моем мире, или же о мире, в котором я не просто емь, а ему — этому миру — свой, хоть и чужой тоже, относя себя более все-таки к людям, а не к нелюдям, хоть и не считаю себя ни совершенным, ни безгрешным, ни в меру и безрассудным, а каким же мне еще быть в этом-то замечательном мире, да еще и бытуя не среди лишь людей, а и нелюдей тоже, хорошо хоть среди людей немало побывавшим и бытующим, да и не до конца нелюдями съеденным, хоть немало ими и поевавшимся.

Да, едят нелюди людей, едят, и вроде бы даже не давятся, однако... однако как на это злое пиршество посмотреть, точнее, на его непременно приходящие, они же преходящие, итоги: да, едоки человечинки и человечности есть, их несказанно много, они, сменяя друг друга в очереди в текущем исторически времени, едят и едят человек, да вот где они в этом самом времени рано или поздно оказываются, почему и куда из времени сего вдруг исчезают, иной раз как бы и без видимой причины, отчего и выходит, что нелюдьюми быть никакое не выигрышное благо, а самое что ни на есть наделенное злою судьбою несчастье, можно сказать, что и наказание, если не повеление Божие — и что тут особенно интересно! — *врожденное!*

Нелюди наогляд вроде бы всегда в выигрыше, хоть нередко и явно сомнительном, да вот только плата за него всегда по-своему беспроигрышна, то бишь неотвратима, вопрос лишь когда и какая? Хоть и не точная тут, но строгая, увы, истина — Господь обо всем заботится, как не давая чрез нелюдей ни покоя, ни расслабухи лю-

дям как людям, так и периодически сметая этих самых нелюдей, частенько не без мстительного удовлетворения поедаемых все теми же, хоть и в чем-то, бывает, уже иными, нелюдями, давая тем самым возможность как-то пожить по-людски людям как людям, — и все это вовсе не так ради их самих — людей, чтобы Проект свой земно-человеческий поддержать и продолжить, — не бросать же по дороге столь хитро задуманное Дело, может, немало его при этом и скорректировать усилиями как *тех*, так и *этих* пиццебродов или, быть может, *этих* и *тех* — это уж кому как больше «ндравится»!

Нет, конечно, кристально чистых людей, как и камневито нечистых нелюдей, не бывает или почти не бывает, все тут в смеси, на долях, в переливах и на нюансах, в разворотах, отчего и «людь» не до конца, не во всем и не всегда «людь» и нелюдь также: обстоятельства на то и обстоятельства, чтобы играть по-своему со всеми людьми, а люди-нелюди на то и люди-нелюди, чтобы на обстоятельства осознанно иль нет, но реагировать, когда нереакция на обстоятельства тоже идет в лично-сакральный послужной реестр.

В общем, у кого тут как выходит под влиянием врожденности, воспитания или тех же обстоятельств, главное, что *так* заведено изначально и дадено прямо оттуда — из Неизвестности, и ничто земно-человеческое, пусть и с локально-временными исключениями, изменить *это* тотально и окончательно в какую-то там лучшую, как бы и совершенно людскую, сторону в принципе не может. Что-о, разве тут не истина, да еще какая?!

Можно было бы о таких вот истинах, которых, увы, немало, если не в чрезмерии, и не говорить (ничего, кстати, тут особенно нового!), как и не говорить, что человек, который-де *по подобию* (да вот Бога ли только иль Его противника тоже?!), хоть и не автор земно-человеческого проекта, как и вообще чего-либо до себя за Земле, как и изначально самого себя тоже, но, будучи все-таки *по подобию*, то бишь обладая сознанием, словом, речью, модельным и попросту фантазийным воображением, в общем, склонным к ментально-образному абстрагированию от природного животоотравления, отчего и отвлеченно думать, размышлять, задаваться вопросами, отвечать на вопросы, недоумевать, поражаться, восторгаться, унывать, находя и не находя ответов, так еще и при этом *творить*, да еще и *свое* и *по-своему*, созидавая что-то, никем ему не заданное, мало

того, и *пересотворять* (!) ему данное, даже в чем-то и *самого себя* тоже, да ладно бы ментально-сознаниево, так еще и физически, так вот этот самый человек (кстати, «людь» он при этом или нелюдь — тут уж все одно!) не может не задаваться вопросами: кто он, отчего, зачем, куда он? — короче, не может не быть *размышляющим и творящим гуманитарием*, тем более уж не может им не быть, коль скоро надо поштучно, группово или всем сразу общаком человеческим (людским-нелюдским) жить, не просто продлевая брэнность свою поштучную, групповую или общую сразу, но и куда-то в неведомое при этом непременно стремиться, не довольствуясь тем, что *есть*, да не только стремиться куда-то вовне, но и восвоеси тоже, отчего ищет, находит и не находит тоже гуманитарный беспокоец свою тривиальную или знатную юдоль — что в среде людей, что в среде нелюдей (тут уж кому что и где конкретно станется), отчего, вопервых, как-то гуманитарно бытие людское-нелюдское обустраивая, чего-то из так или иначе действующего на гуманитарном поприще, пусть и на срок, достигая — доброго, злого, никакого; во вторых, бесконечно разгадывая неразгадываемую, но как-то приоткрывающуюся, пусть и иллюзорно, чуть ли не понарошку *великую гуманитарную загадку*, все равно, кстати, какую в частных ее проявлениях, упорно вглядываясь в себя, в других, в разные «общаки», созидавая в итоге *гуманитарное знание* о самих себе и своих неведомых творцах-вершителях (что еще остается!), немало замечая истинные истины своими фантазийными истинами (что еще остается!), вовсе не обязательно, что сплошь ложными, ошибочными, неверными, хоть всего эдакого тут непременно хватает.

А все почему? Да из-за охватывающей Вселенную и все, что в ней различимо, *Великой Неизвестности* — ВЕЛИКОЙ НЕИЗВЕСТНОСТИ!, что, конечно, есть и первейшая для человека *великая истина*, то бишь *великая истина о великой неистине* — НЕИСТИНЕ!, однако уже и как о признанной человеком неистине, отчего в чем-то даже и как о *познанной истине* (что еще человеку остается!).

Великая Неизвестность — первейшая для человека фундаментальная, вполне и неотразимая истина!

Важнейшее заключение, позволяющее гуманитарному человеку о чем-либо реально соображать или что-либо реально выделять

вать, осознавая при этом и присутствие в своих умозаклЮчениях и деяниях никак неодолимой *тщеты* — ВЕЛИКОЙ ТЩЕТЫ!, либо сразу, хоть и в разной степени, задевающей гуманитарные (и не только!) умозаклЮчения, не говоря о деяниях, либо поражающей то и другое через какое-то время — всему тут свой срок!, а раз так, то мудрый гуманитарий, он же по крайности мудрец-маргинал, никогда не забывает о сем казусном обстоятельстве, отчего и не спешит ни с конечными умозаклЮчениями, ни с умными советами, ни тем более с убойными благодеяниями, окутывая все это флером неопределенности, прикрывая вуалью невозможности, обрамляя загадками.

Но это не все! Мудрец на то и мудрец, чтобы видеть и понимать еще кое-что, при этом и кое-что очень важное: Великая Неизвестность, хоть сама по себе вроде бы нейтральна относительно Вселенной с Господом Богом и человеком в ней, но на самом-то деле очень даже действенна, не просто обнимая собою Вселенную, но и вынуждая ее мало что *не* стоять на месте, а и куда-то непременно *стремиться*, а уж таких субъектов Вселенной, как Господь Бог и как человек, понуждая еще и *творчески хозяйствовать*, что-то осознанно передельвая, обновляя, изменяя, чего-то при этом и реально достигая, — и вот для всего этого у Великой Неизвестности есть действенный вспомоществователь — *Иное* — ВЕЛИКОЕ ИНОЕ!, который, будучи, видно, активной ипостасью самой Великой Неизвестности, не дает покоя Вселенной, Мирозданию, Земле, Природе, Господу Богу, ну и, разумеется, всему живому, включая человека, толкая того же человека мало что к динамическому бытию, включающему стремление и к качественным *переменам* — ПЕРЕМЕНАМ!, чтобы пусть хоть и временно, но непременно *быть* — и быть во времени как-то *иначе* — ИНАЧЕ!, мало того, еще и *иным* — ИНЫМ!, изменяя со временем среду бытия и себя самого, побуждая людей не только к взаимной кооперации и сотрудничеству, но и ко вполне себе взаимопожирательной, умертвительной, изничтожительной борьбе не просто за жизнь, а и за *иную жизнь*, пусть и с принудительным выбыванием чего-то и кого-то (слабого, неразворотистого, неудачливого, отчаившегося, отставшего, не иной вовсе раз и не шибко добропорядочного, в общем, жертвенного) и продолжением чего-то и кого-то другого (уже из более силь-

ного, ловкого, удачливого, не иной раз и победительного, при этом всего менее и добропорядочного).

Вселенная, как и все в ней наличествующее, включая и человека, может быть только на условии *самопожирания*, разумеется, во времени и пространстве дискретного, однако на *конце* — КОНЦЕ! (в случае сего казуса — КОНЦА ВРЕМЕН, а может, и КОНЦА ПРОСТРАНСТВ) — то уж сплошного и окончательного!

Так что ничего особенно удивительного нет ни в наличии в земно-природно-человеческом мире людей и нелюдей, жертв и хищников, успешных и нищелюдей, господ и подневольных, ни в непрестанной борьбе людей за себя, свою жизнь, как и в неспособности то ли лишь людей — искренне, то ли еще и нелюдей — по преимуществу лживо, наладить в земно-природно-человеческом мире, весьма, скажем, исходно *сатаническом* (зараженном сатанизмом), что-то вроде Царства Божия, ибо таковое ни самой Вселенной, ни Господом Богом, ни судьбой общечеловеческой, ни цивилизацией, ни бытием-историей, ни попросту экзистенциальной суетой не предположено, а ежели бывает и даже есть ныне что-то подобное, то исключительно для тех, кто сильный, кто ловкий, кто владелец, кто господин, кто властитель, кто эксплуатирует, кто присваивает, ну и немало лжет, чтобы оправдать свое исключительное положение и прикрыть действительный ход реальных гуманитарных вещей.

Так было, так есть и так будет — аккурат до скончания земно-человеческого времени — ВРЕМЕНИ!, а вот есть или будет для виртуальных останков человечества, где-то там вроде бы накапливающихся и накапливающихся, какое-то еще... э-э... *безвременное время*, кто ж из смертных может *такое* знать?

Иное! О-о, это вовсе не только вселенский движитель, это еще и в самом деле *иное*, не *это* и не *то* из *того*, что может видеться или как-то представляться человеку, даже на опыте личной жизни, не то что на реалиях целого мира, да ладно бы всего лишь какое-то там *иное*, а то ведь как раз *то самое*, что мало что загадка для человека, так еще и заставляющая человека себя самого непрестанно отгадывать, не имея на сию отгадку никаких, ну, пусть почти никаких шансов, то бишь вынужденного идти по бытию-истории, что «по Уругваю, когда ночь хоть выколи глаза» (шутка, конечно,

да в ней *такая* правда, что дрожь по телу и скребки по душе, а ведь идти-то все-таки приходится, причем вовсе не только и не сколько темной ночью, сколько на белом свету, вовсе и не с завязанными, а с широко открытыми глазами, все, почти все или уж многое вокруг себя видя, называя, трактуя, переделывая, пересотворяя, почитая все это за *Это*, даже не подозревая, что все, почти все или уж многое из *Этого* вовсе не *Это*, да и не воображаемое *То*, а всего лишь простенькое, но скрытненькое *иное*, мало что в исходе и в итоге неизвестное, так еще и ловко прячущееся в кулисах текущей обыденности).

Иное — истина, да вот *какая?*, а как раз та самая — *неистинная*, но ведь... *истина же!*, еще и разная по сути, функциям, явленности, знаку, она не только о настоящем (*Этом*), но и о прошлом (*Том*), о будущем в особенности (*Том* еще!): отрицательно и положительно, разрушительно и созидательно, лукаво и по-честному, разоблачительно и одобрительно, в общем, как истинное иное, хоть и иное, да вот по-разному иное и с разными последствиями для бытия-истории, для сути и судьбы человека, коллектива, народа, государства, цивилизации, всего человечества.

Не простая это вещь, она же и весть — *Иное* — ИНОЕ!, очень не простая!

Слово изреченное есть ложь! Совсем не случайно сказано, ибо воистину истинно только молчание, разумеется, *о-без-истинное*, отчего *отсутствие истины* и есть главная для человека с его сознанием, словом, речью истина — *главная!*

Человек — не дурак, хотя, быть может, как раз и дурак, что и позволяет пребывать ему среди безбрежной Неизвестности и под напором небрежного Иного, да мало что пребывать, еще и воображать из себя знатока-творца, но так или иначе человек осознанно, полуосознанно, почти осознанно, а то и вовсе не осознанно понимает, что вокруг все-таки многовато неизвестного (для дураков просто всего лишь еще не изведенного), как и творится все, почти все или многое как-то не так: цель того или иного деяния вроде бы одна, а вот результат вдруг и не вдруг бывает совсем другим; что-то этакое вроде бы достигнуто, да вдруг оказывается, что не совсем то, а то и совсем не то; да еще и сие с трудом и страдой достигнутое вдруг прямо на глазах разваливается и... исчезает (это более всего о соци-

уме, о группировках, о спайках, о государствах, о социальных строях, о «правильных» идеологиях, о навсегда-де доказанном, даже и кровью людскою окропленном, да и об индивидуумах тоже).

Нет, отрицать жизнь, как и смерть, с их тривиально-нетривиальными достижениями нет никакого резона, как нет резона отрицать немалый набор житейских, включая и смертоносные, вполне себе достойных и устойчивых истин, причем держащих, споспешествующих, ведущих, в общем — обеспечивающих бытие человека (человечества) на Земле, в Природе и Мироздании, позволяющих не просто хозяйствовать, чтоб выжить, но и творить, чтоб жить иначе, не забывая и о смерти. Отрицать такого рода истины бессмысленно, как и бессмысленно отрицать немалую условность немалого числа таких вот истин, их, скажем так, зыбкость, прозрачность, отчего и временность (даже «2 x 2» ведь вовсе не всегда в реалиях бывает «4»), а что говорить о социально-человеческих, да еще и людских-нелюдских истинах: сегодня одна вроде бы истина, а завтра мало что она уже не истина, так еще истинной вроде бы оказывается совсем другая, частенько и прямо противоположная, как правило, тоже оказывающаяся на бодро-летающей эшафотной платформе гуманитарной реальности весьма и ложной).

В цивилизованном изменчивом социуме, включая и каждого в нем индивида, истина не так вырабатывается в веках и чуть ли не навсегда, как это было более характерно для архаического бытования человечества, а настойчиво и настоятельно, если не внаглую, *утверждается*... не-ет, часто совсем даже не более мудрым субъектом-силою, вовсе нет, просто более сильным, расторопным, настырным и наглым актором, на тот момент побудительным и властным, господствующим, отчего вовсе не свет вселенский озаряет в тот момент утвердителя очередной истины, а свет вполне себе частного, а то и попросту собственного, хоть и не без некоторых исключений... *интереса*, то бишь не свет никакого не высшего разума, не высокого сознания, не возвышенной совести, а... да-да... *ин-те-ре-са*, частенько весьма и пошлого, а то и попросту дрянного!

Даже у так называемых сначала нелегитимных и даже гонимых, затем вдруг победительных и властных борцов-де за социальную справедливость тоже как-то вдруг получается превалирование... *своего интереса* — ИНТЕРЕСА! — аккурат над так называе-

мой общегуманной (общегуманоидной) справедливостью, в общем, как-то все вдруг *по-иному* у них выходит, причем довольно-таки скоренько, что, к примеру, никакой не вождь никакого мирового пролетариата с нелегитимным позывным «Ленин», однако реальный на тот момент державный властитель под именем Ленин не просто заметил, а пришел сначала в ярость, а затем и в роковое для себя отчаяние, приведшее историческую личность сначала в уютно-смирительные Горки, ставшие Ленинскими, а затем вскорости и в Мавзолей, бытующий ныне в центре Москвы неуютно-беспокойным квазиленинским артефактом.

Ах, эти люди, ах, эти нелюди, какая-то еще вам нужна справедливость, чего захотели! А что же «заместо»-то? Да попросту *иная*, хоть при этом по сути все та же, злодейка-несправедливость, не более и не менее, отчего как таковое *иное* — вовсе не только что-то непременно *другое*, хотя бы вывернутое прошлое, не-ет, это еще и непременно... *то же самое* — то бишь уже вывернутое вывернутого.

Иное по-иному ради все того же самого, уже и не иного (истина тут или что?)!

А Иное непрестанно требует и требует от человека чего-то *иного*, заставляя его стремиться к чему-то, на его взгляд, лучшему или хотя бы более приемлемому и, не минуя вовсе чего-то и в самом деле лучшего и более-де приемлемого, пусть и ограниченного, и краткого, и даже призрачного, иллюзорного, вновь и вновь попадать во вполне человеку хорошо известное — в ложь, обман, измену, диктатуру, рабство, разврат, пошлость, паскудство, распад, хаос, в общем, ежели сказать красиво — на комильфо! — не так в лужу попадать, хоть и не без этого, а во вполне себе человеческую *антигуманитарность*!

Однако Иное не просто спутник Неизвестности, Мироздания, Бытия, жизни, человечества, бытия-истории, это еще и *квалификатор*, ибо одно дело — *это* и совсем другое — *иное*, когда либо в чем-то *этом*, т. е. прямо на глазах существующем, содержится, как правило, не слишком и заметно, как бы и подспудно, что-то *такое*, что можно даже квалифицировать не просто как всего лишь какое-то *иное*, а весьма определенное (в меру иной раз и определи-

мое) *иное* — и это касается практически всего в этом счастливо-злосчастном мире, совершенно по сути-то и *ином*!

Мир есть, он тут, он с нами — с людьми, но его как такового и нет, он не с нами, он ускользает от нас, ускользая и от самого себя, а в итоге он хоть и *этот*, но при этом и *иной* — такая вот тут выходит потрясно-гуманитарная загогулина!

Вот есть на Земле такая-то страна, такой-то народ, такая-то социально-политическая локальность, как и есть какое-то привычное о чем-то таком представление: РФ — это РФ, США — это США, Китай — это Китай, Индия — это Индия, Великобритания — это Великобритания и т. д. И вдруг выясняется под прицелом Иного, что РФ вовсе не РФ, США вовсе не США, Китай вовсе не Китай и т. д. Тогда *что* же выходит? Вполне законный вопрос! И увидим мы, что все это всего лишь какие-то конгломераты из *этого* и *иного*, нередко и *совсем иного иного*, немало и неизвестного, потаенного, неопределенного и неопределимого, пусть и не без какого-то внутри себя трансцендентного ядра, сии конгломераты скрепляющего, будучи происхождением, конечно же, как раз не из чего-то *этого*, а как раз из чего-то *иного*.

Что же тут тогда истина (или что же тут хотя бы истиннее)? А *ничего*, ибо истинно тут *все* сразу, а потому все сразу в меру и не в меру для человека и... *неистинно*! Поди-ка разберись!

Вот уж приговор так приговор!

Все вокруг, ну пусть почти все, ну пусть многое, если не из физического и естественного, то уж из метафизического и гуманитарного настолько истинно, насколько и неистинно, а лучше бы сказать, насколько неистинно, настолько и истинно, будучи вроде бы *это*, так мало что *не то*, так еще и какое-то вообще... *иное*. В общем, не верь ни глазам своим, ни ушам своим, гуманитарий, да и не только гуманитарий, а человек вообще, даже и вполне уверенный в своей исключительной хомоценности гоминид: что видо-родовой ценности, что ментально-речевой, что материально-духовной!

Есть, есть она — эта неизбежная гуманитарная лжа, немало и осознанно запускаемая в гуманоидные массы и упорно, хоть и не без нужды, выдаваемая за истинную правду; есть и не более чем гуманитарные заблуждения, обычно и неосознаваемые таковыми; полно и честных гуманитарных иллюзий; есть, конечно же, и гума-

нитарная правда, способная безжалостно обжечь ум и душу осознавшей ее особи, а то и сожигающая весь ее организм, что болезнетворно, что прямо по воле соотечественников на огненном аутодафе. Все это *есть*, а потому и «*ист*», то бишь *истинно есть*, а вот где тут бывает истина как собственно истина — вопрос! Все это такое ведь еще доказывать надо, что, к примеру, та же ложь и в самом деле ложь, а правда и в действительности правда, или все это такое — ложь ли, правда ли — не более чем нечто кажущееся взыскующему истины истцу, так сказать, дерзкая *иллюзия* — ИЛЛЮЗИЯ!

О-о, как тут все непросто, совсем непросто, да так непросто, что за ложью можно вдруг заметить теневой абрис правды, а за правдой-де — темный силуэт лжи, а в общем-то все так вот и идет — меж Сциллой лжи и Харибдой правды, как и наоборот — меж Сциллой правды и Харибдой лжи, и не понять иной раз, где тут какая Сцилла и какая Харибда — и суждено человеку так вот гуманитарно существовать, восторгаясь как хорошо им сделанной ложью, удачно выданной им за правду, так и неожиданными его открытиями, не без боли различающими правду и ложь, хоть и старается при этом человек не повергать себя в последнее, как случилось у Ленина, отчаяние.

Да-а, хватает наивно-упрямому *истцу* поводов для сомнения, огорчения и ужаса, но еще и для страха тоже, как и уныния, даже и отчаяния. И вот тут-то и является выручающий истца-гуманитария жизнестойкий *экзистенциализм*, что в данном случае означает не пользование философским учением того же имени, хоть для кого-то и не без этого, а... нет, не согласие лишь с неизбежной диалектикой истины и неистины, этого и иного, лжи и правды, хоть и не без этого, а более всего означает обретение способности все это странное гуманитарное не более чем... *пережить*, чем, собственно, люди по преимуществу и заняты, находя для себя в этой способности, и только в ней, какое-никакое, а... *спасение* — СПАСЕНИЕ!, вполне, кстати, по-своему и *истинное*, хоть и не без примеси колючей *неистины*.

А как и в чем конкретно бывает выражен такой вот спасительный экзистенциализм — это уж другое дело: от бытовых навыков и житейской мудрости до религии с эзотерикой, не минуя при этом ни философии, ни науки, ни какой-либо вообще идеологии,

включая для кого-то и оккультную, не говоря уж о пропаганде, исторгаемой отовсюду и заполняющей все жизненное пространство подвергнутого ее влиянию и ведению, как и вождению экзистенцирующего человека.

Да-а, везде он, этот *гуманитарный экзистенциализм* — во спасение вроде бы жизни, однако не просто жизни, а весьма *зависимой*... э-э... не будем от кого и чего... жизни, соответственно и *управляемой* жизни с ее гуманитарным неравенством, беззастенчивой эксплуатацией одних человек другими, бойким пожиранием одних другими, но с непременным стремлением к Великой Неизвестности через потакание, пусть во многом и вынужденное, Великому Иному, в общем — во исполнение, а вот *чего* в итоге — ЧЕГО!.. э-эх... *это-то* как раз знать никак человеку нельзя и не должно, но что особенно примечательно в экзистенциальном плане — и *не надо!*

Знание и незнание! Они вместе, в переплетении, в союзе и во вражде, в противоборческом единении! Знает вроде бы человек, что живет он, и даже ради чего он живет, что-то делает, вершит, творит всюю, хозяйствуя — и никак не отказать человеку в этом, пусть и немало иллюзорном, знании, не отказать: человек вообще-то — великий знаток, да вот не всего, ибо мало что он действует среди незнания, так ведь и ради незнания тоже, ему в угоду, а в этом и есть весь цимес бытия человека, этого смертно-бессмертного (может, лишь до поры) животного с неживотным сознанием, с реализуемым им осознанно-неосознанно вовсе не таким уж благостным экзистенциализмом, как вовсе не таким уж благим гуманитаризмом тоже.

Непрерывная, пусть и по-разному во времени и пространстве происходящая и проходящая, полная риска, но для кого-то не лишенная увлечения, даже и азарта, не говоря о завлекательном коварстве, игра с Неизвестностью и Иным, а уж о Господе Боге и его роли в этой игре мы благоразумно помолчим, ибо тут так или иначе исполнение какого-то, никому из человек не известного *проекта* — ПРОЕКТА!, может, в чем-то и игрового, а может, и нет, скорее, все-таки нет, хотя, пожалуй, не без игровой, немало для человека обидной, хоть и немало привлекательной, да немало и рискованной составляющей.

Тут обнаруживается слабость человека перед окружающей его экзистент-гуманитарной Бездной, но при этом и величие тоже (что людское, что нелюдское — тут все одно!). «Жизнь прожить — не поле перейти» — гласит народная, еще ведическая (волхвическая, стало быть) мудрость — и правильно гласит, хоть поле перейти, тоже заминированное, бывает иной раз ох как не просто (это подтверждает наличие даже в такой истине пусть и микроскопический, но все-таки... *неистины*), а что говорить о разных наработанных человечеством великих гуманитарных истинах-де!

Человечество вершит свой экзистенциально-хозяйственный, он же и трансцендентно-гуманитарный, *подвиг* — ПОДВИГ! — факт!, причем вершит в *неустанной борьбе*, однако мало что со смертью за жизнь свою, как и с той же Бездной, откуда непрестанно само выходит, куда невольно тянется и где непрерывно исчезает, не говоря уж о борьбе с не очень-то расположенной к нему Природой, а и в *непременной внутрочеловеческой борьбе*, в *борьбе человека с человеком* — разнообразной, беспощадной, смертоносной, хоть не обходится человек без межчеловеческой кооперации, сожительства, сотрудничества, со-бытия, даже и со-любви.

Межлюдская борьба — не просто факт, это еще и истина, как и межлюдская кооперация, которая тоже не только факт, но и истина, и человеческий экзистент-гум-хоз-подвиг тоже ведь не один лишь факт, а вполне себе непреклонная истина!

Какая же тут, однако, присутствует *тщета* — ТЩЕТА! — безусловная, напряжная, великая: что, зачем, куда?! Нельзя тут не поражаться факту этой самой что ни на есть истинной, вполне себе и гуманитарной, и экзистенциальной, и трансцендентной *Тщеты*, как и ее бесстрастия и безмолвия, ее безответности на тщетно задаваемые по ее же поводу вопросы — ненужные, конечно, но неизбежные, при этом невольно, хоть и делая вид, что вольно, признавая стоящую за этими вопросами одну действительно истинную правду, ей подчиняясь и ей следуя — *правду незнания*, взамен дающую хрупкую возможность заметить при случае и *правду наработанного человеком гуманитарного знания*, однако стремясь-таки не попадаться в улыбочивые силки этой *правды от знания*, зачастую и ложного, а, избегая сию вполне себе иной раз искреннюю западню, выходить более всего на *правду знания от незнания*, питаемую Неиз-

вестностью и поощряемую Иным, выходя на *откровение*, разумеется не без посредничества Софии Премудрости Божией, а для меня — истца-простеца — на пути выпавшей на мою долю *Софиасофии*, что, правда, зависит более всего не от меня самого и ставшей вдруг моей *софиасофии*, а от плодотворного расположения... нет, не звезд на чудном ночном небосклоне, хоть, наверное, и не без этого, а как раз самой Софии с ее *софийным незнанием*, а вот тут-то начеку, как водится вполне себе ясным днем, опять все та же Незвестность вкупе со своим Иным, так что лучше бывает благо разумно помолчать, чем простодушно о чем-то онтологическом благовестовать, захоранивая под ворохом напрасных слов доверительно ниспосланную свыше софийную премудрость, которая как раз и восходит к конечной истине, состоящей в *знании незнания* — ЗНАНИИ НЕЗНАНИЯ, а то и в *незнании знания* — НЕЗНАНИИ ЗНАНИЯ, и которая выше слов и по сути своей благо разумно *бессловесна* — БЕССЛОВЕСНА, отчего и истина конечная *тоже* — так вот!

С.В. БИРЮКОВ

**Россия: к созданию национальной идеологии
в качестве ответа на современные вызовы***

Аннотация. Автор статьи поднимает проблему идеологии, утверждая, что понятие поменяло свое значение, он задается ключевыми, с его точки зрения вопросами. Прежде всего, автор вопрошает: является ли идеология производной от символического капитала, накопленного в обществе, или же выступает результатом политико-идеологического творчества — как коллективного, так и индивидуального? Затем, в статье обсуждается возможность преодоления обозначенной К. Маннгеймом дихотомии между идеологией и утопией как двумя формами иллюзорного (ложного) сознания.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бирюков С.В. Россия: к созданию национальной идеологии в качестве ответа на современные вызовы // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 197—203. DOI: 10.5281/zenodo.10869470.

Утверждается, что для России как великой державы с имперской традицией потребность в идеологии естественно вытекает из самой природы российской государственности.

Ключевые слова: К. Маннгейм, А. Тойнби, Россия, идеология, реидеологизация.

Abstract. In this article, the author examines the problem of the relevance of ideology in modern Russia, possible ways of its creation and the intended functionality. The author considers ideology as an urgent necessity for Russia, arising both from the experience of its history and from factors of geography, national composition of the population, cultural and ideological characteristics of its peoples. The article attempts to define the conditions and criteria that allow Russia to move from a state of de-ideologization to re-ideologization, and to develop an ideological doctrine that meets the needs of the state and the interests of society. The author calls a long-term state-public consensus as a key prerequisite for the creation of such an ideology. Considering the possible future ideology of Russia as the quintessence of doctrines existing and reproducing in the history of Russian political thought, the author speaks of the need for ideological and theoretical synthesis, without dogmatism and doctrinaire.

Keywords: ideology, worldview, consensus, deideologization, reideologization, reflection, mobilization.

УДК 304
ББК 66.3

Проблема реидеологизации современной России, какой может быть идеология современной России, является комплексной, и требует соответствующего ответа.

Прежде всего, необходимо прояснить, чем является для современного общества идеология. Является ли она ситуационным явлением и продуктом социально-культурной инженерии, или же выступает как экзистенциальный феномен, отражающий борьбу народа за собственное существование и будущее? Является ли идеология производной от символического капитала, накопленного в обществе, или же выступает результатом политико-

идеологического творчества — как коллективного, так и индивидуального? И возможно ли преодолеть обозначенную К. Маннгеймом дихотомию между идеологией и утопией как двумя формами иллюзорного (ложного) сознания, которую сам Маннгейм хотел снять посредством выработки особой «социологии знания» (которую, по его мнению, была призвана создать политически неангажированная интеллигенция)? Если же понимать идеологию в рамках механизма «вызова-и-ответа» (А. Тойнби), то необходимо соотносить ее с конкретной ситуацией определенного общества и страны, которая формулирует такой ответ исходя из собственного миропонимания, характера и масштаба вызовов, а также объема и качества ресурсов, которыми она обладает.

Приступая к рассуждениям, мы хотели бы обосновать необходимость создания и существования идеологии в современной России.

Этого требуют следующие факторы.

1. Масштаб страны, ее объективная поликультурность, поликонфессиональность и многонациональность, диктующие необходимость продуманной стратегии этнополитики и соответствующего идейного обеспечения.

2. Богатый и неоднозначный, временами драматический опыт отечественной истории, который дополняется объективной неудачей и фактической исчерпанностью в течение XX в. трех реализованных в нашей стране масштабных политико-идеологических проектов («белый», «красный» (коммунистический) и либеральный).

3. Происходящая на наших глазах реидеологизация современного мира и мировой политики (условный «глобальный либерализм» против столь же условного «глобального традиционализма», что дополняется актуализацией целого спектра национально-государственных идеологий), не позволяющей современной России оставаться во внеидеологическом измерении

4. Возвращение России в историю (стимулируемое внешними обстоятельствами) и необходимость дать ответ на вызов последней.

5. Для России как великой державы с имперской традицией потребность в идеологии естественно вытекает из самой природы российской государственности.

6. Россия в силу особенностей ее исторического менталитета нуждается в «большом проекте», а последний предполагает наличие идеологии как концентрированном выражении этого проекта.

7. Отсутствие ценностно-мировоззренческого консенсуса, продолжающееся противостояние нескольких идеологических проектов в современной России, что фактически означает продолжение своеобразной «ментальной гражданской войны».

8. Неудача трех предшествующих политико-идеологических проектов и потребность в четвертом проекте.

9. Потребность в новом общественном консенсусе в связи с предполагаемым переходом к мобилизационной модели развития.

Современная ситуация вокруг России, связанная с истощенностью общественно-политического консенсуса, сложившегося в 2000—2020 гг., требует разумной реидеологизации, подразумевая при этом не спешное внедрение некоторой обязательной официальной доктрины, на формирование нового ценностно-мировоззренческого консенсуса на основе ценностей, сложившихся и востребованных общественным сознанием.

Можно ли считать современные дискуссии в России попыткой ответа на экзистенциальный вызов, брошенный ей со стороны внешних сил и идеологов так называемого «ультралиберального проекта»?

По нашему убеждению, ситуация складывается и обстоит именно таким образом, поскольку Россия столкнулась с противостоянием нового («гибридного») типа, включающим информационную войну — причем не в форме традиционной пропаганды, а в форме «молекулярной агрессии» (А. Грамши), имеющей своей целью «стирание» российской идентичности и «ценностного ядра» — того, что мы называем сегодня российской цивилизацией. Того самого «ядра», без сохранения которого не приходится говорить о сохранении самой страны, ее народа, ее территориальной целостности и места в мире. И ответ на попытку подобной «отмены» России невозможен без обращения к инвариантным основаниям российского самосознания, которым следует придать определенную концептуальную форму.

В этой связи возникает вполне резонный вопрос о способности России, ее интеллектуального класса к созданию доктрины,

способной ответить на ценностные и политические запросы большинства общества, выйдя за рамки обозначенной К. Маннгеймом дихотомии «идеология и утопия». Возможная (и постепенно формирующаяся в ответ на запросы общества) новая российская идеология, на наш взгляд, должна отвечать следующим принципиальным требованиям.

- Новая идеология должна быть оформлена государством, но опираться на запросы общества, что предполагает непосредственное и активное участие последнего в ее создании. Таким образом, речь идет о государственно-общественной идеологии.

- Новая идеология должна опираться на новый общественный консенсус, сложившийся после 24.02.2022, поскольку прежняя версия общественного консенсуса исчерпала себя.

- Новая идеология предполагает постепенное преодоление многолетнего раскола между «правым» и «левым» идеологическими течениями.

- Новая идеология должна быть связана с задачами внутренней мобилизации российского общества в ответ на системный внешний вызов.

- Новая идеология должна иметь интегративный характер, объединять положения, заимствованные из нескольких идеологических доктрин, и содержать в себе элемент новизны.

- Новая идеология должна опираться на идеологические доктрины, сложившиеся в предшествующие эпохи (славянофильство, западничество, евразийство, сменовеховство и др.), драматический опыт политического развития и идеологической борьбы в XX в., а также учитывать те идеи, которые определяли идейно-политическую атмосферу в 2000—2020-е гг.

- Новая идеология должна содержать в себе образ будущего, способный объединить высоко гетерогенное российское общество.

Нам представляется, что Россия, начавшая сегодня входить в режим глубокого переустройства (без которого невозможен ответ на существующие в отношении нее вызовы), нуждается в новой государственно-общественной идеологии, которая будет формироваться

в результате интеллектуального творчества, неразрывно связанного с протекающими политическими процессами.

Каковы необходимые предпосылки для создания полноценной государственной (государственно-общественной) идеологии для России? Создание подобной идеологии предполагает решение ряда фундаментальных вопросов, касающихся формы и содержания этой идеологии, связанных с ней рисков, предполагаемого субъекта создания данной идеологии и возможных путей ее укоренения в общественном сознании.

1. Какой может быть идеология по форме? Она должна пониматься как совокупность идей (дискурсов), разделяемых обществом, как утвердившаяся в общественном сознании концепция. При этом нельзя сводить идеологию к определенной доктрине — скорее, она должна рассматриваться как квинтэссенция доктрин, сыгравших свою роль на определенных этапах развития наших общества и государства, и способных подтвердить свою жизнеспособность сегодня. Идеология — насущная потребность любого сложноорганизованного общества и сколько-нибудь значимого государства. Программные доктринальные (идеологические) акты и документы принимались на протяжении всей нашей истории, включая и Советский Союз, постепенно изменяя свою форму и предлагая новое идейное содержание.

2. Каково должно быть содержание идеологии? Идеология не должна сводиться к определенной строгой форме (формату). Идеология, если говорить максимально просто, это концепт, обобщенно оценивающий прошлое и настоящее и определяющий будущее определенной страны, государства, народа, человека. И она может быть представлена в разных формах, характер которых определяется государством исходя из потребности ситуации. Наиболее значимое в структуре идеологии — все же не ее форма, но содержание, включающее в себя ответы на ключевые вопросы исторического и политического бытия определенного народа.

3. Каковы риски принятия идеологии? В каждой идеологии заложены и свои риски, связанные с возможностью ее упрощенного или искаженного толкования, что может вызвать как ее неправильное использование, так и отчуждение от нее общества. Расхождения между идеологией и реальностью — неизбежный факт текущей по-

литической жизни. Омертвление идеологии грозит делегитимацией всего существующего политического порядка и итоговым крушением государства, как произошло с Российской империей и СССР на завершающих этапах их исторического существования. С другой стороны, чрезмерная идеологизация («перегрев») общественной жизни чревата дестабилизацией политической жизни, что также весьма нежелательно. Поэтому государственная идеология не должна вытеснять или ограничивать другие конвенциональные устоявшиеся формы общественного сознания, но призвана стремиться коррелировать и гармонично сосуществовать с ними. В конечном итоге, если взятая за основу идеология адекватна ситуации и долгосрочным интересам, то она успешно служит развитию страны, если же она неадекватна им и содержит в себе необоснованные преувеличения, то она может вести к разрушительным последствиям, вплоть до гибели страны. В то же время, даже адекватная запросам и ценностям общества идеология не всегда может быть в полной мере реализована с точностью до отдельных положений, и поэтому необходимо соотносить внутреннюю логику идеологического учения с окружающей изменчивой реальностью.

4. Кто должен создавать современную идеологию для России? Идеология не может быть созданием одного только политического лидера (несмотря на все его возможные выдающиеся личные качества), политического класса или сообщества интеллектуалов. Мыслители и интеллектуалы лишь артикулируют определенным образом те идеи и ценности, которые уже сложились и утвердились в обществе, и придают им форму определенной идеологической доктрины. Принципиально важно, чтобы идеология была так или иначе узаконена государством и впоследствии воспринята обществом, что возможно лишь при соотношении содержания последней с долгосрочными общественными интересами.

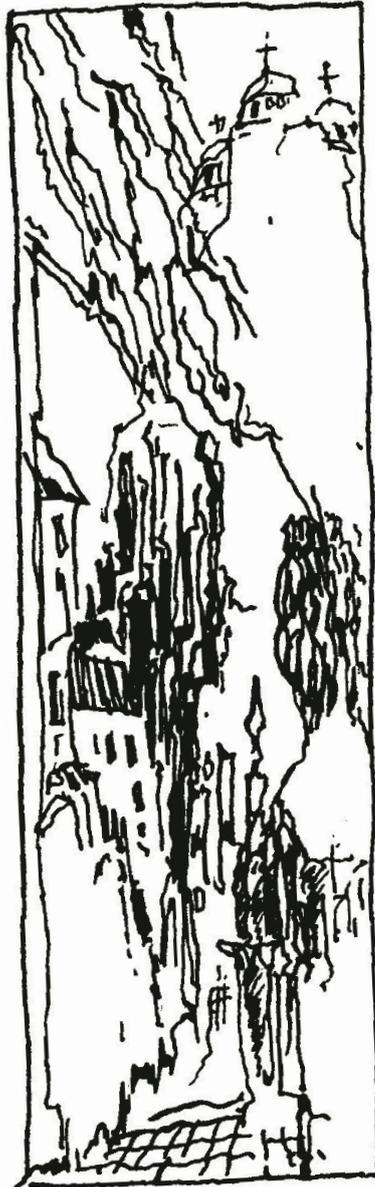
IV

**АКТУАЛЬНАЯ
ГУМАНИТАРНАЯ
МЫСЛЬ**

V

**АКТУАЛЬНОЕ
ПРОШЛОЕ**

Предислание

В лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ, заботами и трудами которой издается настоящий журнал, готовится собрание текстов Ю.М. Осипова, созданных им по актуальной российской проблематике с 1990 по 2023 г.

В феврале 2024 г. вышел в свет первый из трех, предназначенных к публикации томов. Это весьма большой (31 п. л.) том, вобравший в себя работы 1991—2008 гг. (см. [2]).

Ниже публикуется одно из значимых произведений Ю.М. Осипова — «Российская Реформация. Социопроект», создававшееся им в 1992—1993 гг. и изданное в 1994 г. [1], получившее позитивный отклик в оппозиционных проводившимся тогда реформам экспертно-политических кругах.

В изданной тогда брошюре было все: исторический экскурс, суть феномена России, раскрытие ее имперскости, отстаивание ее суверенности, абрис ее идеологии, а также программа действий на перспективу с задачей строительства новой, вполне себе и российской, России.

Да, правящий курс был тогда взят мало что на разгосударствление социально-хозяйственной жизни и на дикий, «прихватизационный» капитализм, но и на тотальную вестернизацию страны с максимальным разрушением ее производительного потенциала и втягиванием остаточного псевдороссийского квазихозяйства в глобальное, контролируемое Западом (США и Великобританией) и им нещадно эксплуатируемое парамировое псевдоэкзистенциальное болото, а фактически со втаскиванием страны в кабальную прозападную западню.

Многое сейчас в Российской Федерации изменилось сравнительно с 1990-ми, но ведь многое и осталось, мало того, вполне себе и культивируется, еще и по-новому, отчего как была остро актуальной для страны работа Ю.М. Осипова, такой и остается, разумеется, с известной поправкой на тогдашние времена, на их текущую смысловую насыщенность и функциональную злободневность.

Однако небезынтересно все это — текст тогда и тот же текст сейчас!

Ю.М. ОСИПОВ
Российская реформация
Социопроект*

Аннотация. В опубликованной в 1994 г. многоплановой работе рассматривается комплекс вопросов, относящихся к исторически характерному для России и на момент написания работы вновь вспыхнувшему в стране феномену «Российской Реформации» с акцентом на альтернативный тогдашнему реформированию путь социо-хозяйственных преобразований и строительства новой России.

Ключевые слова: Россия, СССР, «Российская Реформация», социум, хозяйство, экономика, государство, реформа, гуманитарная мысль, идеология, экономическая наука, философия, история, социология, политология, философия хозяйства.

Abstract. The multifaceted paper that is published in 1994, addresses a set of issues related to the phenomenon of the «The Russian Reformation», historically characteristic for Russia which again flared up in the country at the time of writing, with an emphasis on the path of social and economic transformations and the construction of new Russia, that is alternative to that reformation.

Keywords: Russia, USSR, «The Russian Reformation», society, economy, economics, state, reform, humanitarian thought, ideology, economic science, philosophy, history, sociology, political science, philosophy of economy.

УДК 330
ББК 65в

Россия сегодня — тьма вопросов. Что есть Россия, откуда и куда идет, чем отягощена и какого ждет разрешения? Любой живущий в России и Россией человек не может не искать ответа на эти и многие другие вопросы. В публикуемой рукописи,

*Публикуется в авторской редакции.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Российская реформация. Социопроект // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 208—279. DOI: 10.5281/zenodo.10869486.

рассматриваемой как неангажированный социопроjekt, есть не только вопросы, но и ответы, — и, надо заметить, принципиально неокончательные. В отличие от мистических трактатов и партийных программ рукопись не претендует на последнюю истину, бесспорных решений не предлагает: моделируется-то ведь жизнь, да еще и жизнь России, а то и другое — тайна!

Достоинство издаваемого труда не в иллюзорной ясности утопии, а в попытке вслушаться в сложную полифонию напряженного социокультурного бытия, уловить лейтмотив и поделиться открытием с другими.

Представляемый социопроjekt — не изобретенная высокомерно схема, а отражение позитивных потенций и настроений реальности — пристально в себя всматривающейся и себя же вопрошающей, делающей выбор.

И коль скоро человек наделен деятельным сознанием, то выбор российский не может быть только стихийно-объективным, он должен быть и субъективно-сознательным, мыслью и переживанием ориентированным — в интересах России, а отсюда и патриопроjektивным.

Таковы смысл, назначение и оправдание неоднородной работы.

...Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: все стоит она!..

А. Пушкин

...Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли...

А. Блок

Россия переживает тяжелейший кризис.

Обусловленный коррозией административно-плановой системы и упадком партократического управления, ускоренный «перестроечной» смутой, кризис охватил все сферы российского общества: хозяйство, государство, культуру. Смена государственно-

политического режима в конце 1991 г., одновременный развал единого централизованного государства — СССР, начатая в январе 1992 г. «рыночная реформа» не ослабили, а еще более усилили кризис. Последний стал *фундаментальным фактом и фактором жизни*.

Сегодня, в конце 1993 г., можно с уверенностью говорить о наличии и действии в механизме российского кризиса сознательной субъективной воли, вышедшей из недр не-России, эгоизма и субкультуры.

Знамение момента — *деструктивный радикализм*.

Россия — *падающая страна*. Ей грозит катастрофа, сравнимая с катастрофой 1917—1918 гг., возможно, и более трагичная.

Лукаво организованная «смена социально-экономического строя», вдохновляемая не-отечественными образами и силами, не может не вести к *тотальному разрушению* государства и общественных институциональных структур, всей социальной, хозяйственной, политической и культурной среды, не может не отвергать исторического опыта страны, ее национального и геополитического своеобразия. В этом роковой смысл так называемых «демократических реформ», в этом и их подспудная историческая драма.

Движение по пути глобального отрицательного переворота — движение к пустоте, тому самому вакууму, в котором царствует анархия и неопределенность и из которого может выйти любой, самый неожиданный, вариант, и вполне вероятно, что таковым может стать — при дальнейшем наивном благодушии и политическом бездействии апатичного общества — вариант нескончаемых междоусобиц, переворотов и диктатур. В разбушевавшейся стихии уже не до демократий и монархий, правового порядка, государственности и гражданственности. Речь с неизбежностью пойдет тогда о военной, естественно, «миротворческой», интервенции и разделе пространства бывшего СССР и нынешней России между иностранными государствами. Не только СССР, но и Россия, как, собственно, и другие «независимые государства», имеют шанс окончательно кануть в Лету.

Россия, как и органически связанные с ней страны, нуждается не в полной риска и опасностей «цивилизационной» революции, а в деловитой и рассудительной социореформации, для которой целостность, организация и созидание явно предпочтительнее распада, стихии и деградации, а отечественная ориентация — любой при-

внесенной извне. Такая реформация, которую необходимо рассматривать как сочетание обновления с сохранением, преобразования с возрождением, саморазвития с регулированием, должна затронуть как материальную, так и духовную сферы общественной, семейной и личной жизни, не быть идеократической, тоталитарной и насильственной, основываться как на светских, так и на религиозных ценностях, иметь разностороннее экологическое обоснование, соединить естественное преображение человека и общества с конкретными практическими реформами.

Проект, оплодотворяющий данную реформацию, должен быть проектом, непосредственно антикризисным, направленным на решительное ослабление и преодоление губительного, разрушительного процесса, развернувшегося в стране; это должен быть проект антикризисных преобразований, способных вызвать творческую инициативу и созидательную энергию общества, трудовых коллективов и структур, семей и отдельных личностей; это должен быть проект общегосударственных и общенациональных преобразований, обеспечивающих возможность участия всех граждан в конструктивной деятельности на благо самих себя, своих семей, трудовых коллективов, государства, общества в целом; это должен быть проект, стимулирующий всяческий, необходимый человеку, государству и обществу созидательный труд.

I

Российская Реформация — понятие не сегодняшнего дня. Можно с уверенностью сказать, что реформация имманентна России, ее истории, во всяком случае с момента выхода России из-под татаро-монгольского влияния. *История России — история реформации, российская реформация — история России.*

Российская Реформация — растянувшееся на века сложнейшее событие (можно сказать, метасобытие), включающее в себя не только явные попытки реформирования, т. е. реализации конкретной программы реформ, но и такие события, как революции и войны, т. е. резкие и бурные социопотрясения, равным образом и относительно спокойные, даже застойные, т. е. квазибезреформенные, периоды-события, когда реформистская деятельность велась вяло, уходила в потенциальность, а то и вовсе замирала, однако лишь для того, чтобы вновь возродиться на очередном витке российской реформационной истории.

По сути своей Российская Реформация есть процесс исторического преобразования России, поиска Россией адекватного ей образа, перебора образов, их обнаружения, примеривания и отбрасывания. *Это поиск Россией России, мучительного рождения России в России, возникновения России из России*, Россия и ее история имеют великую цель и значительный смысл, содержательную ретроспективу и обнадеживающую перспективу. Россия — это реформация, и Россия как Россия еще не состоялась, хотя временами она, возможно, и была близка к этому, но ни один, собственный ли, навязанный ли. образ не пришелся России по душе.

Россия ищет Россию, не Запад ищет, и не Азию, и не пресловутую Евразию, — какой ей, России, прок искать в себе и через себя не-Россию? И коль скоро вся историческая Российская Реформация посвящена России, то и каждый всплеск позитивной реформационной работы должен быть ориентирован на Россию, в особенности же нынешний, — коль скоро мы знаем о факте Российской Реформации и осознаем ее великое, в чем-то и трансцендентное предназначение. Нынешняя реформация — только одно из звеньев (не знаем, последнее ли?) глобальной затяжной Российской Реформации, а потому реформация конца XX века не может не считаться с великими целями, могучей поступью и драматическим ходом Российской Реформации, ее достоинствами и пороками, достижениями и упущениями, правдами и ошибками, победами и поражениями. Нынешняя реформация — одна из исторических волн, один из актов Российской Реформации, — и первой не уйти от последней, как бы она того субъективно ни хотела.

Россия, история России, Российская Реформация — отнюдь не самодостаточные явления, они не изолированы от остального мира, внешней истории, зарубежных трансформаций и мировых потрясений. Более того, располагаясь в самой евразийской части Евразии, на скрещении великих исторических путей и в смешении великих культурных потоков, занимая самое, пожалуй, неопределенное и загадочное, даже мистически загадочное, в то же время сложное, богатое и притягательное геокультурополитическое пространство на планете, Россия не может не испытывать постоянного и разнообразного влияния со стороны — как от отдельных соседей и их группировок, так и от всего планетарного мира. Россия не просто включена в мировое сообщество, в планетарное человечество, она является их органической и исключительно важной частью, ис-

пытывая от всемирного целого судьбоносные влияния и оказывая на него не менее судьбоносные воздействия. *Судьба России — судьба Мира, судьба Мира — судьба России!*

Российская Реформация — дело и смысл не одной России, это так или иначе дело и смысл всего Мира. И от этого ни России, ни Миру не уйти. *Российская Реформация есть одновременно и Всемирная Реформация, а Всемирная Реформация (и таковая идет!) есть одновременно и Российская Реформация.* Одно без другого не существовало, тем более не существует теперь — в нашем суперусложненном взаимозависимом мире.

Российская Реформация, в особенности ее современная волна, несет в себе «не-только-российское» начало, более того, она в значительной мере определяется не-российским началом, зависит от него. Такая зависимость выражается как во влиянии со стороны общечеловеческих цивилизованных и культурных начал, Всемирного Духа, так и в непосредственном воздействии внешних стран-агентов и международных структур, в особенности наднационального порядка. Есть проникновение и впитывание, а есть и прямые забросы и удары. Идеологические, информационные, материальные, финансовые, политические, агентурные, военные. Дружественные и враждебные, полезные и вредные, благочестивые и подлые. От внешних воздействий укрыться нельзя, да и не надо, но управлять ими в своих целях и себе на пользу можно. Не в изоляции от окружающего мира, а в способности обращать себе на пользу его влияние — вот в чем выражается государственная и культурная независимость, самостоятельность преобразовательного процесса. Последняя выражается и в способности оказывать полезное для себя влияние и на внешний мир.

Ни одна из вспышек российской реформации не обходилась без внешнего влияния, причем отнюдь не только духовно-культурного свойства и не только посредством перенесения и усвоения полезного опыта. Россия всегда сталкивалась с целенаправленным воздействием на себя, а нередко и с прямым вмешательством в свои внутренние дела — вплоть до интервенций. Все это было, многое же из всего этого продолжает быть.

И сегодня российская реформация идет под влиянием и даже контролем внешних сил, целеположенно сплотившихся и активно реализующихся. Не следует преувеличивать воздействие со сторо-

ны — объективное и субъективное, но не следует и преуменьшать его. Фактор имеет место быть!

Внешнее воздействие вовсе не всегда бывает вредное и разрушительное, но оно никогда не должно быть для России неконтролируемым. Контролировать надо все, в том числе и полезное, и созидательное. Ведь цель реформации — Россия, а не не-Россия!

Для современного человечества характерен всемирный объединительный процесс, и нынешняя российская реформация так или иначе связана с ним, идет под его влиянием и даже в его рамках. Избежать мирообусловленного процесса нельзя, и избегать не нужно. Важно не раствориться в нем, потеряв самостоятельность и самобытность, утратив независимость и величие. Важно и воздействовать на него, да так, чтобы выполнить задачу рождения истинной России в ходе реализации истинно российской реформации. Самоопределение по существу, т. е. по духу и истине, а не по геометрическим параметрам, хотя и не без учета последних — границы России есть границы России, ее расположенного на планете тела, того самого, без которого и дух не дух, и истина не истина.

Всемирный объединительный процесс реализуется многообразно, по преимуществу в рамках и на основе межгосударственных отношений, частично посредством наднациональных институтов. Однако в мирообусловленном процессе имеет место тенденция к моноэтатизму, все более и более противостоящая традиционно существующему полиэтатизму (в качественной оценке). Моноэтатизм — дело серьезное, отнюдь не безобидное, ибо ставит под сомнение саму государственно-этническую экологию мира, угрожает необходимому для жизни и развития разнообразию мира.

Способно ли человечество избежать моноэтатической западни? Да, если, не консервируя современный поли- или плюроэтатизм, будет идти по пути *межгосударственной и мировой интеграции*, сообщая миру потребное ему единство, но *единство в разнообразии*. Интеграция тем и отличается от слияния и смешения, что предполагает сохранение самостоятельности и самобытности объединяющихся в единое целое единиц. Российская реформация обязана иметь в виду как опасность мирового моноэтатизма, так и необходимость всемирного интеграционного процесса, а имея в виду, способствовать реализации второй тенденции, что очень важно, в максимально возможном разнообразии.

Один из путей поддержания разнообразия всемирного объединительного процесса — *региональная интеграция*. Россия в прошлом, настоящем и будущем, во всех своих исторических ипостасях — интеграционное геополитическое явление. И дело здесь не только и не столько в евразийности, сколько в российской (русскости) самого образования, называемого Россией, его принципиальной интернациональности. Несмотря на традиционную ведущую роль русского народа, его объединительную и скрепительную функцию, Россия никогда не была не только моноэтническим, но даже националистическим (при доминантном положении одного народа) государством, она всегда была полиэтническим образованием. Российская Реформация сохраняла и сохранит это замечательное свойство России, хотя сохранению этого свойства мешает сегодня спровоцированный новой волной реформации процесс дезинтеграции геополитического пространства, занятого Россией (Россией как СССР, Россией как этническим образованием, Россией как Российской Федерацией). Перед Российской Реформацией стоит задача не только сохранения интеграционной природы России, но и ее реинтеграции, причем как в рамках собственно России, так и за ее пределами — во все стороны и со всеми заинтересованными агентами, т. е. в некоторой, сейчас еще неясной евразийской окружности.

Российскую Реформацию нельзя отрывать от региональной европо-азиатской реформации, от трансформационных процессов, разворачивающихся как на территории СССР, так и за ее пределами. Практически вся Евразия захвачена крупными реформными или квазиреформными процессами. Россия, будучи мощным очагом реформации, сама находится в активной реформационной среде, интенсивно с нею взаимодействуя. *Генератор реформации в реформационном поле — вот что сегодня представляет собой Россия*. Российская реформация является во всех отношениях событием международным.

Внешний обновленческий процесс стимулирует российскую реформацию, в известной мере и качественно определяет. Он толкает к некоторым общим постановкам и решениям, но, высвечивая особенности, способствует и частным решениям. Он одновременно облегчает и затрудняет реформационную жизнь России. Внося некоторую очерченность в сложный социальный процесс, он вносит в нее и немалую неопределенность. И если отгородиться от внешней

среды нельзя и ненужно, то эффективно взаимодействовать с нею вполне возможно, но... непременно с позиций *высокого национально-государственного самосознания*.

Дезинтеграционные процессы в принципе не новы на российско-евразийском геополитическом пространстве, но сегодня они имеют ту характерную особенность, что происходят на редкость организованно («как по команде»). Нельзя не заметить, что дезинтеграция СССР стала важным условием, орудием и следствием реформации, ее каким-то необходимым роковым моментом. С необыкновенной, даже мистической, легкостью происшедший распад СССР не только породил массу проблем для каждого из так называемых «независимых государств», равным образом и для всей совокупности государств, не могущих по своей воле покинуть единое социо-политико-экономическое пространство, но и буквально вогнал российскую реформацию в интеграционную модель реализации, тем более что обеспечил искусственное разъединение русского населения, превратив часть его (22 млн так называемых «русскоязычных») в анклавные зависимые национальные меньшинства на «чужих» и даже своих же собственных территориях. Ладно бы стихийный развал, а то ведь вполне организованный, оправданный, да еще и освященный международным сообществом!

Но нет худа без добра. Организованная дезинтеграция побуждает теперь и к организованной — гораздо, к сожалению, более трудной — *реинтеграции*. Речь, разумеется, не может сейчас идти о восстановлении СССР как такового, но речь при этом не может не идти о восстановлении России в ее естественном состоянии и границах (не административных, а социоэтнических). Отсюда реформация России органично переплетается с восстановительным геополитическим процессом, а геополитическая реинтеграция становится органическим имманентом реформации. Расчет на то, что Россия останется на века раздробленной и куцей — расчет, хоть субъективно для кого-то и вожделенный, но объективно совершенно нереальный. Россия не может не то что нормально жить, но даже просто существовать в искусственно урезанном и раздробленном виде, не говоря уже о том, что в таком состоянии она не сможет осуществить реформацию и вновь возродиться. *Отныне Российская Реформация вынуждена идти путем осознанной и активной реинтеграции России, ее геополитического воспроизведения.*

И не России вовсе суждено в конце концов осознать, что она должна впредь существовать усеченной и раздробленной, стремясь к исчезновению, а ближнему и дальнему зарубежью, всему мировому сообществу придется-таки понять, что *не может быть России не-Великой и что именно Россия Великая всего более нужна человечеству.*

II

Любой реформационный проект предполагает первичный концептуальный выбор. Какие же воззренческие начала могут лечь в основание сегодняшней российской реформации? Какой может быть ее философия?

Начало первое: *социальность*. Реформация должна осуществляться обществом и в интересах общества на основе и в рамках общественного согласия. Реформы, направленные на узкоклассовые, эгоистические интересы, а тем более на интересы того или иного класса господ, — ныне недопустимы. Руководство реформами — руководство социальное, т. е. действующее ради общества в целом и под его контролем. Ни один член общества (социальный индивид), ни одна семья, ни один трудовой коллектив, ни одно действующее в обществе социальное образование не должны исключаться из активной социальной жизни, процесса преобразований.

Государственность строится и реализуется как социальная государственность, общество — как социальное общество. Основной принцип организации того или другого — органическое осуществление *единства в разнообразии и разнообразия в единстве*, т. е. возможность взаимоприемлемого сосуществования разных по качеству, но не враждебно взаимоисключающих феноменов в пределах единого общественного комплекса.

Наличие социальной дифференциации при действии механизмов сдерживания на основе критерия социальной справедливости. Предпочтение сотрудничества, взаимопомощи и взаимопользовности любым проявлениям социальной борьбы и конкуренции. Наличие функциональных социальных сословий и сословного представительства в социогосударственной организации. Предпочтение профессионально-производственных организаций политическим и идеологическим. Разнообразие собственности при приоритете ее общественных форм, свободный выбор способов хозяйствования, трудовое накопление личного и семейного богатства, возможность

наемного труда. Недопустимость спекулятивного накопления, получения нетрудовых доходов. Ограничения в наследовании собственности. Любые формы трудового хозяйствования на земле, отсутствие купли-продажи земли и ее недр. Наличие общественных и государственных институциональных и функциональных механизмов социальной регуляции.

Начало второе: *цивилизационность*. Гражданское устройство общества. Правовой порядок и господство принципа равенства всех членов общества перед законом. Гражданские свободы: деятельности, передвижения (в том числе выезда из страны и въезда в страну), места жительства, объединений, образования, убеждений, конфессий, участия в социально-политической жизни, выбора. Право на уважение личности и семьи, труд, отдых, охрану здоровья, образование, собственность, жилье, государственную и социальную защиту, участие в политической жизни. Право на обращение в суд и на защиту в суде. Независимость суда от кого-либо и чего-либо, кроме закона. Наличие гражданских обязанностей: соблюдения законов и установленного порядка, выполнения общественных и воинской повинностей, трудового образа жизни. Запрещение национальной, расовой, политической и иной дискриминации.

Начало третье: *государственность*. Государство — особое устройство общества; устанавливаемый обществом и поддерживаемый с помощью специального аппарата общественный порядок; способ организованной жизнедеятельности общества; структура организации общества. Государство — властная иерархическая организация, располагающая возможностью побуждать и принуждать, контролировать. Государство организуется обществом, но оно при этом самоорганизуется и во многих аспектах организует общество. Государству повинуются, а оно опекает и защищает. Государство необходимо, как необходимы этические нормы, право, деньги или рынок. *Негосударственных цивилизованных обществ история не знает.*

Устройство государства может быть разным, но так или иначе оно должно отвечать следующим требованиям: 1) устойчивости, 2) эффективного действия и реагирования, 3) конструктивной изменчивости. Эффективность государства непосредственно зависит от соответствия его организации и самого духа характеру, интересам и потребностям общества, в жизнедеятельности которого государство участвует. В гражданском обществе государство базируется

на принципиальном социополитическом консенсусе (согласии, договоре) относительно принадлежности всех членов общества к государственной организации, о принадлежности государства обществу и о деятельности государства в интересах всех членов общества. Устройство государства должно исключить возможность отчуждения его от общества или части общества, как и возможность установления господства государственного аппарата над обществом. Гражданское государство может строиться и осуществляться по-разному: от демократии до монархии, но оно не может основываться на диктатуре, авторитаризме, тоталитаризме.

Начало четвертое: *патриотичность*. Реформация должна носить патриотический характер, происходить в интересах Отечества, на его основе и на его принципах. Зарубежный опыт — для творческого, полезного, избирательного и самостоятельного усвоения. Никакого насильственного внедрения иноземных систем и культур, никакого руководства и патронажа из-за рубежа. Приоритет отечественных ценностей, но без диктата устаревших и отживших из них. Неукоснительное соблюдение национальных (страновых, государственных) интересов. Сочетание национального авторитета с умелыми межгосударственными компромиссами. Четкое определение национальной опасности и всесторонняя от нее защита. Государственная безопасность, признание возможности и необходимости ведения отечественной (оборонительной) войны. Никаких односторонних территориальных уступок. Государственная защита граждан России за рубежом, как и защита бывших граждан СССР, находящихся за пределами России и стремящихся к опеке с ее стороны.

Начало пятое: *интернациональность*. Реформация должна проводиться в интересах всех народов, населяющих Россию. Органическое сочетание юридического равноправия всех народов с разнообразием их фактической роли в сообществе. Никакой национальной дискриминации. Сосуществование национальных культур. Наличие национальных государственных образований в рамках общей многонациональной государственности. Признание мирового сообщества как сообщества народов, наций, рас. Равноправное и взаимопольное участие России в мировом сообществе. Признание международных организаций, равноправное участие России в их деятельности.

Начало шестое: *гуманистичность*. Господство принципа уважения личности при ее высокой ответственности перед обще-

ством. Уважение личности обществом (государством) сочетается с уважением общества (государства) личностью. Обеспечение нормального воспроизводства людей и общества в целом. Гуманистическая культура, ее доступность широким массам людей. Наличие духовных институтов. Возможность религиозного воспитания и отправления позитивных культов. Воспитание людей в духе человеколюбия, взаимоуважения и чести. Защита личности, семьи, коллектива от антигуманных и незаконных посягательств. Свобода выбора, инициативы и действий личности в пределах общественной (государственной), природной и культурной целесообразности. Всемирная поддержка принципов сотрудничества и взаимопомощи. Наличие развитых систем социальной защиты и социального обеспечения.

Начало седьмое: *экологичность*. Любая реформация сегодня не может не учитывать экологического принципа, сущность которого состоит в признании целостности мироздания, системной взаимозависимости всех его элементов. Мир меняется, но в определенных дозах — смерти и рождения. Доза — нечто количественное и качественное одновременно, экологическая мера изменчивости. Выход за пределы меры — катастрофа. Гибель одного мира и, возможно, возникновение другого. Это уже не изменение, а исчезновение, в лучшем случае — превращение с неизвестным знаком. Добротная реформация обеспечивает направленное изменение — вплоть до превращения, она является в полной мере экологичной. Такая реформация ставит перед собой задачу перехода к экологическому, т. е. гармонически устроенному, миру. Экологически устроенный мир — это мир, в котором всему жизненному находится место — личности, семье, коллективу, сословию, народу, равным образом — природе, технике, государству, обществу в целом. Все жизненное имеет свою ценность (системную ценность), все необходимо.

Экологическая реформация предполагает гармоничное сочетание самоорганизации (людей, семей, коллективов, институтов, регионов, общества) с организацией — волевым направленным действием. Реформация — отнюдь не только деяние реформатора, это прежде всего творчество общества, его самопреобразование.

Начало восьмое: *экономизированность*. Современное общество — общество экономическое. Жизнедеятельность общества основана на возмездном обмене трудом (предметами, услугами). Все

продукты, ресурсы, труд, человек, отношения — получают стоимостную (денежную) оценку. Любое дело (бизнес) опосредуется деньгами, их вложением и извлечением с приростом. Осуществляется капитальная формула организации производства ($D - T - D'$). Имеет место сложное денежное (монетарное, валютное, кредитное, фондовое, инвестиционное) хозяйство. Неэкономической организации производственного процесса в современном обществе быть не может.

Реформация обязана иметь экономический характер, равным образом и экономический результат. Она должна позаботиться об экономической (обменно-оценочной) свободе субъектов производства и потребления, с одной стороны, и эффективном денежном хозяйстве — с другой. Однако важно иметь в виду, что экономическая организация вовсе не обязательно должна быть стихийной, наоборот, для современного индустриального общества характерна высокоорганизованная (и вполне сознательно) экономика.

Начало девятое: *индустриальность*. Реформация относится к индустриальному обществу. Для такого общества характерны техника, информатика, наука. Реформация не только обязана заботиться о технической, информационной и научной вооруженности человека и общества, но и предназначена обеспечить новое технологическое развитие с целью выхода в неоиндустриальное (экологическое индустриальное) общество. Приоритетной задачей является не рост производства, а изменение его качества.

Начало десятое: *духовность*. Современная, смотрящая в будущее цивилизация не может не быть цивилизацией Духа. Антидуховность, вскармливаемая людским высокомерием и близорукостью, непримиримым материализмом и атеизмом, прагматизмом, безмерной технизацией и урбанизацией жизни, «восстанием масс», поп-культурой, дорого обходится человечеству: апокалипсис — уже реальность. Без духовного начала — и именно *положительного духовного начала*, — без его присутствия в повседневности не может быть полноценного, исторически оправданного человеческого существования, экологически нормального общественного и хозяйственного бытия, не может быть смысла жизни. Положительная духовность, идущая от Вечности и к Вечности обращенная, — анти-апокалипсис, непереносимое условие преодоления культуро-цивилизационного кризиса, охватившего сегодня «передового» человека.

Таковы воззренческие начала, могущие и долженствующие лечь в основу Российской Реформации. Все начала вполне объективны, все необходимы. Они обусловлены и продиктованы современностью — как с точки зрения потребностей, так и с точки зрения миропонимания. Они носят общечеловеческий характер, представляют ценность не для одной России. Полагаясь на них, Российская Реформация не проиграет. Но она может в конце концов и не выиграть, если не учтет специфики России, ее геополитической, генно-исторической и духовной обусловленности.

Что есть русского в России?

Первое: *пространство и местоположение*. Огромное континентальное пространство. В Европе и в Азии, между европейскими и азиатскими цивилизациями. Ни, собственно, в Европе, ни, собственно, в Азии. Сама по себе, но в то же время и непосредственно в европо-азиатском мире. В незащищенном пространстве и строгом климате. С природной неустойчивостью, но с устойчивостью пространственной и людской. Раскинутость. Погруженность в природу. Сравнительная редкость и большая неравномерность расселения людей в сочетании с тяготением к общественным (коллективным, общинным, сельским, городским) формам поселения. «Пористость» соционаселенческой ткани, ее вязкость, неопределенность. Плодотворность местоположения и пространства (возможность свободного творческого синтеза, духовного самовыражения).

Второе: *русскость*. Россия — страна русская. И дело здесь не только и не столько в преобладании собственно русского населения, сколько в особом этнокультурном типе страны, ее духе.

Россия — не Европа. В ней нет европейского индивидуализма, рационализма и активизма, как нет и европейского накопительства, конкурентности, политичности. Россия — и не Азия. Нет в ней азиатской «подетальной» социоупорядоченности, непреодолимых страт, растворения индивида в социуме, как нет и азиатской запрограммированности поведения, погруженности личности в самое себя, самоутверждающейся созерцательности.

Россия — и не смешанная Евро-Азия, хотя и имеет определенные европейские и азиатские черты.

Россия — особенна. Ее специфика в человеке — в общественной одухотворенной личности, а это уже не Европа, и не Азия, и не Евразия даже — не смесь, а особого качества человеческий и социальный материал. Личность, ибо у каждого члена обще-

ства свой замысел и вариант жизни, свое предназначение и своя возможность его реализации; личность в то же время общественная — признающая общество и перед ним ответственная, не отделяющая себя от общества, ведущая социальный образ жизни, уважающая общее (государственное) дело, уживчивая, соборная; наконец, личность одухотворенная, оказывающая предпочтение духовным, а не материальным, облагораживающим, а не просто полезным, естественным, а не искусственным, душевным, а не расщепленным ценностям, верящая в правду и желающая жить по правде, личность совестливая, отзывчивая, нестяжательная, неприхотливая, терпимая и терпеливая, жертвенная.

Русский человек — человек открытый и сердечный, он любит человека и его мир, любит просто, сразу и навсегда, не заботясь о собственной выгоде, не впадая в расчеты. Он незлобив и покладист, самокритичен. Огромное значение русский человек придает идеалу, а потому склонен верить в лучшее и чаёт совершенствования. Герои русских преданий — люди нравственные, альтруистические, порядочные, а устройство общества по тем же преданиям — справедливое.

Для России не типична личная борьба за богатство, его безудержное накопление, не типична и узкая потребительная предопределенность. Для русскости всего более характерно стремление к личному и семейному достатку, добываемому своим трудом, в сотрудничестве, по справедливости. Неправедно нажитое богатство и эксплуатация — большой на Руси грех. Русская цивилизация — цивилизация неденежная, не признающая деньги за святыню, скорее относящаяся к ним как к неизбежному злу, но которое можно облагородить. Духовность, справедливость, совесть — выше деяния.

Русские — государственники, но не политически, как в Европе, и не по внешнему понуждению, как в Азии, а по зову души, инстинктивно. Русские не просто участвуют в государственной жизни, не просто признают государственную власть, но верят в государство. *Государство, как и Родина, — величайшая у русских ценность.* Государство — защитник русского человека, а русский человек — защитник государства.

Русский народ — народ верующий: в правду, добро, справедливость, воздаяние. Верит русский народ, вопреки десятилетиям принудительного атеизма, и в Бога. Не слишком привязан русский

человек лишь к религиозной догматике, хотя признает и уважает Православную Церковь. Для русских не характерны ни религиозная назидательность, как у некоторых европейцев, ни растворение в религии, а тем более религиозный фанатизм, как у некоторых азиатов. Для русских всего более характерно утверждение нравственности, а вместе с этим — вера в Ближнего, в Родину-Русь, в Жизнь.

Русскость — это самый настоящий интернационализм. Русским может быть любой по крови человек. Главное в русскости — не кровь, а духовность, самоощущение, культурная принадлежность. Не зов крови, а зов души. И если говорить о генной обусловленности, то обусловленности характерной, поведенческой, нравственной.

Русский характер весьма противоречив, он соединяет в себе, как никакой, наверное, другой социоэтнический характер, крайние противоположности. И обусловленность такой противоречивости гораздо глубже и содержательнее, чем пресловутый европо-азиатизм.

Русские — естественные наследники, носители и будущие проявители какого-то особого понимания мира и положения человека в нем — русский не хочет ни господства над миром, ни подчинения себя миру, он жаждет гармонии с миром, но знает (здесь срабатывает как его текущий опыт, так и социогенетическая память), что постичь эту гармонию можно (может, и нельзя!) разве только ценой апокалипсического катарсиса (испытания — болезни и выздоровления).

Сознавая тайну мира, русский не хочет ни закрывать на нее глаза, ни обмануть ее и себя, ни формально разрешить.

Русский не имитирует мир, а живет в тяжком реальном мире, страдая. Жизнь думающего и чувствующего русского — сплошное переживание, одобряемое поиском и надеждой. Русский человек — безусловный и неисправимый романтик, чему сильно способствует незаданность, незапрограммированность русской жизни, ее внутренняя свобода. Смысл жизни для русского — не в совершенстве ее организации и не в материальном благоустройстве, а в духовной полноценности, в поиске самого смысла жизни. Делание человека — выше делания мира. Русский не может до конца отдаться никакой конструктивной иллюзии, он предпочитает страдательные реалии, время от времени поддаваясь на иллюзии деструктивные. Разрешая вечные истины, русский живет, иногда бросаясь из край-

ности в крайность, в ожидании той великой гармонии, в рамках которой и стоит только жить.

А пока лишь соединение противоположностей, сложный социоэтнический характер.

Излишняя доверчивость, неоправданное простодушие, чрезмерная покорность. Неумение, а иногда и нежелание постоять за перспективные, а часто и насущные интересы: личности, семьи, коллектива, государства. Ненужная уступчивость. Поведенческая неустойчивость, нерасчетливость, непредсказуемость. Стихийность. Неучет меры. Склонность полагаться на случай, судьбу. Излишняя рефлексивность. Недопустимая инертность. Склонность создавать искусственные препятствия, порождать трудности. Недостаточная организованность.

Однако высокая смекалистость, изобретательность, склонность к творчеству. Стойкость, мужество, отвага. Щедрость. Умение эффективно действовать в нестандартных и чрезвычайных ситуациях. Великая способность к состраданию и всепрощению. Громкий духовный потенциал.

Сказанное о русском характере не означает сплошной и глубокой социопсихологической раздвоенности русских. В массе своей русские люди отличаются как раз завидной цельностью натуры, восходящей к изначальному природному единству и православной духовной гармонии. Иное дело — положение русского человека и его характера в современной индустриальной, городской, перематериализованной культуре, их погруженность в стихии и перипетии нового и новейшего времени, участие в сложной и неоднозначной, страдательной судьбе России. Исходная цельность характера сочетается с нажитой противоречивостью, даже раздвоенностью: ничего удивительного в этом нет — Россия живет от искуса к искусу, от испытания к испытанию.

Раскрытие русскости — выявление специфики, а не превосходства. Русские не лучше и не хуже других. Каждый характер хорош по-своему, по-своему, наверное, и плох. Выявление специфики — обнаружение характерных доминант, а определение и учет доминант — верное средство выйти на приемлемый реформационный путь.

Третье: *соборность*. Социально-единительный образ жизни и действий, потребность в согласии, склонность вести дела сообща, следование общему курсу. Проявляется как в действии социальных

институтов: общин, советов, артелей, трудовых коллективов, церкви, партий (яркий пример — практика КПСС), так и в способности людей спланироваться, совмещаться, взаимоприспосабливаться, искать общую правду, находить взаимопонимание, координировать поведение, действовать по подобию и даже единообразно. Высшее проявление соборности — духовное единство, единство в истине и любви.

Соборность — не стадность вовсе, это — осуществление сообщества, и не господство общего над индивидуальным, а органическое сверхличное единение, участие в общем деле и переживании, братство.

Имея некоторое сходство с демократией, проявляясь в ней, соборность таковой не является. Соборность реализуется и без демократии, при монархии и даже диктаторах. Соборность — не власть народа, хотя она может показать себя и в народовластии, а особое бытие народа, общества и государства. Демократия способна осуществляться и без соборности — в условиях крайнего индивидуализма. Демократия вообще и соборная демократия — не одно и то же: если первая довольствуется механическим большинством, то вторая тяготеет к органическому единодушию.

Соборность — исторический факт, со всеми его бытийными следствиями: она возвышает человека, делая его сверхиндивидуальным, дружественным и социально терпимым, но и — при плохом исполнении — принижает, ослабляет личную ответственность и инициативность, поощряет инертность и иждивенчество.

Четвертое: *единоначалие*. Российская государственность имеет тысячелетнюю историю. Это говорит о высоком государственном инстинкте русского, прежде всего, русского народа, его умении строить и защищать государство. История государства русского отнюдь не безоблачна: были кризисы и даже крушения, но государство всегда возрождалось — как феникс. Возрождалось измененным, но... подтверждающим свое стремление к единоначалию, в классическом выражении — к монархии.

Единоначалие спасало российскую государственность, укрепляло ее, делало практически неуязвимой перед лицом внешнего противника. Оно позволяло решать многие государственные задачи, требующие принудительного стягивания и распределения ресурсов, централизованных решений, неукоснительного исполнения. Справлялось оно и с поддержанием внутригосударственного поряд-

ка, социально-гражданского мира. Но единоначалие объективно сдерживало личную, коллективную и местную инициативу, в особенности — экономическую, игнорировало разнообразие общества, принижало личность, социальные слои, периферию, допускало произвол, вело себя консервативно, не замечало новизны, противилось обновлению. Отрывалось, самодовлея, от реальности. Обюрокращивалось. Устаревало, впадало в геронтократию, слабело. Теряло эффективность. Допускало коррупцию и разъедалось ею.

Способствовало единоначалие в конце концов и развитию в недрах общества разрушительных сил — антигосударственных, антипатриотических, дезинтеграционных (центробежных), аморальных (преступных). Вынуждало подниматься и охранительные силы, ставящие задачей предотвратить разрушение государства, общества, культуры. Вызывало к жизни и преобразовательские силы — от законных реформаторов до незаконных революционеров. Допускало и вызывало смуту, «холодные» и «горячие» гражданские войны. Терпело крах.

Из смут единоначалие выходило с помощью... опять же единоначалия, ибо только единоначалие могло преодолевать смуту, разумеется единоначалие обновленное — не столько, быть может, по сути, сколько по форме выражения и способу реализации. Выход из смут, обусловленных во многом единоначалием, с помощью единоначалия означал и выход на историческую арену... единоначалия. Круг замыкался: от единоначалия к единоначалию. А далее разражался новый кризис единоначалия — замыкался и этот круг. Формула исторического бытия единоначалия — формула цикла.

Единоначалие на Руси — историческая данность и, судя по всему, объективная необходимость. Русскость нуждается в авторитетном руководителе, незыблемом гаранте, чутком и справедливом защитнике. Не любя чиновника-бюрократа, русскость признает Верховного Правителя, верит в него. Плохого в этом ничего нет, хотя налицо и серьезная уязвимость. Вера способствует повиновению, а повиновение — произволу либо ничегонеделанию, коррозии, затяжной агонии. Чего не хватает на Руси, так это народовластия, контроля снизу и нижней инициативы, того, что обычно называется представительной властью.

Пятое: *раскол*. Нигде в мире данное слово не имеет такого самодовлеющего, драматического значения. Для российского общества характерно практически постоянное, то ослабевающее, то уси-

ливающееся социокультурное разъединение — раскол. Это вовсе не классическое единство противоположностей, это — сосуществование несводимых к органическому единству разностей, сосуществование трудное, болезненное, нередко враждебное.

Причин тому множество: и раздвоенность между Европой и Азией, и внешние влияния, и противостояние им, и неустроенность российской жизни, и сама русскость с ее запрограммированностью и возможностью крайних предпочтений. Быть русским — не по крови, а по предназначению, — совсем не легко: ни спасительной европейской рациональности, ни спасительной азиатской предопределенности. Российские социогосударственные скрепы не идут в сравнение с иноземными — предоставляя большую свободу, они предоставляют и большую невозможность. Всюду и всегда сопротивление. И всего труднее — делание. Оно требует характера, стойкости, даже героизма. Российский социум весьма коварен: с одной стороны, восприимчивость и податливость, с другой — противленность и отторжимость. Россия сохранит слабого, но сильному просто так воли не даст. Все — по правде, а где она, эта правда, кем, как, по каким законам писана? У каждого ведь своя правда.

Русь, она на то и Русь, чтобы правду особую иметь, да еще и с великой тайной сопряженную. Но Русь не была бы Русью, если бы имела лишь одну правду — на всех. Не было этого, нет, да и вряд ли будет. На Руси правду не имеют, даже не создают, ее ищут, ибо правда русская за пределами ума человеческого и выше намерений смертного. Правда — не уложение, а истина, а что это такое — истина?

Раскол от разных правд идет, но правд упрощенных, однобоких. Как только решение бывает найдено (вроде бы истинное), так и раскол тут как тут, ибо на одну правду обязательно найдется другая — прямо противоположная. Русскость допускать не просто различные, а прямо-таки «наоборотные» решения, следуя за которыми очередного раскола — при русской-то жажде истины — не избежать.

Расколов на Руси великое множество. Расколов-событий, расколов-состояний, расколов-тенденций.

1) *Раскол на Россию и не-Россию*. Речь идет не просто о русской и нерусской культурах, тем более не об отечественной и зарубежной культурах, хотя влияние нерусских и иноземных культур на раздвоение России, на противостояние России и не-России, без-

условно, есть. Речь идет в данном случае о русскости и нерусскости в пределах самой русскости или, иначе, — о русскости с положительным знаком и русскости с отрицательным знаком.

Русскость — не удовольствие, не доход, не выверенный маршрут, это, скорее, — неопределенность, тяжелая ноша, затрата. Русскость — это крест. Быть русским, т. е. реализовать себя в качестве русского, не каждый захочет, не всякому это дано, не каждому под силу, да и далеко не от всякого это требуется. Россия сортирует и делит русских на русских и не-русских, на представителей России и представителей не-России. Последние наполняют ряды «иностранных», неудовлетворенных критиков (хулителей), эмигрантов. Самое престижное для них — жить за границей, желательно, в европейском образе. Но и у сторонников России не все гладко: имеет место феномен «надрывного», «непримиримого», да и просто показного патриотизма. Крайности сходятся.

2) *Раскол культурно-идеологический*. Известны разные расколы данного типа: церковный XVII в. (старообрядцы — новообрядцы), петровский XVIII в. (цивилизаторы — варвары), атеистический с XVIII в. (верующие — неверующие), чаадаевский с первой половины XIX в. (консерваторы — радикалы), революционный XIX—XX вв. (консерваторы — реформаторы — революционеры), большевистский после 1917 г. (коммунисты — некоммунисты — «враги народа»), солженицинский с 1960-х годов (социал-консерваторы — диссиденты), горбачевский с 1985 г. (социал-консерваторы — социал-радикалы), ельцинский с 1991 г. (патрио-консерваторы — евроамерикано-радикалы). Главное во всех этих расколах — отсутствие общенациональной конструктивной культурно-идеологической платформы, наличие непримиримых (или трудно примиримых) противников.

3) *Раскол по вертикали*. Он касается социовластной иерархии и выражается в противостоянии аппарата власти и народа, «верхов» общества и его «низов». От властного аппарата на Руси обычно ничего хорошего не ждут, его «бежат» (чем меньше контактов с ним, тем лучше). Слишком много возможностей в России бывает для произвола и ничегонеделания одних, для незащищенности и зависимости других. При необыкновенной неприхотливости и терпеливости русского народа, властный аппарат легко отчуждается от него, закрывается в себе, игнорирует чаяния народа. Ни одна из

властных систем, бытовавших в России, не избежала данного порока, в том числе и нынешняя «демократическая».

Не лучше обстоят дела и со взаимоотношениями «низших» и «высших» слоев общества. Господ на Руси не любят, их видят, терпят — до поры, но не любят. И господа не очень-то стремятся к сближению с народом — им проще игнорировать его, обособиться, чувствовать себя иными. Дело доходит до своеобразной аристократической эмиграции внутри России.

Разумеется, реальная жизнь сложна, есть на Руси и другие варианты реализации социовластной иерархии, варианты, основанные на согласии и взаимопонимании, но не они являются, к сожалению, определяющими. Противостояние, о котором идет речь, имеет место всегда и преодолевается более вынужденно, чем органически естественно. Россия — не Европа, где «богатые» и «бедные» признают друг друга и лишь «цивильно» конкурируют за кусок национального пирога, и не Азия, где никто не оспаривает хитроумного деления на господ и негоспод — по причине освящения его Богом и Традицией.

Российский раскол по вертикали — дело нешуточное. Всякое легкомысленное отношение к нему жестко наказывается. Бунт на Руси не менее свят, чем покорность.

4) *Раскол по горизонтали.* Связан с тенденцией к геополитической дезинтеграции и национальному сепаратизму. Стимулируется противостоянием центра и периферии («все зло от столицы»). Подспудно он имеет место всегда, наружу же выходит во время кризисов, революций, войн. Ярчайшее свидетельство — гибель СССР в период «перестроечной» смуты и образование сонма «независимых государств», даже не «республик».

5) *Раскол нравственный.* На Руси издавна делят людей на две категории: на живущих по правде, по совести, т. е. на людей, и на живущих по лжи, по корысти, т. е. на нелюдей, причем делят решительно — моральный кодекс русскости не только не оправдывает живущих «не по-человечески», но и не допускает никаких компромиссов. Разумеется, за мораль никто никого не преследует, но печать каинова ставится обязательно. В переломные же моменты, в часы испытаний вершится суд — нелюди сами себя разоблачают, получают и наказание, хотя, конечно, более в желаниях людей, чем фактически. Однако обнаружение — уже наказание.

Раскол, о котором идет речь, не играет заметной роли, это более скрытый, чем открытый феномен. Но и он имеет свое значение, ибо определяет по-своему жизнь общества, людей, объясняет многие события и факты, в частности непримиримость позиций — трудящегося, например, и торгаша (не торговца, а торгаша). Особенно сильно проявляется нравственный раскол в периоды гражданских конфликтов, когда появляется возможность напрямую следовать морали — праведной и неправедной.

б) Шестое: *интеллигенция*. Во всех странах люди умственно-го труда, хранители и создатели духовных ценностей, деятели искусства и литературы, служители культов, носители уникальных знаний, наконец, просто высококвалифицированные специалисты, но нигде, кроме России, они не составляют особого сословия, имеющего специфическую, не сводящуюся к чисто профессиональному аспекту, социальную функцию — быть совестью нации.

История показывает, что интеллигенция играла и играет неоднозначную роль. Далекое не всем служителям духа дано выполнить трудную миссию — разве лишь некоторым (Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, Карамзину, Пушкину, Достоевскому, К. Леонтьеву, И. Ильину). Интеллигенции свойственны колебания и «заносы», она слишком оторвана от реалий жизни, отчуждена от народа, сама является источником и жертвой расколов. Интеллигенция отражает противоречия общества и сама дышит противоречиями. И если она — совесть нации, то во многом и совесть больная.

Русская интеллигенция демонстрирует все — критицизм, обличительство, сатиру, т. е. все то, что как будто бы соответствует выпавшей на ее долю миссии, но она почему-то забывает, что совесть — не одно разрушение, это еще и созидание, и не созидание вообще, а органичное русскости и России, окружающим реалиям.

Интеллигенция — знамение и знамя России, но это и ее большая проблема. Сначала атеизм и нигилизм, затем революция, марксизм и большевизм, затем антикоммунизм, богоискательство и евроамериканизм. С одинаковой страстью «несли» царизм, православию и «Расею», верили в мировую революцию, социализм, Сталина, с той же страстью судим теперь коммунистов, Советы и даже СССР. И что интересно — результаты все время какие-то не те, ошибка налезает на ошибку. Интеллигенция — достояние России,

хотя, быть может, и не достоинство, в чем-то ее благо, а в чем-то и беда.

7) *Седьмое: неоформленность.* У России нет законченной формы, полной и несомненной организации. И это несмотря на имперскую монархию и административно-тоталитарный режим большевиков. Россия как бы примеривает на себя разные государственные одежды — часто и не по своей воле, — не удовлетворяясь до конца ни одной из них. *Россия — это, скорее, не форма, а поиск формы, процесс формообразования.*

Любопытно, что смена форм наступает в моменты формального благополучия, кажущейся адекватности существующей формы самой сути России: так было перед Петром, Лениным, Горбачевым. Более или менее воспринятая, окультуренная, ставшая вполне миролюбивой форма вдруг объявляется плохой, ненужной, устаревшей, взрывается и уничтожается, но лишь для того, чтобы уступить место другой — непонятной и дикой, еще более далекой от России форме, которую вновь нужно через тяготы и лишения, трения и борьбу — окультуривать да приспособлять, делать российской. Странная закономерность. И она действует — даже несмотря на тот неоспоримый факт, что всякий отход от окультуренной формы и ее культурного же реформирования жестко и неумолимо наказывается. Измена России неотвратимо влечет тяжкое возмездие. Так было после Ивана IV (Великая Смута и гибель половины населения страны), после Алексея Михайловича (петровский разор), при Александре I (дошли до декабризма и едва избежали гражданской войны), после Николая II (две революции и затяжная гражданская война — практически до начала 50-х годов).

А ведь не сбросы форм и не навязывания форм нужны России, а выработка своей формы из своей же, уже окультуренной формы, — имманентная реформация нужна России, не скоропалительные же переодевания из плохого в худшее.

8) *Восьмое: православность.* Россия — страна Православия и страна Православная. Русский человек — православный человек. Православность — не только и не столько (сейчас!) религиозно-церковная принадлежность, сколько идеокультурная особенность, духовно-нравственная ориентация, этическая установка. По истокам своим православность — жизнь со Христом и во Христе, движимая Духом Святым; по намерениям — жизнь в любви, правде и соборном единении; по цели — жизнь, устремленная к добру, свету, Богу;

по средствам — жизнь во спасение, через преодоление греха, посредством самоусовершенствования; по состоянию — жизнь в свободном единстве с вероучением. *Святая жизнь.*

Россия — *Святая Русь*, Святая Русь — Россия, живущая православно, по Закону Божьему, для Бога. Таков исторический образ и таково историческое предназначение России. Отсюда и постоянное испытание: искушением внешним и искушением внутренним.

Россия — объект и субъект Добра, она же — объект и субъект Зла, Православность — Крест, великое обретение и великая миссия, великая жертвенность.

Ни атеизм, ни материализм, ни прагматизм не смогли уничтожить православность России, не смогли этого сделать неправославные религии и культуры, как и прямые антиправославные деяния. Православность — глубокое органическое свойство России, ее истинная природа. Даже в практической своей неправославности, греша, Россия остается православной: о добре и правде не забывает, а, злу и лжи потакая, кается.

Православность — образ жизни, ее главный критерий, но и ее Сверхзадача.

Девятое: *тайна*. Россия — тайна. Все в ней неясность, все загадка. Копытится что-то, варится, бродит. А что, собственно? Что это такое — Россия? Страна, нация, государство, а может, просто фантом? И страна, и нация, и государство, но и... фантом, однако фантом — идея, замысел, предназначение, недоступное уму человеческому, против него высшее. Что-то важное, ищущее разрешения. Нездешнее. *Признать и постичь Россию — признать и постичь ее Великую Тайну.*

III

Кризис, поразивший СССР в 1980—1990 годы, сложен по своему характеру и обусловленности.

Во-первых, *это кризис социогосударственной системы*, установленной в бывшей Российской Империи в итоге революций 1917 г.

Данная система получила статус и наименование социалистической. Ее отличало практически тотальное огосударствление собственности, социальных отношений, культуры. Страной руководила единственная и единая партия-структура — большевистская коммунистическая партия (РКП (б), ВКП (б), КПСС). Имела место

партократия. В организационном отношении господствовало администрирование, в экономике — административно-плановое (директивное) управление (сверху вниз). Всюду действовал принцип единоначалия, даже в КПСС. Руководитель Коммунистической партии был и главным руководителем страны.

Партократическая административная система имела свои преимущества и достижения: способность мобилизовывать, централизованно распределять и целенаправленно использовать национальные ресурсы для решения ряда общегосударственных стратегических задач, прежде всего военно-промышленных, — итогом стали индустриализация страны, высокое развитие некоторых отраслей тяжелой промышленности (в первую очередь, военно-промышленного комплекса — ВПК), могучая и великолепно оснащенная армия, всеобщее народное образование и высокоразвитая наука, многостороннее социальное обеспечение населения (в том числе жильем), достаточный и весьма стабильный материальный уровень жизни, доступное здравоохранение, поддержка культуры и спорта.

Но был у партократической административной системы один трагически существенный изъян — *отсутствие полноценной свободы и полноценной ответственности (самоответственности) со стороны членов общества, семей, коллективов и регионов в собственническом, организационном, функциональном и культурном отношениях*, что в конце концов обернулось *сначала недостаточной, а затем и просто низкой творческой инициативностью и трудовой производительностью, гражданской инертностью, общекультурной деградацией, духовной неудовлетворенностью, политическим неудовольствием.*

Большевистская социогосударственная система складывалась с огромным трудом и масштабными потерями, конфликтно, в борьбе и войне, кроваво. Ее становление оплачено дорогой ценой. Иного и не могло быть, если цель была поставлена «круто» — за одно-два десятилетия перевернуть страну, сделать ее принципиально другой, да еще и по тоталитарной, т. е. самой примитивной социалистической (социалистической ли?) модели. Дорогая цель потребовала и дорогих средств — даже не переделки и перевоспитания, а полного разрушения и нового — по плану — строительства. Разрушали и строили индустрию, разрушали и строили страну, разрушали и

строили культуру, разрушали и строили человека. Одним словом — гигантский эксперимент.

Цена экспериментального разрушения и строительства велика. И дело не только в прямых затратах и потерях, есть еще и несбывшееся, несостоявшееся, заранее утраченное, а есть еще и обеднение будущего, его стерилизация, опошление. Разрушая, закладывали будущую невосполнимую пустоту, строя, пустоту эту лишь оформляли. Пустота — подобие жизни вместо жизни, бессодержательное существование, манкуртство. Такая пустота воспроизводилась, накапливалась, расширялась — сначала подспудно, а затем все более и более явно.

И как только критическая масса оказалась достигнутой (считай, через три поколения на четвертое), т. е. социум стал вполне асоциальным (нежизненным, самоотрицающимся), кризис большевистской социогосударственной системы, несмотря на ее известную уже окультуренность и благообразность, а то и благодаря им, не смог не стать историческим фактом. Внутренняя противоречивость системы намертво сомкнулась с противоречивостью внешней (несоответствием системы потребностям нормальной жизни) — опустошенная система посопротивлялась несколько, да и рухнула.

Нанеся России и русскости мощнейший, коварный и непоправимый разрушительный удар, большевистская система, несмотря на попытку как-то приспособиться к остаткам отечественности, не смогла обрести для себя, вопреки трудовой поддержке миллионов и массового признания идеи и даже практики социализма, необходимого основания в обществе, пустить животворные корни. Измена России и русскости, наряду с игнорированием права людей на собственную инициативу и ответственность, дорого обошлась системе, обернувшись ее полным крушением, причем, любопытно, от своего же собственного руководства и от самой же себя — от России ее никто ведь и не трогал.

Во-вторых, кризис СССР, хотя и не был кризисом собственно России — Россия давно уже не определяла социополитическую ситуацию в Отечестве — имел, однако, известную *российскую определенность*.

СССР — наследник Российской империи, но наследник не просто «незаконнорожденный», не по российской воле и мерке скроенный, а еще и наследник-противник, нанесший России не один разрушительный удар, ввергнувший Россию и русскость в состоя-

ние перманентного кризиса. Коммунистическая система строилась и существовала за счет России, на ее развалинах и болящем организме. Рано или поздно, но кризис России должен был вылиться в кризис СССР, всей его социогосударственной системы. Кризис СССР — своеобразный кризис-возмездие, суровый отклик на революционные деяния большевиков. *Удар по России обернулся ударом по СССР.*

Россия, ушедшая как бы в глубь цивилизации, называвшейся СССР, долго все же терпела и даже спасала коммунистическую систему. Неся на себе СССР, постепенно его «переваривая», Россия не только позволила ему существовать, но и обеспечила более или менее спокойное вползание в собственный кризис. Огромная ресурсная и созидательная мощь России, ее терпимость и отзывчивость, неприхотливость — все это позволило «прилично» существовать коммунистической системе вплоть до «судьбоносного» 1985 г., сохранить инерционную энергию и до переломного 1991 г. Более того, Россия давала системе великий шанс самой выйти из кризиса, существенно преобразиться. Однако система им не воспользовалась — и не по причине своей дряхлости, а вследствие принципиальной невозможности решительно, основательно и навсегда двинуться навстречу России, признать ее право на свободное — российское — существование. Система, будучи в основе своей не российской, ничего не могла придумать лучшего, чем в очередной раз изменить России: курс был вновь взят на Запад. Не найдя отклика у коммунистических верхов, Россия, безмолвствуя, предоставила порочной системе возможность свободно плыть по течению кризиса — до конца.

Кризис СССР — очередной кризис распростершейся в Евразии цивилизации. СССР не смог избежать традиционного для этого региона сброса социогосударственной формы — навязанной опять же формы. И в этом смысле кризис 1980—1990 гг. является российским.

В-третьих, кризис СССР обусловлен *кризисом идеи*. Речь идет, безусловно, о коммунистической (или социалистической) идее. И суть дела свелась не столько к самой идее, хотя многие ее не воспринимали вообще или воспринимали скептически, а к невозможности воплотить идею в жизнь, к несоответствию реальности утвержденной идее. Образ и устройство жизни лишь по названию определялись коммунистическими (социалистическими). Толь-

ко отдельными чертами они напоминали идею. Иного, собственно, и не могло быть, ибо насильственно утвердить коммунизм (социализм) нельзя, как нельзя и абсолютизировать его исходные установки, доводя их до абсурда. Нельзя сказать, что идея вообще не работала, она работала, и даже весьма успешно, в том числе и не всегда до конца осознанно, но, по мере достижения коммунистической системой зрелости, идея работала все хуже и хуже, а реальность все более и более заворачивала в сторону от идеи. Вера в коммунизм — или, во всяком случае, в социально справедливый коллективистский строй — была подорвана, а затем и практически утрачена. Это было, пожалуй, самое чувствительное и наиболее важное поражение коммунизма (социализма), а следовательно, и СССР.

В-четвертых, кризис СССР — *кризис материально-потребительский*. Несмотря на относительно удовлетворительное решение части житейских проблем, советско-социалистическая система, занятая гигантскими внешнеполитическими и техническими задачами, бросившая основные силы нации на гонку вооружений и прорыв в космос, не смогла, а в чем-то и не хотела уделить достаточного внимания материально-потребительской стороне производства общества, семьи, человека, не создала характерного для современного индустриального мира набора потребительских благ и условий жизни, не позволила трудящемуся человеку обрести устойчивый и разнообразный достаток, высокий уровень текущего потребления, полноценный в вещественно-потребительском аспекте образ жизни. Система проигнорировала императивы потребительского масс-общества, за что и была наказана (немалая часть населения изменила системе буквально за блага-побрякушки).

В-пятых, кризис, поразивший СССР, выходит за рамки, собственно, СССР и даже мирового социализма — это *кризис современной мировой — западно-индустриальной — цивилизации*. Это кризис практически всех идей, начал и ориентиров, заложенных в европейский вариант развития человечества: индивидуализма, эгоизма и свободы деяний; рационализма и позитивизма, протестантизма и атеизма; богатства и его накопления; денежности и «купли-продажности»; материализма, техницизма и индустриализма; производства и потребительства; конкурентности и экспансионизма. Всеобщая и неограниченная эксплуатация мира, его искусственное материально-информационное перенасыщение, потребительское

пресыщение и культурно-психическая деградация — таковы результаты капитало-индустриального европеизма.

Внешнее технико-потребительское благополучие Запада серьезно скрывает, но отнюдь не снимает и даже не оправдывает кризиса, его охватившего. Высший расцвет — начало упадка. Если в течение полутысячелетия — с XV в. — западноевропейская капиталистическая цивилизация тянула на себя соки всего мира ради своего собственного развития (при общем убеждении в неограниченности ресурсов и экологической безопасности природы), то сегодня она вытягивает соки для своего и только своего сохранения, хотя и не лишённого внутренней пластичности (при обнаружении ограниченности мировых ресурсов и явной экологической уязвимости природы). *Империализм развития сменяется империализмом сохранения.*

Цивилизация активно стремится к полному освоению мира и по-прежнему нуждается в войнах, причем не столько в классических империалистических (ради экспансии, захвата, грабежа), сколько в модернистских империалистических войнах (для внутреннего подкрепления, против возможного врага, против иной, даже вероятной цивилизации). *Допинго-разрушительная цивилизация.* Смерть ради смерти — не ради жизни. Яркий показатель упадка — культурно-информационный империалистический тоталитаризм. Мифологизированная навязчивость, догматизированное и пошлое просветительство, затейливая, но не загадочная улыбчивость. Добро, приносящее зло, зло, сеющее зло.

Спрашивается, причем же здесь СССР?

Возникнув в лоне общемирового революционного процесса как формальное отрицание западной частно-буржуазной цивилизации, утвердившийся в СССР строй оказался всего лишь ее утопически упрощенным отрицательным (наоборотным) — общественно-пролетарским — двойником. Он базировался на тех же в сущности «измах», за исключением индивидуалистского эгоизма, частного капитализма и стихийной рыночности, замененных соответственно эгоизмом государственным, общественным капитализмом (так называемым социализмом) и тотальной планомерностью. Советский социализм оказался отрицательным по отношению к западному варианту подвигом индустриальной — тоже западной — цивилизации, но подвигом насильственно утвержденным, искусственным, незаконнорожденным. Особенность его сводилась не к сущно-

сти, ибо это был все тот же западный индустриализм, а к механизму реализации: там самоорганизующаяся масса конкурирующих буржуа, здесь организованная центральной волей масса трудящихся.

Каким бы безнравственным и отвратительным ни выглядел ранний и даже зрелый капитализм, он был достаточно естественен по образу развития (в порах общества) и достаточно подходящ для Европы. Что же касается советского социализма, то он не был и не мог быть сколько-нибудь органичным обществом, а потому развивался как нечто противоестественное. Отсюда и крайние формы его кризиса. Гиперболизированная индустриализация с гиперболизированными же отрицательными следствиями. Кризис СССР — кризис гиперболизированного индустриализма. Это кризис западной цивилизации, но в ее извращенном, акцентированном, флюсовом воплощении. Столь негативных следствий индустриализма нет нигде в мире. Наш кризис — кризис не просто индустриализма, а индустриального уroda, а потому и происходит в очень уж причудливых формах.

Наш кризис и их кризис.

И не только потому, что все в этом мире взаимосвязано, что мы часть «ихнего мира», а потому, что наш кризис, во-первых, рожден их цивилизацией и ее всеобщим кризисом (безвыходностью), во-вторых, знаменует начало крушения антиприродной и античеловеческой (не в бытовом, конечно, смысле) цивилизации. Крушение началось с уroda. Очень важный факт. Урод не выдержал первым, да и слишком уж смущал своего западного родителя, страшал, а потому и был аккуратно подставлен под всеокрушающий развал. К тому же, надо полагать, и миссию свою выполнил — отдал все силы военному индустриализму, выходу человека в космос, равным образом и загадочному социальному эксперименту. Техника, в том числе космическая, создана, эксперимент проведен — и отнюдь не без успеха. Методы опробованы, результаты превзошли всякие ожидания — иная цивилизация — от России — не возникла, источник же ресурсов остался.

Умный Запад попытается, конечно, ослабить отрицательные влияния советского кризиса на западную цивилизацию, избежать собственного крушения. Он будет стараться всячески измениться, стать постиндустриальным, будет добиваться для себя глобального экологического равновесия. Но, во-первых, по западным устоям уровень жизни и потребления уже не может падать; во-вторых, за-

падная цивилизация, а точнее, ее ядро, не может допустить развития ни себе подобной, ни иной по качеству, но равновеликой цивилизации (места нет, ресурсов нет, да и прямая угроза есть); в-третьих, для саморазвития ресурсы нужны, а в ядре их нет (не хватает), они за его пределами. Выходит, исполнение замечательного намерения связано с увеличивающимся энергоинформационным потреблением, эксплуатацией всех резервов планеты, а потому с колониальным подчинением планеты цивилизационному ядру, американизации социальной среды (созданием псевдоамерик), разрушением любых неамериканских (либо просто неконтролируемых Америкой) культур и государственных образований. Саморазвитие цивилизационного ядра обусловлено наращиванием цивилизационной (колониальной) периферии. Затеяливая мутация ядра в разрастающейся мировой пустоте. Вот оно — современное цивилизационное суперпротиворечие!

Противостояние постиндустриального ядра (США плюс, возможно, еще кое-кто из семерки) всему остальному миру неизбежно, и именно это противостояние будет определять в обозримом будущем планетарную жизнь. *Кризис западной цивилизации породил кризис мира.* Кризис СССР — часть, следствие и функциональный момент кризиса мира, его, быть может, самый замечательный на сегодня знак. Миру ничего не остается, как признать факт кризиса мира. Противостояние постиндустриализма остальному миру выльется в противодействие, пассивное и активное сопротивление. Впереди борьба. По миру бродит призрак Третьей мировой войны. Бывшему СССР, всем этим «независимым государствам», в стороне от нее не остаться. А пока... а пока участь не двойника даже, а придатка.

В-шестых, кризис СССР — *кризис спровоцированный.* При всей объективной обусловленности кризиса СССР, нельзя забывать, что данный кризис в значительной, а для исторического момента, возможно, и в решающей, степени сделан — именно сделан, как делают стол, плуг, автомобиль. Данный кризис загодя и самым тщательнейшим образом готовился: и здесь, и там (там, надо полагать, даже более, чем здесь). Ждали ухода одного поколения и прихода другого — совсем иного по качеству — поколения. И дождались. Расставили своих — наверху и в центре, организовали информационное поле, подобрали слова. И процесс (проект) пошел. Разбили СССР изнутри и сверху.

В-седьмых, кризис СССР непосредственно связан с *качеством социума*. «Перестроечные» годы выявили удивительнейшую неполноценность (если не сказать жестче — ублюдочность) советского социума. Не надо многих слов, чтобы утвердиться в печальном заключении — достаточно еще разок припомнить «национальных» лидеров, депутатов и парламенты, офицерское собрание и маршалов, митинги и митингующих, «свободную прессу», ТВ, «демократические выборы», «шокотерапию», «директорский корпус», шахтеров, торговлю, милицию, КГБ, «партии», КПСС, «путч» — все, что угодно, и всякое сомнение в безрадостном выводе исчезает. Все уродливо, все в кавычках. Ни государственных руководителей, ни государственных масс, ни государственных слуг. Государственность выветрилась, испарилась, ее просто нет. Асоциальный социум! Тот самый, который никак о себе не заявляет, ни на что не претендует, ни за что не ответствен, который не заинтересован даже в собственном сохранении. Вот где трагедия, вот где насмешка, вот он — исторический феномен! И какой же тут простор для манипуляций и экспериментов, самовозгорающихся и возгораемых кризисов!

В-восьмых, кризис СССР является *кризисом апокалипсическим*. Наш кризис — это наш кризис — разве может быть у нас простой, какой-то там структурный кризис. Если уж кризис, то непременно самый масштабный, самый разрушительный, самый непонятный. Если уж конец, то, несомненно, конец света, целого мира, во всех его проявлениях, если возникновение чего-то нового, то обязательно принципиально нового, да при этом еще и абсолютно неизвестного. А это и есть в сущности апокалипсис — *бесформенный конец и неоформленное начало*.

Помимо тотальной разрушительности (а разрушительность, заметим, питается не одной волей и выражается не только в силовом физическом уничтожении, она опирается на добропорядочность, пользуется безволием, безразличием, инертностью, проявляется в не слишком бросающейся в глаза культурно-психологической коррозии, вялости, сдаче позиций, в растворении форм, распаде), апокалипсический кризис отличается особым, практически неоощуемым, немоделируемым и несоздаваемым, механизмом преодоления. Выход из такого кризиса предполагает преобразование социума, обретение этносом (суперэтносом) пассионар-

ности, пусть и не космического, но хотя бы вполне земного — жизнеутверждающего и животворящего — порядка.

Речь здесь идет о десятилетиях (30—50 лет) очень сложной, насыщенной коллизиями и неопределенностью общественной жизни, сопровождаемой мучительным выздоровлением, переработкой ценностей, напряженным формообразованием. Выход из такого кризиса — дело поколений, да еще и поколений духовно и физически восстанавливающихся и перерождающихся (отнюдь не вырождающихся). Механизм преодоления кризиса не только не сопряжен напрямую с самим кризисом, он еще и не сопряжен напрямую с жизнью — последняя может идти и по угасающей (до 0). Такой механизм глубоко погружен в неведомое, он действует в зоне недоступного, а потому ни один смертный не знает и не может знать, как и с какими результатами может действовать механизм и будет ли он вообще действовать. Отбросим поэтому наивные представления о возможности составить ясную и определенную программу выхода из кризиса — здесь дорожный график бессилён.

IV

Однако проект нужен. Какой же?

Отметим поначалу несколько настоятельных требований к проекту.

1. Проект должен быть *понятным*, но при этом достаточно *неопределенным*, способным отразить многообразие и «незатвержденность» общественной жизни, ее, хотя и в чем-то предопределенный, но во многом и вероятностный, даже случайностный, характер, проект должен быть в некоторой степени и загадочным — загадочен мир, загадочен человек, загадочна Россия.

2. Проект должен быть *историческим* — вбирать в себя прошлое, настоящее и будущее, не зарываясь при этом в прошлое, не запутываясь в настоящем и не отрываясь в будущее.

3. Проект должен быть *реалистическим* — только реальность — сложная, мало привлекательная, драматическая — может быть объектом, вдохновителем и судьей проектирования.

4. Проект *не должен быть идеологизированным*, т. е. основываться на какой-либо догматизированной, а тем более односторонней и узкой идеологии, но он *должен быть идейным*, а идеей его может быть только Россия.

5. Проект должен быть *системным* — учитывать все аспекты жизни, отражать ее в целостном разнообразии, но при этом условно, модельно, изоморфно (подобно реальности, но в сжатой, сокращенной, образной интерпретации).

6. Проект должен быть *действенным* (обосновывающим и предлагающим действие, правда, не всегда и не во всем слишком определенное, с возможностью недействия, выбора и маневра).

Выработке проекта всегда предшествует оценка того, что подлежит проектированию, а в нашем случае — *странового социума*. Многого о нем уже сказано, но не все: теперь попробуем описать его нынешнее состояние и ближайшие тенденции существования.

Картина текущего момента. Нарастающая дезорганизация, десоциализация и декультуризация жизни. Угасающее, растворяющееся и распадающееся общество. Масса вместо формы, существо вместо личности — атомизация. Ослабление, исчезновение или искажение жизненных установок и ориентиров. Потеря норм. Вместо жизни — выживание, вместо удовлетворения — надрыв. Неустойчивость, неуверенность, неустроенность. Небезопасность, беззащитность, покинутость. Неблагоприятный для жизни социум. Падение производства, материальные лишения и массовое обнищание. Пауперизация. Безвластие, политиканство и произвол. Беспредел. Коррупция, мздоимство, спекуляция. Невозможность нормально и нравственно трудиться, нормально и нравственно обогащаться, нормально и нравственно жить. Отрицательная демографическая ситуация. Невозможность воспроизводиться. Нарастающие трудности в получении образования и медицинской помощи, резкое сужение доступа к культурной деятельности и спорту. Обострение жилищной проблемы. Культурная деградация. Патологическое разбухание недоброкачественной масс-культуры (антикультуры). Псевдокультурная вседозволенность. Этическая и эстетическая дезориентация людей. Раскультирование молодежи. Утрата гражданских, государственных и патриотических самоощущений. Культурное, моральное, психологическое самоедство. Нарастание конкуренции, борьбы, насилия. Криминализация общества. Ужасное биополе. Витающее в воздухе зло. Тягостная социальная атмосфера. Взаимопожирание. *Самоуничтожающийся социум*.

Главный феномен — *всеобщее отчуждение и самоотчуждение*. Ослабление и разрыв связей. Разлад. Самоизоляция и отторжение окружающего мира. Враждебность последнего человеку, семье,

коллективу. Уход от мира, его отталкивание, неприятие. *Самоотрицающийся социум.*

Нельзя жить в этом обществе, в этой стране, с этими людьми!

Отсюда другой важный феномен — *повальное бегство*: в себя и от себя, в личное дело, в семью, в иные веси, за границу, в пустоту. Бегство в пассивность (переживание и пережидание), в бессмысленный и беспардонный активизм. Бегство от коммунизма, тоталитаризма, демократизма — в искаженную реальность, болезненную фантазию, мутные миражи. Бегство осознанное, а чаще — неосознанное.

Всеобщая оторопь. Никто ничего не понимает. Люди не понимают друг друга. Старые схемы и авторитеты исчезают, новые не складываются. Информационный вертеп. Что делает правительство, чего хотят депутаты, что предлагают бесконечные партии? Слова, слова, слова. Безверие. Духовная, интеллектуальная и деятельская растерянность.

Классическая апокалипсическая ситуация.

Приготовлялась обесмысленной коммунистической системой, создана вполне осмысленной «перестройкой». Безысходная нелепица, круговорот несуразностей, ноющий абсурд.

Новая Российская Смута.

И однако — жизнь. Она продолжается. Всякая. Какая же?

Первый образ (фундаментальный, позитивный). Труд ради жизни, по преимуществу — выживания. Положительное отношение к производству, предприятию любой формы собственности. Переживание смутного, лихого времени. Политическая, идейная, патристическая пассивность. Терпимость к анархии и произволу. Восприимчивость к любому социальному формообразованию. Эмиграция.

Второй образ (побочный, непозитивный). Пауперианское существование, падение, безволие. Социальная атрофия. Случайный труд в сочетании с пошлым паразитизмом. Умирание.

Третий образ (социально-созидательный). Конструктивная деятельность на пользу общества, социальных структур и организаций. Формотворчество. Сопrotивление кризису и разрушительным процессам через активную организационную работу. Спасение и развитие предприятий, учреждений, структур, регионов, страны. Сохранение любых позитивных ценностей, конструктивной культуры.

Четвертый образ (социально-разрушительный). Неприятие и отрицание существующего социума, его истории, не только коммунизма и советизма, но и всего российского, «тутошнего». Предпочтение заграницы и преклонение перед Западом. Пассивное и активное разрушительство. Сотрудничество с враждебными стране силами. Бегство за рубеж.

Пятый образ (буржуазный, позитивный и негативный). Накопление капитала, часто любой ценой и любыми средствами. Участие в производстве (позитивный момент), в финансово-торговой сфере (позитивно-негативный момент), в бегстве за границу (негативный момент). Большая разрушительная роль (против всего небуржуазного или мешающего буржуазному). Непреходящее значение для обнищания населения и обеднения страны. Компрадорство. Готовность к колониализму (извне). В то же время заинтересованность во внутренней стабильности, а частично и в целостном хозяйственном развитии страны. Склонность к эмиграции.

Образ шестой (криминальный). Враждебность ко всякому законному порядку, гражданской этике, государственности. Существование за счет коррупции, незаконных операций, грабежа. Антиобщественное, антицивилизационное поведение. Тяготение к связи с зарубежным преступным миром, к эмиграции.

Седьмой образ (борческий). Борьба за Россию, ее начала — славянскость, православность, евразийность, ее государственность и территорию. Борьба пассивная и активная. Борьба за Россию целостную и неделимую, но и за Россию региональную: казачью, сибирскую, дальневосточную. Возрождение Русской Православной Церкви. Российский фундаментализм. Здесь же борьба за самобытность и суверенитет различных народов, населяющих Россию. Общий религиозный ренессанс.

В каком же направлении (в какой обобщающий образ) дрейфует ныне Россия?

Прежде чем выявить качественный момент эволюционного процесса, обратим внимание на высокую вероятность территориального распада России — и не только в связи с национальными мотивами. Отделение от Москвы становится, кажется, важнейшим условием самосохранения регионов, да и самой России в России. Дело неумолимо идет к *дезинтеграции*. Распад России может перепутать все карты: тогда придется прогнозировать судьбу регионов — по отдельности и вместе, ставить вопрос о необходимости и

возможности воссоединения отпавших частей, образования новой геополитической суперцелостности. Кроме того, нельзя закрывать глаза на возможность гражданской войны с вероятным вмешательством из-за рубежа (интервенцией). Война еще более запутает ситуацию. Тогда все будет решаться силой. Мощным фактором геополитических неурядиц и перемен, в том числе и гражданской войны, может стать нестабильное положение русских (русскоязычных) в ближайшем зарубежье, их массовый уход на историческую родину. Распад России, война и народонаселенческие сдвиги сделают на некоторое время невозможными и ненужными социопроекты, поставив в повестку дня противоборство и насильственное обретение стабильности.

Но если предположить относительно мирный исход, то напрашиваются четыре варианта российского исторического дрейфа.

Первый вариант (наиболее сегодня вероятный). Всеобщее обуржуазивание хозяйства, культуры, общества. Ориентация на Запад. Максимально возможная, быстрая и максимально буржуазная приватизация. Усиленное проникновение иностранного капитала. Резкое ослабление национальной идентичности (специфики). Возможно, более значительное ограничение государства в хозяйственной, социальной и культурной сферах. Зависимость от заграницы и мирового капитала. Колониалистская реиндустриализация (с деиндустриализацией) производства. Крушение науки. Насильственный роспуск колхозов и совхозов, зависимое фермерство, купля-продажа земли. Резкая социальная дифференциация: супербогатство немногих, относительное благосостояние меньшинства, низкий жизненный уровень большинства. Максимальная коммерциализация жизни, в том числе образования, здравоохранения, культуры. Рост нищеты. Пролетаризация населения. Эмиграция. Высокая криминализация жизни.

Авторитарный пробуржуазный (прозападный, проамериканский) политический режим — от лукавого народного президентства до окаянной личной диктатуры. Парламентаризм — фикция. Потеря территорий. Высокая вероятность геополитического распада. Минимизация армии (ее полицейская роль).

Почему «наиболее сегодня вероятный»? По причине, с одной стороны, пассивности народа, трудящихся, их дезориентации, потерянности, излишней доверчивости, иступленной надежды на луч-

шее, привычки повиноваться, а с другой — высочайшей активности пробуржуазных слоев, поддерживаемых из-за рубежа, твердо знающих свою цель и не испытывающих никаких социоморальных иллюзий. Инициатива принадлежит новому человеку — роботу-накопителю. СССР извергнул-таки и выпустил на российскую арену новый «малый народ» — алчущий, непреклонный и беспощадный. И многие идут за ним — в надежде обрести место под буржуазным солнцем.

Второй вариант (менее вероятный). Организованный, с активным конструктивным участием государства, переход к буржуазному обществу. Спокойная, контролируемая и не всеобщая приватизация. Сохранение значительного государственного сектора производства. Многоукладность. Поддержка государством отраслей социальной сферы: образования, науки, здравоохранения, спорта, культуры. Спокойная перестройка сельского хозяйства с сохранением крупного кооперативного сектора. Ограниченная и обусловленная купля-продажа земли (возможно, и полное отсутствие купли-продажи земли). Социальная защита населения. Развитие рыночной инфраструктуры. Подготовка и поэтапное осуществление структурной перестройки — национальная реиндустриализация. Контроль под внешним обменом. Партнерство с Западом и Востоком. Ослабление криминального элемента.

Авторитарно-парламентский режим. Возможность личной (конструктивной) диктатуры. Сохранение России как геополитической целостности. Возможность частичной реинтеграции государств содружества. Сокращение и перестройка армии (сохранение определенных стратегических вооружений).

Почему «менее вероятный», но все же вероятный? Данный вариант сегодня менее вероятен в силу лидерства антигосударственных разрушительных сил, действующих в рамках первого варианта, их поддержки из-за рубежа, средствами массовой информации, молчаливого согласия населения на новый эксперимент. Однако второй вариант весьма вероятен, что связано с действием в стране разнообразных конструктивных сил национально-государственной ориентации, нарастающим недовольством населения первым вариантом, вызываемыми им анархией, коррупцией, преступностью, обнищанием, массовой безработицей, инфляцией, социальной незащищенностью, потерей национальной независимости, миграцией населения, неуверенностью существования. Буржу-

азно-государственный путь возможен как противоположность дискредитированному социализму и как путь, ведущий к доказанному другими странами экономическому процветанию.

Третий вариант (еще менее сегодня вероятный). Самобытный путь. Многоукладность хозяйства и жизни при доминировании социальных форм организации, при сильной государственности. Развитое самоуправление. Профессионально-трудовые ассоциации. Соборный корпоративизм. Социально-духовное предпринимательство. Семейное и кооперативное хозяйствование. Национально-экологическая реиндустриализация хозяйства, его планомерная структурная перестройка. Развитая социальная сфера, социальная защита. Внимание к индивидуальному, семейному, коллективному накоплению. Земля тем, кто ее обрабатывает (многоукладность на земле). Отсутствие купли-продажи земли. Сближающееся неравенство. Обогащение за счет труда и в рамках закона. Контроль над внешним обменом. Декриминализация жизни, всемерная борьба с коррупцией и преступностью. Соблюдение правового порядка. Высокая гражданская ответственность.

Авторитарно-соборная власть. Возможно, конституционная, сочетающаяся с представительской властью, монархия. Сохранение и восстановление России как геополитической целостности. Союз и взаимоинтеграция большинства из бывших советских территорий-государств. Сокращение и модернизация армии.

Почему «еще менее сегодня вероятен»? Помимо нахрапистости первого и соблазнительности второго вариантов, данному варианту препятствует утрата социумом национального самосознания и специфических предпочтений, отсутствие (на сегодня) конструктивной в социальном отношении пассионарности у русских, болезненность суперэтнуса, разочарование (хотя и не полное) в социализме и советской государственности, тяжелое материальное и духовное положение большинства, массивная антинациональная пропаганда, межнациональные противоречия, обыкновенный (и, к сожалению, очень распространенный) манкуртизм. Шансы данного варианта очень сильно зависят от роста (возможно, взрывного) *национального самосознания*.

Четвертый вариант (невероятный, но возможный). Реставрация коммунистического режима, разумеется, обновленного, под другим, возможно, названием, с иными установками и пересмотренными ценностями.

Почему «невероятный, но возможный»? Невероятный, ибо трудно надеяться на возрождение из пепла, после, казалось бы, полного краха. Возможный же потому, что корней социализма и коммунизма осталось в социуме предостаточно, что корни эти могут в благоприятной ситуации быстро дать позитивные ростки, что благоприятная, т. е. острокризисная от безудержного и бестолкового обуржуазивания общества, ситуация не за горами, что ностальгия по «застойным» временам растет, что за граница совсем не монолитна (есть в ней и социализм, и коммунизм), что, как хорошо известно из истории, после революций и смут наступает-таки реставрация. В субъективном аспекте этому может способствовать очищение и внутренняя переориентация коммунистического движения, обретение им необходимой моральности, обновленных идеологических и практических установок.

Четыре исторических варианта-образа, к которым может дрейфовать нынешняя — потерянная и расстроенная — Россия. Нет смысла выражать симпатии к одним и антипатии к другим вариантам. Тем более, что могут быть и иные — как смешанные, так и принципиально отличные (например, тоталитарно-милитаризованный, что-то в духе военного коммунизма или примитивного фашизма, вариант). Если бы узнать сейчас, до какого предела дойдет Россия и ее окружение в перестроечном зуде, какое завтра будет самосознание народа (народов), каким станет в ближайшие годы мир, какие взлеты и катаклизмы его поджидают? Даже на шахматной доске предсказать что-либо свыше двух-трех ходов очень трудно, а что можно с уверенностью предсказать в сверхсложной социоистории?

Теперь пора посмотреть на само Его Величество Ход Вещей — на исторический процесс, на судьбу России. Здесь тоже варианты, но уже не образы, а *сценарии*. И чтобы выявить эти последние, необходимо, во-первых, учесть поведение народных масс — низа и поведение властных кругов (как обладающих властью, так и борющихся за власть) — верха, и учесть во взаимодействии, во-вторых, оценить разрушительные и созидательные потенции каждого из возможных вариантов движения, податливость и сопротивляемость переделываемого социума, его отзывчивость на перемены, восприимчивость к внешним воздействиям, в-третьих, представить вероятность различных катаклизмов, как и общей катастрофы, в-

четвертых, учесть возможность и сам момент «движения вспять» (а попятиться страна все же должна).

Сценарий первый. Пользуясь апокалипсическим состоянием социума, поощряя это состояние, ловко лавируя, скрываясь, дезинформируя и оболыщая, захватившая ныне инициативу сила продолжает разрушение государства и социума, культуры, подводит их под бесформенное, раздробленное существование под главенством пробуржуазного зарубежно-отечественного (империя-колониального) альянса. Вместо России, СССР и Российской Федерации неопределенная, непастионарная, «обесточенная» пространственно-народонаселенческая сфера, открытая для влияния, внешней экспансии и освоения. Постепенное угасание оппозиции и целостного сопротивления. Коллизии и конфликты, неуверенность и страдание как норма жизни. Либо центральная личная диктатура, либо «государства» и «государства» — разные там диктатуры или республики. Много анархии, мафии, разбоя. Много беспокойства, метаний, страха. Сначала (за счет все же мощных пока внутренних резервов, экспорта нефти и сырья, иностранной помощи) скромное, но все более сужающееся по материальным возможностям существование масс, бедность, затем лишения и голод. Возможен, однако, и сносный (для непастионариев) уровень жизни, даже некоторый его подъем (для окончательного уверования в благодетельство «нового курса»). Жить будет материально трудно, но по форме очень «по-человечески». Шанс у данного сценария есть. Но...

Сценарий второй. Социальная жизнь требует социальной оформленности. *Апокалипсис порождает антиапокалипсис*. В недрах общества всегда реализуется позитивная жизнь. Она-то и сопротивляется в первую очередь и наиболее последовательно гибельным разрушительным процессам. Именно она нуждается в социоорганизационных формах, ведущих к жизненной устойчивости. Именно она заинтересована в целостном развитии.

Позитивная жизнь — огромная сила. Она способна не только противостоять социальной смерти, но и бороться с насаждающей ее силой, либо переплавляя в «тигле жизни», либо убирая насильственно. С учетом действия в обществе животворных сил — стихийных и организованных, мало того, настоятельно стремящихся к организации, — у болеющего общества появляется шанс перехватить инициативу у разрушительных сил: или заставить их соскользнуть к менее деструктивному варианту, или заставить уйти (мирно

или немирно). Так получит реализацию второй сценарий: Россия повернет, как минимум, к национально-государственному капитализму западной ориентации, как максимум — к национально-государственному капитализму, ориентированному на самого себя.

Сомнительно, чтобы дело решилось в рамках действующего парламентаризма, без радикальных политических изменений. Нынешние правящие круги имеют, конечно, шанс «побыть», но имеют и шанс «вылететь». Убедительной поддержки в массах у них нет, а потому в отношениях между «верхами» и «низами» могут быть самые разные повороты: от уже видимого «безразличия» через не очень пока видимый «кризис» (а он, кажется, все же есть) к самой обыкновенной «вражде» и «взрыву». Чем, однако, спокойнее и мирнее разрешится возможный конфликт, тем более вероятен именно второй, а не просто другой, сценарий. В таком развороте событий может быть в значительной мере заинтересована и «перестрочная» заграница.

Третий сценарий. Он обусловлен не просто переходом инициативы от разрушительных к созидательным силам — в рамках буржуазного (сейчас — антисоциалистического) варианта, *а возродженческим пробуждением социума*, осознанием им своей самости и исторической значимости, нежеланием оставаться объектом геополитических и идеологических манипуляций и экспериментов. Такой *общенациональный подъем* сегодня как будто маловероятен, но исторический процесс развивается так стремительно, что завтра такой подъем может стать свершившимся фактом. Кризисная жизнь весьма настойчиво к этому подталкивает. У народов и их ведущих национальных слоев, их лидеров не останется никакого другого варианта, кроме строительства социума и государства, хозяйства и культуры российских (многонародных) цветов. Произойдет это не потому, что кто-то в массе чего-то вдруг поймет, хотя массовое просветление, по-видимому, неизбежно, а вследствие самого хода вещей.

Шансы у капитализма на нашем евразийском пространстве, конечно, есть, есть они даже у колониализма, но... в несколько лет капитализм и колониализм не возникают и не строятся, анархия работает более против них, чем за них, переустройство собственности, социальных отношений, системы присвоения общественного продукта в пользу меньшинства и посреднического младокапитала — ох, как трудно!

(Заметим, что речь идет не о переводе частной собственности в общественную — как у большевиков, а о переводе общественной собственности — общей! — в частную, причем обязательно, и это объективно неизбежно, в алгоритме социальной несправедливости, экспроприации общественных собственников, появления наряду с классом собственников класса несобственников, т. е. тех лиц, которым будет объяснено в «СМИ», что они реальной — неваучерной — собственности просто не заслуживают).

Переделка собственности и всего, что с ней связано — суперрисковый процесс. Удастся ли, успеют ли, проскочат ли? А ежедневная жизнь требует упорядоченного производства продуктов, их перемещения, воспроизводственного потребления. Жизнь требует жизни, да еще и в воспринимаемых формах, пусть даже в новых, но обязательно воспринимаемых. Даст ли это все капитализм — еще долго и нудно обязанный генерировать разрушение и анархию, напряжение и кризис. Капитализм, а тем более колониализм — классический производитель всеохватывающих социальных конфликтов, большой любитель гражданских войн.

В условиях России (и СНГ) велика вероятность крупного (гигантского) геополитического конфликта, обусловленного сложнейшими пространственными и качественными мотивами. Один из таких мотивов — борьба за геополитическую оформленность и целостность, возникновение в ее ходе и результате того, что должно само по себе образоваться, а не быть создано по чьему-то великолепному плану. Этим-то самообразовавшимся и должна стать Россия, и не по одному лишь наименованию, а в своей собственной качественной определенности.

Сценарий четвертый. *Распад России на ряд государств.* Ускоренный и — казалось бы — бесповоротный. В самостоятельных государствах заработают разные сценарии развития событий. Но будет и общий сценарий — жизненное пространство одно, этнос (как многонародный суперэтнос) один, язык и культура общие. Границы либо ничто, либо бестолковое нечто. В сущности они невозможны. Геополитическая неразбериха. Пограничные напряжения, конфликты и войны. Территориальные претензии. Валютные и таможенные благоглупости. Безумные миграции населения, народов. Возрождение геополитического централизма. Движение к целостности. Мучительный процесс социогосударственного восстановления.

Сценарий пятый. Вкусив все блага «демократии» и «интеграции в мировое целое», анархии и произвола, глобального разрушительного кризиса, социального расслоения, голода и холода, страна начинает «движение вспять» — в условиях неопределенности и опасности любого из новых вариантов возвращаться на проторенную дорогу, разумеется, в самых общих контурах. *Возрождение социализма.* Это возможно — при поражении западно-буржуазного варианта и при недостаточном восприятии обществом и его пастырями идеи России. Социалистическая идея может послужить в единстве с патриотизмом основанием для восстановления социума, экономики, культуры. Возможно даже возрождение сильной коммунистической партии (при освобождении от многих догм и установок, которые были характерны для КПСС).

Сценарий шестой. Уставший от экспериментов и политиканства, судорожных реформ, материального и духовного распада, беспардонной лжи, криминального гнета, беспредела и безысходности народ кидается в объятия диктатуры, возможно даже, и фашистского толка. Массовое поддиктатурное движение, вооруженные отряды, репрессии, чистки, трудовая дисциплина, запреты. Милитаризация. Во главе страны — мессия. Организованный им выход из смуты.

Сценарий седьмой. Страна впадает в хаос всеобщей гражданской войны. Война как основание жизни общества. Много смерти. Течение такой войны и ее исход непредсказуемы, хотя можно сказать, что всего вероятнее интервенция и колонизация разрушенной и обезлюдевшей страны. *Конец России.*

Все перечисленные сценарии в принципе возможны, хотя реальность их и неодинакова. Но кто может поручиться за исход сложнейшего исторического действия, если на дворе — Великая Смута? Маловероятное сегодня вдруг и совсем неожиданно превращается во многовероятное, а затем и просто неизбежное. Превращается сразу, с ходу, в один час. Кто мог предполагать в 1985 году (кроме таинственных проектантов и самых тонких аналитиков), что СССР благополучно развалится, КПСС подвергнется запрету и конфискации, разгорятся войны? В обыденной ситуации никто. И что можно сегодня, в годину общего хаоса и всеобщего помешательства, признать за то самое единственно правильное, что объективно предположено и субъективно выверено? Хотя, разумеется, есть в жизни и какая-то телеология (целеположенная предна-

меренность), и какая-то генетика (передача некоего инварианта, чего-то стабильно воспроизводящегося), и какая-то периодичность (смена волн и циклов), но есть, однако, и не менее выраженная вероятность и случайность, неповторимость, качественная разнообразность одних и тех же или сходных процессов, их диалектичность и, если так можно выразиться, бифуркационность (стихийное качественное раздвоение, при этом неограниченное в своем разделенческом «энтузиазме»). Общественное развитие не одновариантно вовсе, а многовариантно, и вероятность побеждающего в тот или иной критический момент варианта далеко как не однозначна. *Смутные времена — смутные исходы.*

Поэтому, думая о будущем, полезно вообразить себе все возможные и невозможные варианты, причем в первую очередь — худшие. Только так поступает настоящий политик-преобразователь. Это не мешает, а помогает ему сделать рациональный выбор, предусмотреть и даже сориентировать развитие событий.

Приверженец социосозидания выбирает конструктивные варианты, приверженец Отчизны — патрио-конструктивные. Другие выбирают и другие варианты. Самый трудный выбор касается самого трудного варианта. На сегодня это, наверное, патрио-конструктивный вариант, ибо идет он от Бога, а Бог простых решений не предлагает.

Творящий человек должен иметь перед собой идеал, а в нашем случае — идеальную конструкцию России. Не чистую утопию вовсе, но минимально совершенный эскиз будущей реальности — проект. *Проект благоустроенной России.*

Какой же Россия видится русскому (по принадлежности к геополитическому ареалу) человеку?

Духовные основания. Человеку, общине, народу, обществу в целом покровительствует Бог — создатель, защитник и судия. Человек живет, идя навстречу Богу. Бог — высший критерий, ориентир, достигаемая цель. Живущий по божьим заповедям, по совести и для жизни идет к Богу. Делание жизни как продолжение прошлого и обеспечение будущего — богоугодное дело. Делание добра, его защита, борьба со злом. Формообразование ради жизни — от Бога, форма ради формы (тиски и тенета) — от Дьявола. Свобода ради жизни — от Бога, свобода ради свободы (анархия и произвол) — от Дьявола. Дьявол — имманент жизни, но обязываемый Богом к мере. Не всякое добро — добро, не всякое зло — зло. Дьявол меру знает,

но знает и отсутствие меры. Бог — сам мера. Человек меры не знает. Отсюда грех, страх и покаяние.

Россия вынесла тяжкие страдания, она больна и находится на краю гибели. Но Россия жива и должна жить. Пострадала Россия не только за свои грехи, и каяться надо не только России. Россия обязана воскреснуть. Делание ради России, делание ради человека, делание ради Бога. Освобождение от пут Дьявола. Приоритет духовного над материальным. Опора на православие и православность, иные Богом данные религии. Забота об Отечестве. Погруженность в космос. Контакт с вечностью.

Родство человеческих душ — трансцендентная соборность.

Культурные основания. Одухотворенная, стремящаяся к Богу, вдохновляемая абсолютными ценностями, направленная на возвышение души человека, ее исцеление, предназначенная для жизни и ее дарующая, космогенная, вселенская и соборная культура.

Социальные основания. Общество как сообщество трудящихся личностей, семей, коллективов. Государственное сообщество. Правовое и гражданское общество. Юридическое равноправие граждан. Творчество и труд как основа благополучия, социального положения. Наличие социальных различий, обусловленных трудом. Действие механизмов сглаживания социальных различий, уменьшения влияния на социальное различие нетрудовых факторов. Человек и труд как индивидуально-общественная ценность. Всеобщий обмен деятельностью. Свобода деятельности при ответственности индивида перед обществом. Социальная многоукладность. Существование различных видов собственности при приоритете общественных форм. Наличие сословно-профессиональных групп населения. Различие интересов в рамках общенационального интереса.

Хозяйственные основания. Хозяйство как хозяйство *экономическое*, основанное на разделении производства (по предприятиям) и труда (по профессиям), всеобщем обмене продуктами (предметами и услугами) и их денежной оценке в процессе обмена. Хозяйство как хозяйство *экологическое*, находящееся в творческом единстве с природой и обществом. Хозяйство как хозяйство *неоиндустриальное*, основанное на информационных, автоматизированных, ресурсосберегающих, энергоэкономных, чистых и гуманных технологиях. Собственническая и хозяйственная многоукладность. Естественное развитие укладов при сохранении серьезных позиций государства. Свобода хозяйствования субъектов при соблюдении ими

установленного в обществе хозяйственного порядка. Государственное перераспределение национального дохода. Действие рыночного механизма при всестороннем государственном и общественном регулировании хозяйственной жизни. Развитая и позитивно организованная кредитно-финансовая, фондовая (ценных бумаг) и торговораспределительная инфраструктура.

Гражданские и политические основания. Свобода слова, печати, религий, ассоциаций. Свобода труда, места жительства, передвижений, выезда из страны, возвращения в страну. Свобода политической деятельности. Ограничения — соблюдение национальных интересов и гражданского мира. Гарантия прав личности, семьи, коллектива и их правовая и административная защита. Запрет на пропаганду насилия, человеконенавистничества, жестокости. Борьба с наркобизнесом и наркоманией, алкоголизмом, проституцией.

Государственное устройство. Народовластие как власть народа, посредством народа и для народа. Разделение власти и наличие разных властей. Взаимодополнение и взаимосдерживание властей. Конституция.

Представительная, т. е. непосредственно народная власть — местная, региональная, центральная. Формируется посредством прямых или косвенных выборов, через прямое представительство. Включает в себя различные институты: съезды, собрания, советы (внутри последних — комитеты, комиссии). Представительная власть является одновременно законодательной властью. Строгое разделение полномочий и ответственности по уровням представительной власти, необходимая иерархия. Верховенство общенациональных законов и постановлений над региональными (в том числе республиканскими) и местными уложениями и решениями. Высшим центральным органом представительной власти является народный съезд (Общероссийское собрание, Вече), созываемый для принятий и изменения Конституции, особо важных, основополагающих законов, выборов Главы Государства, Конституционного суда и Верховного суда России, принятия масштабных, стратегических решений (созывается, как правило, один раз в пять лет, чаще лишь в чрезвычайных обстоятельствах). Съезд формируется на основе прямого гражданского (территориального), сословно-профессионального и национального представительства (возможно, еще и заслуженного представительства — из числа особо заслуженных, соответственно отмеченных и утвержденных граждан).

Другим органом высшей представительной власти и законодательной власти является Высший народный совет (он же парламент), состоящий из депутатов, избираемых прямым тайным народным голосованием одновременно с представителями на съезд. Парламент, имеющий внутри себя прямое гражданское, сословно-профессиональное, национальное представительства (палаты), функционирует постоянно, а депутаты освобождаются на срок действия парламента (5 лет) от другой деятельности. Парламент принимает законы и постановления, действуя в рамках Конституции и решений Народного съезда, утверждает руководителя и состав правительства (высшего органа исполнительной власти), осуществляет контроль за деятельностью правительства в рамках своих полномочий, утверждает Комиссию конституционного надзора, генерального прокурора. Депутаты работают в своих избирательных округах, погружаясь в проблемы избирателей.

Правительство (Совет министров России) несет ответственность и руководит всей текущей деятельностью государства (в рамках Конституции, иных законов и постановлений представительной власти). Правительство располагает всей полнотой административной власти. Ведает вопросами внутренней гражданской жизни, охраны общественного порядка, финансов, экономики, охраны природы, социальной защиты и обеспечения, обороны, внешних сношений. Центральная исполнительная власть в рамках системы внутренних дел имеет своих полномочных представителей в регионах и на местах — губернаторов, например.

Помимо представительной и исполнительной властей в условиях такого огромного, многонационального государства, каким является Россия, необходима также власть гарантная, на которую могла бы быть возложена задача обеспечения устойчивости государства, его сохранности и преемственности. Главой гарантной власти является избираемый на пять (или более) лет Народным съездом Глава Государства (из числа лиц, занимающих или занимавших высшие государственные посты; учитывая, что государство российское есть в основе своей государство русское, Главой Государства должен быть русский по происхождению, культуре и вероисповеданию человек). Кандидатуру на пост Главы Государства предлагает съезду либо Совет старейшин, либо Собрание заслуженных граждан России — участников съезда. Свои гарантные функции Главы Государства осуществляет в рамках контрольной власти, а также по

кровительствуя гражданам и организациям. Глава Государства предлагает парламенту на утверждение кандидатуры главы правительства, генерального прокурора, главы Комиссии конституционного надзора. Именно он созывает Народные съезды, он же принимает отставку правительства. Глава Государства, по-видимому, должен быть верховным главнокомандующим. Он должен наблюдать за деятельностью прокуратуры, а также иметь возможность вмешиваться в государственную жизнь при чрезвычайных обстоятельствах (отправлять правительство в отставку, распускать парламент, созывать внеочередные съезды, объявлять чрезвычайное положение, войны и т. п.). При Главе Государства должны действовать Государственный совет (типа Сената), Верховная согласительная комиссия (для разрешения конфликтных ситуаций), Гражданский комитет (для рассмотрения обращений, жалоб и предложений граждан) и т. п.

В стране должен действовать независимый (выборный) суд (сходный с судом присяжных). Политические партии и движения могут существовать и вести идейно-пропагандистскую работу, но не должны претендовать на власть, они за нее не борются и властных фракций в парламенте не образуют. Государственные деятели приостанавливают свое членство в партиях и участие в движениях на время исполнения государственных обязанностей. Государственные служащие, работники прокуратуры и суда в партиях и политических движениях не состоят и не участвуют.

Внешнеполитические основания. Государственная независимость при полноценном участии в международных организациях. Политика мира, дружбы, добрососедства. Эффективная оборона.

Предложенный идеальный проект не догма. Его необходимо воспринимать в принципе и в общих чертах, его можно подправлять и перерабатывать. Жизнь сложнее, богаче и противоречивее любого проекта, а главное, она в чем-то принципиально не проективна. Это важно иметь в виду. Но проект-идеал должен быть, ибо движение вперед предполагает если и не окончательную цель, то достаточно ясный ориентир. К тому же идеальные проекты вовсе не всегда бывают оторванными от реальности, более того — они из нее исходят, в себя вбирают и в ней присутствуют.

Проект-идеал — нужная вещь. Но, во-первых, его в одночасье не воплотишь, во-вторых, тотальный кризис требует немедленных мер. Что же делать руководителю-реформатору сегодня?

VI

Сначала несколько общих заповедей.

1. У хорошей реформации не должно быть изгоев (за исключением преступников). Реформация — дело всего общества, его позитивноконструктивной части. Каждый созидательно и позитивно настроенный человек должен найти себе место в преобразовательном процессе и иметь свой шанс.

2. Добрая реформация не осуществляется насильственно. Реформация не только должна быть понятной, но и должна осуществляться по возможности в свободном творчестве граждан, семей, коллективов, общества в целом.

3. Светлая реформация ни в какой мере не может руководствоваться криминальными соображениями, осуществляться мафиабельными кругами, благоприятствовать преступному миру. Положительная реформация носит антикриминальный характер.

4. Конструктивная реформация не может быть стихийным процессом. Она организуется, но не через командование, а через побуждение, не в деталях, а в общих рамках, не прямыми воздействиями, а созданием благоприятных условий.

5. Имея целью будущее, разумная реформация должна быть сориентирована и на настоящее. Польза от реформации должна быть и сегодняшней.

6. Позитивная реформация может осуществиться только в условиях общегосударственного порядка.

7. Эффективная реформация всегда национальна (патриотична).

8. Реформация обязательно имеет идеологию. Наша положительная реформация может следовать следующим путеводным ориентирам: человек, природа, жизнь; родина, сообщество, Россия; народ, народы, нация; труд, творчество, созидание; достояние, достижение, достаток; свобода, ответственность, обязанность; право, мера, справедливость; знание, наука, умелость; человечность, здоровье, радость; личность, сопереживание, сотрудничество; дух, любовь, Бог. Обобщающая идея-цель: *создание жизнеспособного, одухотворенного и омеротворенного (экологического), животворного, трудового и высокоорганизованного российского общества — сообщества личностей, семей, коллективов, регионов, народов и государственных образований.*

С чего начинать позитивно и конструктивно настроенному руководителю-реформатору с учетом нахождения его у власти в условиях всеобщего кризиса, разлада и разрухи? Конкретные действия, как и их конкретную определенность, предусмотреть трудно, ибо все будет зависеть от конкретной ситуации (отправного исторического момента). Многое будет зависеть от характера установившейся власти, ее лидера, от отношения к этой власти народа, от состояния социума и его творческого потенциала, от зарубежного окружения, его позиции и активности. Любые наметки даже ближайшее будущее могут быть сейчас лишь весьма условными предположениями.

Ориентируясь на трудящегося человека (в том числе и действующего в рамках закона и национальных интересов предпринимателя-индивидуала), патриотически и конструктивно настроенный руководитель-реформатор должен:

В сфере экономики:

- подтвердить и своими действиями обеспечить разнообразие форм собственности и хозяйствования, не подвергая сомнению ни частных, ни общественных (в том числе государственных) форм;
- подтвердить и утвердить принцип хозяйственной свободы для всех типов агентов, лимитированной лишь законом, национальными интересами и ограниченным общественно-государственным регулированием;
- подтвердить необходимость характерной для современного индустриального общества государственной организации хозяйственной жизни, определенного (не тотального) присутствия государства в экономике, общественно-государственной инспекции и контроля, прямого государственного хозяйствования (в рамках государственного сектора экономики);
- провозгласить и всеми доступными мерами обеспечить экономический порядок (денежный, финансовый, налоговый, кредитный, фондовый, товарообменный), для чего реорганизовать и взять под эффективный контроль государства денежное и фондовое хозяйство, кредитно-финансовую и торговую сферы, проводить ясную и строгую фискальную политику, дисциплинировать государственный бюджет;

- обеспечить нормальные условия функционирования производственных предприятий, стимулировать производство и производительное накопление;
 - обеспечить заинтересованность в труде, росте его производительности посредством укрепления заинтересованности трудящегося в личном (семейном) накоплении («Трудитесь и обогащайтесь!»), росте благосостояния, улучшения образа жизни;
 - обеспечить эффективную борьбу со спекуляцией, экономической преступностью, мафией;
 - обеспечить полный учет национальных ресурсов и их эффективное распределение в производительных целях;
 - выделить ряд приоритетных отраслей производства (жизненно важных, стратегических) с целью обеспечения контроля над ними и эффективной поддержки;
 - упорядочить процесс приватизации производственной собственности, руководствуясь принципом: «Средства производства тем, кто трудится, кто хозяйствует!»;
 - подтвердить и обеспечить свободное ценообразование, за исключением ряда жизненно важных, стратегических, монопольных (алкоголь, табак) товаров, проводить эффективную антимонопольную (антидиктаторскую) политику в сфере ценообразования;
 - создать национальный инвестиционный фонд;
 - установить эффективный контроль над внешним обменом и импортом иностранного капитала, национальной валютой (отменить грабительский курс рубля).
- В сфере государства и политики:
- провозгласить национальную обусловленность государства и его политики («политика российского возрождения, государственного восстановления и национального единства»);
 - обеспечить всеми доступными средствами социальный, гражданский и государственный порядок, повести решительную борьбу с правонарушениями, преступлениями, организованной преступностью, коррупцией;
 - реанимировать российскую армию, не делая ее полностью наемной, поднять воинскую дисциплину, принять активно-оборонительную стратегию;
 - заявить о наличии глубоких национально-государственных интересов России во всех бывших республиках

СССР, последовательно защищать эти интересы, добиваться для всех граждан бывшего СССР двойного гражданства («республиканского» и «союзного»), защищать права граждан российского происхождения за пределами РФ, стимулировать возвращение их на родину, вести политику непринудительного восстановления геополитического единства бывших союзных республик;

- провести разоружение гражданских лиц, распустить всякие негосударственные (незаконные) военизированные формирования, не допускать вооруженных столкновений, всячески предотвращать возможные и погашать стихийно возникшие «силовые» конфликты;

- провозгласить и вести самостоятельную внешнюю политику, выгодную для России.

В сфере гражданской и общественной жизни:

- подтвердить все основные конституционные права граждан, обозначить их ответственность перед страной, государством, Родиной;

- поддержать гражданское, гуманистическое, патриотическое движение, избегая крайностей;

- подтвердить творческую свободу средств массовой информации, обозначить и меру ответственности их перед человеком, обществом, страной;

- подтвердить право наций и народностей на гражданское и культурное самоопределение.

В сфере культуры:

- следуя принципу: «Культура — это Отечество» (дело не только, а часто и не столько в государственных структурах и территориях, сколько в национальной культуре, именно последняя наполняет Отечество содержанием), подтвердить заинтересованность в развитии отечественных культур, науки, образования, находящихся в творческом взаимодействии с зарубежными.

В социальной и экологической сферах:

- подтвердить и обеспечить реализацию принципа социальной жизни, в данном случае, заботы общества и государства о нетрудоспособных, инвалидах, пенсионерах, учащихся, о здоровье граждан, экологической безопасности.

Заявив о себе как о цивилизованном лидере всего народа (или нации как единой многонациональной общности), ведя линию на

поощрение жизни и творчества, обеспечивая текущую выживаемость общества, давая простор конструктивным силам, руководитель-реформатор должен приступить к разработке и реализации стратегических реформ. При этом он поступит правильно, если не будет исходить из принципов «любой ценой», «все наоборот». Даже благородная цель не достигается любыми средствами, а в действиях предшественников по власти, тем более следствиях этих действий, отнюдь не все отрицательно, даже, если предшественники руководствовались не теми идейными соображениями и вели себя не слишком достойно. Нужно обязательно сохранять все, что может быть и должно быть сохранено, надо представлять то, что может быть продолжено, надо усилить то, что заслуживает быть усиленным. Нельзя повторять одну и ту же сакраментальную «российско-советскую» (а теперь уже и «российско-демократическую») ошибку — беспардонного и неумного отрицания предшествующего. Настоящий реформатор этого никогда не делает, а уж тем более не стремится к полной реставрации ушедшего.

Основная конструкторская идея реформ — *разумное сочетание свободы и несвободы во благо отчизны в целом*. Жизнеутверждающего и жизнеспособного блага для трудящегося общества не достигнешь ни на путях «крутой вседозволенности», ни на путях «трепетного тоталитаризма».

Какие же реформы предстоят в будущем?

1. *Реформа государственного устройства и управления.*

Цель — создание эффективной системы власти, базирующейся на принципе структурно-функционального разделения и общегосударственного единения власти.

2. *Реформа государственного управления экономикой.*

Цель — создание эффективного механизма выполнения государством свойственных ему задач по организации и регулированию хозяйственной жизни, диктуемых общенациональными интересами и макроэкономической целесообразностью, но ограниченных экономической свободой хозяйственных субъектов, отраслей и регионов.

3. *Политическая реформа.* Определение прав и ответственности политических и иных движений.

4. *Реформа собственности и принципов хозяйствования.*

Господствующий принцип — государственная собственность на землю, недра и иные природные ресурсы с передачей последних в

полноценное экономическое пользование предприятиям, учреждениям, коллективам, семьям, отдельным лицам. Государственная и негосударственная (частная) собственность на здания, сооружения, орудия и иные воспроизводимые факторы производства. Экономически свободное хозяйствование в пределах установленного законом и правительством порядка.

5. *Финансовая реформа.* Налоговая, денежная, кредитная реформа в целях стабилизации денег, кредита и цен, упорядочения доходов, госбюджета, стимулирования производства и производительных инвестиций, роста заинтересованности в труде и предпринимательстве. Государственный контроль за кредитно-денежной сферой, ее централизованное регулирование. Развитие институционально организованного фондового (ценных бумаг) хозяйства.

6. *Реформа торговли, системы распределения национальных ресурсов, производственных и потребительных благ.* Сочетание экономического распределения с неэкономическим (контролируемым). Преобразование государственной, расширение кооперативной, развитие частной торговли, их оптимальное сочетание. Контроль над торговлей (предотвращение монополизации, спекуляций, хищений, паразитизма).

7. *Внешикономическая реформа.* Сочетание свободы внешнего обмена с национальным контролем.

8. *Земельная реформа.* Установление порядка экономического и иного землепользования.

9. *Жилищная реформа.* Установление юридического и экономического порядка строительства жилья и его пользования, прав и ответственности граждан по жилищным вопросам.

10. *Реформа здравоохранения.* Развитие различных форм реализации здравоохранения.

11. *Реформа народного образования.* Развитие различных форм и систем образования населения, установление общего нормативного государственного порядка для всех типов учреждений и способов обучения при невмешательстве государства в текущую деятельность учебных заведений.

12. *Реформа сферы науки и техники.* Установление порядка образования и функционирования научно-исследовательских учреждений национально-государственной сферы, их финансирования и поддержки.

13. *Региональная реформа.* Определение прав регионов, их взаимоотношений с центром.

14. *Военная реформа.* Создание мобильной, боеспособной единой национальной армии, обеспечение исполнения всеобщей воинской повинности.

Помимо реформ придется разрабатывать и осуществлять различные государственные программы:

1. Структурной перестройки народного хозяйства.
2. Модернизации и оснащения производства.
3. Частичной конверсии военного производства.
4. Экологической безопасности.
5. Развития предпринимательства.
6. Становления и развития сельскохозяйственных предприятий (включая фермерские хозяйства).
7. Развития домашних (семейных) хозяйств.
8. Развития малых предприятий.
9. Жилищного строительства.
10. Занятости населения.
11. Социального обеспечения и страхования.
12. Помощи беженцам и репатриантам.
13. Материнства и детства, улучшения качества народонаселения.
14. Развития отдельных сфер, отраслей, регионов.

Мы не раскрываем подробно возможные реформы и программы, мы их лишь обозначаем, да и то не все — главное не в этом: наша задача в ориентации руководителя-реформатора, а не в исчислении графика его деятельности. Программа, которую придется осуществлять руководителю-реформатору, должна быть им самим в общих чертах и составлена — иначе его ждет провал.

Определяя свою программу, лидер должен руководствоваться тремя принципами: *целостности*, т. е. видеть объект руководства и реформирования в возможно большей объемности, во всем многообразии и богатстве содержания; *изоморфности*, т. е. выделять в целостном видимом объекте самое существенное, построить мысленную модель объекта, иметь ясный перед собой его образ (нельзя погрязать в деталях); *гласности*, т. е. определять главное в объекте, его текущем состоянии, возможных потенциалах, находить главное звено любой структурно-функциональной цепи, иметь дело прежде всего с ним, воздействовать на него, следить за его поведением и

изменением, выделять главные цели руководства и реформирования, иметь в своем распоряжении главные силы. Он средства их достижения.

Лидер государства, страны, народа должен быть соответствен государству, стране, народу, он должен быть выше национальностей, сословий, партий, религий, идеологий, он должен быть *замкнут на себя через народ и на народ через себя.*

VII

Российская Реформация продолжается. Россия — объект нового реформационного натиска. Цикл, начатый определенно 1917 годом, закончился, открылся новый цикл, начатый определенно 1985 годом. А новый цикл — это новая смута, новый выход из нее, новая стабилизация. Привычный круговорот: от одного события к другому — как последовательно разных (смута — выход — стабилизация), так и повторяемо аналогичных (от смуты к смуте, от выхода к выходу, от стабилизации к стабилизации). Привычный круговорот и в чем-то порочный. Сколько времени исторического может забрать это хождение по кругу? Когда же наступит момент истины — выбор Россией России, а циклы станут циклами совершенствования, а не отрицания и восстановления России? Не пора ли нам сделать выбор окончательным? Есть ли на это шанс?

Есть. И восходит он прежде всего к осознанию того, что *Российская Реформация есть поиск России и должна завершиться Россией*, не рынок вовсе, не капитализм, не индивидуализм, не свободу как таковую, даже не социализм ищет Россия — вот, что надо уразуметь, ее поиск более сложен, масштабен и органичен, а главное — отличителен от всего того, что уже известно человечеству. *Российская Реформация не есть и не должна быть попыткой преодолеть Россию*, хотя подобное намерение давно вбито в нее, воспроизводится и до сего дня активно, к сожалению, культивируется. Роковая ошибка, присутствующая, к несчастью, в Российской Реформации, состоит в ложной посылке о необходимости поиска Россией не-России, а точнее, растворения России во «всемирной», а на самом деле, западной цивилизации (отсюда: «войти в цивилизованный мир», «стать цивилизованными», «обрести общечеловеческие ценности» и т. п.). *В Российскую Реформацию давно уже введена лже-цель, а потому и осуществляется она во многом как лже-реформация.*

Именно это как раз и доказывается всем ходом Российской Реформации, всеми ее зигзагами и неудачами. Дело не в том, что Россия неподатлива на благодать, а в том, что навязываемая ей благодать для нее непригодна. Не ломать Россию надо по-петровски или по-ленински, а надо дать России возможность развиваться в свободном и приемлемом для нее взаимодействии со всеми цивилизациями мира. И дело здесь не в каких-то особых амбициях России и россиян, их якобы мессианстве, а в богоугодном (жизненном, экологическом) многообразии мира, его стремлении реализоваться по-разному, не-одинаково, не-смертельно. Российская Реформация как раз и доказывает своими противоречиями наличие данной потенции мира, как доказывает она и то, что реализовывать эту потенцию выпало на долю и России.

Всякие попытки навязать России не-Россию обречены на провал, ибо руководствуются они лже-целью. Телеология России выходит за пределы европеизма как такового, отсюда и генетическое ему противо-действие. Россия вовсе не перед Европой и уж тем более не под Европой — она в Европе и рядом с Европой, но в то же время и за Европой, т. е. идет дальше Европы — к своему началу (именно началу, а не концу, причем началу не только будущему, но и бывшему и настоящему — к самозамыканию уже текущего начала).

За осознанием истинности Российской Реформации — ее устремленности к России, как и за осознанием пагубности «российской» лже-реформации — ее борьбы с Россией, скрывается возможность переустройства самой реформации, придания ей истинной ориентации, изменения характера и знака. Реформация не может быть антироссийской и антирусской, она не может быть разрушительной. Сейчас реформация идет всего более под знаком «минус», а должна идти под знаком «плюс». Реформация должна немедленно принять позитивный для России характер, ибо над бездной ничего и никому не удастся построить — даже пошлого буржуазного счастья для некоторого числа «избранных», ибо бездна поглотит все, не в последнюю очередь ее собственных устроителей.

Реформация — строгое дело России для России и для всего мира. Она священна и не может основываться на соблазнах, она почвенна и не может внедряться со стороны, она органична и не может не послужить всему человечеству. Главное сейчас — узнать

реформацию, а узнав, обеспечить ей соответствующий образ, обратив этот образ и на самих себя — вершителей реформации.

Реформацию нельзя строить на столкновении образов и на насилии. Дело здесь не в том, что Запад плох, что его ценности от лукавого, что он умирает и т. п., — мы так не считаем, — а дело в том, что западный образ нам не подходит, что его ценности нас не удовлетворяют (для нас их и маловато — нельзя же ограничиваться функциональностью и потребительством, да и не все они воистину привлекательны — тот же индивидуализм, например), что в жизни Запада, скажем откровенно, не так уж и много жизни. «Западнизация» России — роковая ошибка: это столкновение, это насилие, это и неразрешение главного вопроса реформации. Органичное восприятие чего-то западного, нас устраивающего, — совсем иное дело, но разве для этого нужна коренная ломка России, ее фронтальная и всеохватывающая «западнизация»?

Революционная атака на Россию — путь к бездне, а из бездны непросто и нескоро выбраться, да и не всем удастся. Зачем же лезть-то в нее, в бездну? Смута, которая охватила ныне Россию и СНГ, свидетельствует хоть и не о падении, но уж и не о сползании в бездну, скорее, об ускоряющемся в нее спуске. Отворачивать от бездны уже пора, но, с одной стороны, желания такого у правящих реформаторов что-то не прослеживается, а с другой — развороченная страна-улей уже инерцию немалую набрала, сбитое же с толку население-зомби шанс свой поджидает. Ситуация, как сказали бы раньше, архисложная.

Смута разгорается, апогея своего еще не достигла. Хорошо бы уже сейчас — в начале 1993 года — приступить к ее погашению, да у общественного поведения свои принципы — низы еще не почувствовали всей опасности пожара, а верхи пока не внемлют тревожным сигналам (где эксперимент, там и риск — рискуют!). Сигнал к преодолению смуты поступит, видно, позже, в еще больший ее разгар, на более низкой точке социального падения. И чем дальше в смуту, тем тяжелее выход из нее, тем более он дорогостоящ.

Наступит ли осознание необходимости перелома — преодоления смуты и изменения характера реформации? Если общество хочет жить и жить органично, а не искусственно, по-своему, а не по-чужому, уверенно, а не в страхе, то наступит. Не у всех, разумеется, сограждан великой страны, но, во-первых, у достаточного их числа, во-вторых, у тех из них, кто составляет фундамент общества,

у того самого *среднего класса*, который держит на себе общество, цементирует его и развивает. О ком идет речь? Вовсе не о мелких собственниках как таковых («с чувством хозяина»), а о широком слое тружеников-профессионалов, специалистов, квалифицированных работников, служащих, руководителей производств и коллективов, предпринимателей, т. е. о всех тех, кто органически заинтересован в нормальной социо-хозяйственной жизни, в ее правовой, гражданской и государственной организации, в эффективном труде на себя и на общество, в бытовой и общественной нравственности, в общественном порядке, в социальной справедливости. Речь идет о тех, кто видит дальше своего носа, кто заинтересован в органическом сочетании личного, семейного, коллективного и общественно-го, кто признает национальную государственность, для кого не может быть беженцев на своей земле и «некоренных» осколков собственного народа, кто понимает Россию и стоит за нее, кто свободен от надуманных крайностей, авантюризма и чужебесия. Именно этим-то гражданам и предстоит осознать необходимость «реформации реформации», именно им придется взять на себя миссию возрождения России и обеспечения ее российского преобразования.

И все-таки, произойдет ли ожидаемое осознание, проявит ли себя позитивно средний класс, возьмет ли он на себя тяжелейшую возрожденческо-переустрочную миссию? Должен. Жизнь заставит. Иного выхода нет, именно выхода, а не сомнамбулических блужданий по тупикам — тупиков грянет предостаточно.

Выход из тяжелейшего социо-государственного кризиса требует не только массового осознания необходимости выхода, его общего направления, он требует и сознательного алгоритма решения задачи, способа достижения поставленной цели, наконец, сознательного руководства переориентацией общества, изменением характера реформации, ходом нового социо-государственного строительства. Возникает вопрос о так называемом *субъективном факторе*.

Что касается общественного движения в пользу позитивных перемен, то оно постепенно нарастает, страдая, правда, разнохарактерностью и разрозненностью. Жизнь, однако, потребует консолидации, и она рано или поздно произойдет. Будет ли консолидация при этом добровольной и гетерогенной (посредством соединения частей в целое при их последующем сохранении в рамках целого) или же принудительной и гомогенной (с растворением частей в це-

лом), решит социополитическая практика, но консолидация эта должна быть, ибо ее требует сама реальность.

Практика решит вопрос и с лидерами, и обязательно, с одним — верховным — лидером. Лидеры сейчас обозначаются, растут, их множество, среди них есть замечательные личности. Но верховный лидер действительной Российской Реформации пока не проявился, Россия — в его ожидании. Кто им станет и как взойдет он на свое поприще? Все будет зависеть от обстоятельств: от глубины кризиса, положения населения, активности масс и движений, силы общественного маразма или, наоборот, гражданского сознания, состояния власти и многого другого. Ясно одно, затяжка с радикальной сменой реформационного курса повышает вероятность насильственных изменений, прихода к власти «сильной личности», введения особого режима и применения чрезвычайных мер.

Не хотелось бы всего этого, тем более что на длительную перспективу хороша все же власть полностью легитимная, та власть, которую граждане признают за свою, которой следуют и подчиняются. Задача общества и его активной части состоит в том, чтобы обеспечить вполне легитимную коррекцию реформационного курса, и лучше всего это сделать в сочетании с восстановлением «союза» и «союзных» государственных структур — естественных преемников исторической власти на территории России, РФ и СНГ. Разумеется, речь не может идти о восстановлении СССР как такового, речь может идти лишь о воссоздании геополитических структур, способных обеспечить настоящую легитимность всех возможных на территории бывшего СССР властей, с одной стороны, взаимообусловленное и гармоническое возрождение России и всего «ближнего зарубежья» — с другой.

Современное общество — грамотное, профессиональное, информированное — в состоянии понять, что не может быть полноценного развития «независимых государств» вне интеграционной (хотя бы конфедеративной) евразийской целостности, а в рамках этой целостности скрепляющая и ведущая роль не может не принадлежать России — столько даже государству, сколько социокультурному (цивилизационному) образованию. За разделением должно последовать объединение, за отрицанием России должно последовать ее признание. Что касается идеи восстановления империи, то мысль эту следует сегодня признать явно утопической и ненужной.

Когда мы говорим о реформации России, то имеем в виду, конечно, и существенную реформацию ее евразийской геополитической среды. Российскую Реформацию следует рассматривать как органическую часть — и, наверное, сердцевинную часть — более широкого реформационного процесса, способного привести все государственные образования «реформного мира» к новому качеству и к новому взаимному соотношению в рамках евразийского общежития.

Российская Реформация, будучи по духу своей российской, не может при этом не быть и евразийской — не столько уже по духу, сколько по пространству и системной обусловленности. Российская гомогенность должна сочетаться с евразийской гетерогенностью. Нельзя и не надо навязывать российские начала всем и вся, как нельзя и не надо рассчитывать на девственную чистоту Российской Реформации. Евразийский реформационный процесс масштабнее и сложнее собственно российской реформации, а российская реформация не может не предполагать внутри себя и другие — не совсем российские и даже в чем-то нероссийские — реализации.

Российская Реформация не может быть обособленной от мирового контекста. Питать иллюзию о возможной независимости России от зарубежного окружения недопустимо. Важна не изоляция, а здоровый контроль над внутренними процессами, позволяющий косвенно сдерживать и нежелательные влияния извне. Россия не может и не должна отгораживаться от многих общемировых процессов, например движения к мировой стабильности, к неоиндустриальной цивилизации, к экологизированной социальности и т. д. Однако Россия, как и все страны СНГ, не должны уступать в самобытности, суверенитете и партнерстве. Без России как специфического социокультурного феномена мир, обустроенный лишь по-западному, станет эсхатологически (завершающе) беден.

VIII

Страна, т. е. СССР, переживавшая уже в 1970—1980 годы серьезный кризис, оказалась к сегодняшнему дню на пороге настоящего хаоса. Этому благоприятно содействовала *либерально-буржуазная доктрина*, завезенная из-за рубежа и настойчиво внедренная в сознание населения средствами массовой информации. Любопытно, что внедрена она была в чисто мифологическом облике, в самой примитивной интерпретации, без всякого серьезного

разъяснения. Отсутствие в социуме многих качеств потребительского общества, равным образом и повседневной экономической практики (жизни по экономическим законам) — на работе и дома, неизведанность буржуазного (денежного) пути и недовольство окружающим небуржуазным (неденежным) миром, возникновение подпольных пробуржуазных слоев — все это содействовало неожиданно быстрому усвоению населением легенды о свободном обществе и свободном рыночном хозяйстве.

Еще более любопытно, что практика «движения к рынку» демонстрирует очень многое, но менее всего движение к рынку. Освобождение, да и то частичное и поверхностное, от административной зависимости, обернулось зависимостью экономической, причем не столько от рынка как такового, сколько от той же административной структуры и нерыночных экономических монополий, в среде которых оказались и монополии криминального типа.

Характерно, что либерально-буржуазная концепция никогда и нигде в полной и эффективной мере не реализовывалась: она хороша в лучшем случае для подправления слишком дирижистской (управленческой) и этатизированной (огосударственной) экономической системы, а в худшем — для борьбы с небуржуазными системами, для их разрушения, параллельного осуществления первоначального накопления капитала, а также для борьбы со странами-конкурентами, их ослабления изнутри и колонизации.

Примечательно и то, что либерально-буржуазная доктрина вовсе не чурается государства, но... в своих интересах (разве можно решать задачи разрушения, накопления капитала, социальной стратификации, подчинения или колонизации без сильной государственной воли?). Выключая государство в одном месте, она включает его в другом, не отвергая вовсе государственную инициативу, а лишь ее переориентируя.

Проводимая ныне в России «либеральная» денежно-финансовая политика, которая на деле скорее реализуется как экономикополитическая диктатура, не может иметь иных целей и результатов, кроме тотального разрушения старого порядка, стимулирования хаоса и формирования в хаосе и из хаоса только одной организации — торгово-ростовщического капитала. Именно это, а не что-либо другое, подтверждается практикой — увы, нет ни роста производства, ни насыщения спроса, ни стабильности цен, ни финансового благополучия.

Следуя либерально-буржуазной доктрине, российское общество обретает свободу от скрепляющих его уз, деформируется и «расформируется» (теряет форму), переходит в неопределенное состояние. Это ясно. Менее ясно другое: какое же новое общество идет на смену старому, что может конкретно-конструктивно выйти из усиливающегося хаоса, каково оно — новое формообразование? Либеральная доктрина отвечает несколькими достаточно туманными фразами: «частная инициатива и деньги сделают все», «рынок выведет на экономический оптимум», «конкурентное общество целесообразно самоорганизуется» и т. п. В сущности, либерально-буржуазная доктрина ничего не говорит о будущем устройстве общества, его смысле и духе, историческом предназначении. Она не имеет содержательного конструктивного социопроекта. А это очень рискованно, опасно. Либерализуясь, легко устремиться и к беспечно аморфному состоянию, и к бессмысленной гражданской войне, и к полному исчезновению. Мало того, можно через некоторое время легко попасть и под новый «цивилизационный» эксперимент, реализацию какой-нибудь выдуманной где-то и кем-то социополитической схемы, новой утопии. Почему бы нет? Сегодняшние «либеральные» реформы, порождающие беспорядок, могут смениться другими — совсем уж не либеральными — реформами, которые породят порядок, но вот какой?

И если российскому обществу не безразлично свое будущее устройство, если оно не может согласиться с неизвестностью, если оно не хочет стать объектом загадочного манипулирования, то решительный поворот в ходе реформации крайне необходим. Реформация должна-таки подчиниться иному, чем в «демократическом» сегодня, приоритетам — не разрушению, а созиданию, не частной, а общественной пользе, не внешним, а внутренним интересам, не анархии, а порядку, не произволу, а закону, не беспределу, а мере, не суесловию, а расчету, не слабости, а воле.

Моделируя общую парадигму реформации, можно предложить следующие символизированные решения:

Девиз: «Справедливость, порядок, духовность».

Цель:

- Россия как великое благо;
- справедливое устройство общества;

- мирная, упорядоченная, одухотворенная жизнь как основное благо; благосостояние россиян как главное национальное достояние.

Средство: свободное творчество граждан и их ассоциаций в рамках народовластного государственного порядка с участием общенационального лидерства.

Условия:

- общественное, гражданское, народное и общенациональное согласие;
- правовой порядок и гражданские свободы;
- исполнение гражданами национально-гражданских обязанностей;
- разнообразие форм собственности, хозяйствования, трудовой деятельности, иных реализаций социальной активности;
- государственная защита личности, семьи, собственности, любых законных институтов и образований, национальная безопасность;
- социальная, культурная, этническая, природная экология.

Особенность предлагаемого социопроекта в его уважении жизни, ее таинственности и воли, ее многообразия и целостности. Наш проект — не окончательная истина и не беспрекословная программа. Это не «левый» и не «правый» замысел, не центристский, не дуальный и не смешанный, и уж, конечно, не эзотерический (сверхреальный). Это вполне человеческий, вполне мирской, вполне жизненный замысел. Он избегает всякой односторонности, доктринальной заданности, догматической ограниченности. Он рассчитан на богатство жизни, учитывает его многовариантность, природную обусловленность и духовное величие.

В проекте только два императива, причем невыдуманных: один — Россия (позитивный императив) и другой — ненужность навязывания России не-России (негативный императив).

Наша российская, выражаясь по-современному, социогенетика дает право на выдвижение этих двух императивов, тому же служат, выражаясь уже не по-современному, и обыкновенный зов души и сердца. Но не только: есть здесь также зов ума и рассудка — как нельзя вылезть из собственной кожи, так и нельзя вырваться из собственного исторического образа.

Не дано ничего отвергнуть по усмотрению: ни арийских корней, ни славянских, ни русских; ни языческих истоков, ни христианских (православных), ни коммунистических; ни монархических элементов, ни общинных, ни советских. С социо-культурными чертами надо считаться. И так с каждым народом, каждым обществом, каждым цивилизационным образованием. Не дано и навязать что-либо по разумению: ни религии, ни идеологии, ни цивилизации; ни демократии, ни монархии, ни диктатуры; ни плана, ни рынка, ни денежного фетишизма. Экология социальной жизни в том-то и состоит, что либо жизнь сама вырабатывает что-то новое, либо свободно его воспринимает, но никак не принимает насильственно — в итоге всякого грубого натиска только борьба и раскол, запутанное и бесконечное неразрешение.

Два Великих Насилия Россия уже пережила, может стать, кажется, объектом и третьего, — так не хватит ли?

Обретет ли Россия желание остаться Россией и стать новой Россией, найдет ли для этого силы? Чему в конечном итоге послужит жестокое испытание, переживаемое Россией — России или не-России? Мы верим в Россию, ее возрождение и процветание, ибо за верой этой скрывается великий священный смысл, но верит ли в Россию сама Россия? Вопросы не случайные и вовсе не риторические. Россия на переломе и на перепутье — судьбоносном перепутье.

Мы указали благую цель и праведную дорогу, но выбор остается за самой Россией!

Июнь-август 1992 г.
Январь-февраль 1993 г.

IX

События 21 сентября — 4 октября 1993 г. подтвердили в основных чертах оценку исторической ситуации России, содержащуюся в настоящей работе. Не опровергли они главные ориентиры развития страны, не отменили характеристику Российской Реформации, ее общего хода. Можно даже сказать, что указанные события вполне вписались в нарисованную выше картину современной России, в логику ее страдательного «дрейфа», в эскиз ее нравственного состояния.

Смысл и значение сентябрьско-октябрьских событий выходит далеко за рамки столкновения ветвей власти, а уж тем более — по-

литических течений и личностей. Не определяются до конца данные события ни борьбой между сторонниками и противниками проводимых в России реформ, ни борьбой между либералами-западниками и государственниками-отечественниками, ни борьбой между «старой номенклатурой» и «новой буржуазией», хотя все эти противостояния получили в них известное отражение.

Смысл и значение События (позволим себе превратить события в событие) гораздо шире, глубже и, если так можно выразиться, дальше — в плане исторической перспективы, чем это представляется при ближайшем его рассмотрении, тем более при полном в него погружении. Попробуем оценить событие на расстоянии, не путаясь в его конкретных истоках и сплетениях, мысленно поместив его в насыщенный качествами, изменениями и коллизиями, пространственно-временной контекст.

Больное общество — большое событие.

О чем свидетельствует происшедшее: об ослаблении болезни или об ее углублении? Болезнь общества так сложна и так запущена, что однозначного ответа не дашь: и да, и нет. Что-то пошло на пользу страдающему организму, что-то — во вред.

Главное — произошло *обнаружение* и *расширение*. Исчезли некоторые двусмысленности, растаяли иллюзии, высветилось потаенное, обозначились новые тайны. Произошла развязка, необходимая для новой завязки. Россия прошла очередную бифуркационную точку: крутое смещение и резкую сшибку, моментное разветвление и новое растекание. Политическое поле очистилось на мгновение, но только для того, чтобы наполниться еще более сложными борческими конфигурациями.

Особенность события — *в отсутствии явных победителей, как, собственно, и явных побежденных*. Это не совсем конец и не совсем начало, скорее — продолжение, надо полагать, с новыми текстами и в новых обличьях. *Великий Выбор еще не осуществлен*. Есть наступающие и есть отступающие, есть активно действующие и есть только смотрящие. Великий Выбор предполагает *Великое Единение*, пусть далеко и не абсолютный консенсус, но все-таки единение, а его-то как раз и нет.

И проблемы великие не решены: ни социальные (собственности), ни хозяйственные (производства), ни политические (устойчивости общества), ни моральные (нормальной жизни). Все впереди. И не только разрешение тугих проблем, но и способы их разреше-

ния, а потому и в силе пока всякие варианты — те самые варианты, о которых шла речь выше. Событие, возможно, и подняло вероятность некоторых из исходов, но и не отвергло вчистую ни один из них.

Бросило событие и свои собственные семена в социо-историческую почву: как-то и чем-то отзовется оно в будущем?

Резонно, наверное, допустить укрепление правительственного варианта, как резонно допустить и единовластную форму его реализации, но не менее резонно задаться вопросом о социальной базе того и другого, о действительной возможности их практического претворения. Можно ли сегодня поручиться, что российское общество в целом и в реальности признало именно *этот* вариант и именно *этот* способ его достижения?

Ведь ушедшая авторитарно-административная система (коммунистическая), отнимая свободу говорить и самостоятельно действовать, давала людям необходимые жизненные условия и блага, пусть и не самые великие и яркие, но надежные. Приходящая же авторитарноадминистративная система (антикоммунистическая), маня броскими этикетками и слащавой роскошью, бросает людей в стихию самовывживания, отнимает у большинства из них условия и блага жизни, превращая последнюю в очень ненадежное и горестное событие. Да и закон уже не закон, и порядок уже не порядок, и произвол уже не произвол. Есть над чем задуматься простодушному россиянину.

Страна раскола. Вот это несомненно. Как справиться с расколом, как подобрать и удержать страну, как направить ее на истинный (какой?) путь? Можно ли это сделать насильно? А есть и будет ли всеобщий добровольный отклик, есть и объявится ли обшая конструктивная пассионарность?

Россия на то и Россия, чтобы ставить загадку за загадкой. Она все еще по существу безмолвствует, — нет ответа. Хотя, впрочем, не совсем безмолвствует, ибо событие осеннее сопровождалось-таки криком, но каким, о чем и кого?

Тайна. Что-то непостижимое для ума человеческого произошло в России и с Россией в сентябре-октябре 1993 г.? То ли России предсмертный стон, то ли старой России последний выдох, то ли новой России первый вздох, — кто знает? И как удивительно походит случившееся в Москве в 1993 г. на совершившееся около двух

тысяч лет назад в Иерусалиме! Та же искупительная и спасительная жертва, та же пронзительная весть, то же грядущее воскресение.

Неужели устроители осеннего действия сделают вывод о правильности и благотворности совершенного, о необходимости и возможности покорения своевольного социума, о полезности неискреннего и эгоистического реформирования? Неужели не поймут важности полной и гармоничной реформной переориентации?

Неужто не помыслят они о глубинном смысле События, не обратят внимание на его пророческую значимость? Останутся непоколебимыми?

Разве можно построить какое-то «правильное» общество *после, вопреки и в отрицание* сентябрьско-октябрьского подвига-жертвы?

Россия больна. Это бесспорно. Но бесспорно и то, что болезнь любая проходит. Нельзя сказать, что в России не осталось пассионариев, как нельзя сказать, что все российские пассионарии только и думают, что о своем обогащении. Сознание рождает *самосознание*.

Российская Реформация не остановилась. Она идет — явно и неявно. Рождаются новые организации и новые формы. Навстречу реформации сверху идет реформация снизу. В обществе зреет конфликт между реформацией снизу и реформацией сверху. Такой конфликт станет неизбежным, если «верхний» реформатор все еще убежден в благодетельности *радикального навязывания радикально неприемлемого* — для органического, природного, обитающего на своей собственной земле большинства.

России важно не допустить распада, избежать гражданской войны, сохранить себя. Она и занята сегодня самосохранением. Для России как никогда важно *стояние* — несмотря на все уловки и на все обиды. России нужно смотреть в себя, беречь и оберегаться, самопостигаться и самоизменяться.

Любовь и вера.

Любовь к Отечеству, вера в себя, в свое *самовозрождение*. Самосознание, самоответственность, самодисциплина.

Трудно, непривычно, а надо! Рабы — а лучше сказать, саморабы — ничего конструктивного не делают, в истории созидательно не участвуют, уважения к себе не обретают. На место самораба — *одухотворенный ответственный гражданин!*

Не разочаровываться, не расслабляться, не бежать.

Нет ничего ценнее для русского (по натуре и культуре) человека, чем жизнь в России, в российском климате, в российском Духе, в российских традициях. Русский охотно восхищается Западом и Востоком, дивится на них, в чем-то даже завидует, приобщается, но без России он не может. Раздражается на Россию, обижается, терпит неудобства и убытки, стенает, а жить без России не может. *Россия для русского — величайшая мистическая ценность.*

Есть какая-то необъяснимая слиянность Духа России с душой Русского Человека, и в этом тихом и гордом единении все их счастье, и несчастье, вся их харизма, вся судьба.

Россия так устроена (или же так неустроена), что русскому часто приходится делать выбор — либо с Россией, либо с не-Россией. И вот, что поразительно: отход от России опустошает, движение к ней — обогащает. Жизнь с Россией наполнена каким-то особым, важным смыслом. Жизнь становится удивительно светлой и значимой. *России изменять нельзя!*

Нельзя изменять и Российской Реформации, Россия вовсе не против реформ, но реформ по существу и духу российских. История уже достаточно продемонстрировала невозможность сочетать несочетаемое, так не лучше ли последовать за глубинными основаниями и потребностями российского социума, дать ему самому преобразиться, а водить его, лишь исходя из его исторической обусловленности и предназначения. Не об этом ли прокричала громко Россия во время ставшего уже сакральным сентябрьско-октябрьского События?

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Российская реформация. М.: Гуманитарное знание, 1994.

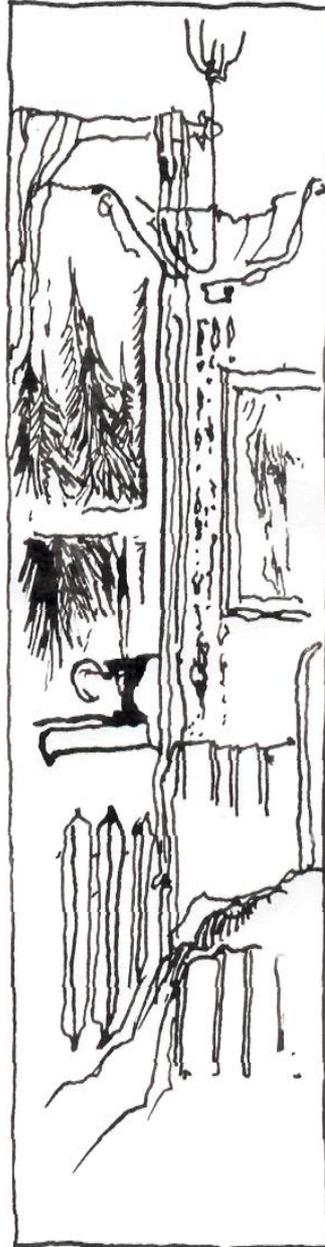
2. *Осипов Ю.М.* Российское перепутье: из века двадцатого в век двадцать первый. 1990—2023: избранные тексты, включая и остросюжетные: В 3 т. Т. 1. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2024. 534 с.

References

1. *Osipov YU.M.* Rossijskaya reformaciya. M.: Gumanitarnoe znanie, 1994.

2. *Osipov YU.M.* Rossijskoe pereput'e: iz veka dvadcatogo v vek dvadcat' pervyj. 1990—2023: izbrannye teksty, vklyuchaya i ostrosyuzhetnye: v 3 t. T. 1. Tambov: Izdatel'skij dom «Derzhavin-skij», 2024. 534 s.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Кончина В.П. Колесова

После продолжительной болезни ушел из жизни д.э.н., профессор *Василий Петрович Колесов*, 1933 г. р., выпускник экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 1966 г. по кафедре экономики зарубежных стран, которую в 1986 г. и возглавил, правда, уже как кафедру мировой экономики. В.П. Колесов немало поработал за границей, в частности в ЮНЕСКО, многие годы был заместителем декана экономического факультета, а в 1987 г. стал деканом, плодотворно прослужив на этом посту до 2012 г.

В.П. Колесов внес большой, можно сказать, что и неопределимый, вклад в судьбу и развитие экономического факультета, сделав его в рамках МГУ крупной самостоятельной единицей, изменив чуть ли не первым в стране систему образования, введя бакалавриат и магистратуру, а еще и построив для факультета отдельное, полное простора и света здание.

В.П. Колесов сыграл большую позитивную роль в истории лаборатории философии хозяйства. Сначала он поддержал инициативу по созданию в 1988 г. ее предшественницы — НИЛ сравнительного анализа хозяйственных механизмов, а затем, когда по его предложению в 1998 г. была официально провозглашена и зафиксирована в государственном реестре возникшая в рамках деятельности НИЛ САХМ научная школа — школа философии хозяйства, поддержал в 2000 г. переименование НИЛ САХМ в НИЛ ФХ. Позитивно Василий Петрович откликнулся и на предложение создать и издавать с 1999 г. от имени факультета научный журнал «Философия хозяйства», предоставив юридический адрес для госрегистрации журнала и охотно войдя в его научно-редакционный совет. Столь же позитивно он всегда откликался на любые научно-исследовательские инициативы НИЛ ФХ.

Да, история лаборатории философии хозяйства, а главное, нестандартного течения гуманитарной мысли, которому лаборатория себя посвятила, неразрывно связана с открытой, последовательной и эффективной поддержкой декана экономического факультета В.П. Колесова, за что все причастные к сему ученому течению люди — как люди МГУ, так и люди не из МГУ — выражают почив-

шему Василию Петровичу великую признательность, что в особенности делает и автор этих строк, имевший счастье находиться с В.П. Колесовым во взаимно искренних, вполне и дружеских личных и профессиональных отношениях.

Вечная ему память!

Главный редактор

* * *

Юбилей С.Г. Кара-Мурзы

Выдающему мыслителю современности, естественнику (химику) по образованию и гуманитария (обществоведу) по призванию, д.х.н., профессору *Сергею Георгиевичу Кара-Мурзе* 85 лет.

Трудно переоценить вклад С.Г. Кара-Мурзы в актуальную гуманитарность, в осознание текущих в мире и в России неоднозначных социо-культурно-хозяйственных процессов, в особенности же в осознание сути исторического происшествия, случившегося с родной страной в 1980—1990—2000-е гг., начавшегося еще в СССР, а акцентированно продолжавшегося уже в оставшейся от СССР Российской Федерации.

С.Г. Кара-Мурза — сторонник СССР как уникальной, не имевшей аналогов в истории народно-трудовой цивилизации. Именно Сергей Георгиевич доказал, что наибольшего социоэкономического взлета сия цивилизация добилась аккурат в послевоенные (относительно Великой Отечественной войны) годы, хоть и пришлось ему с досадой констатировать, что в это же время стала фактом скрытая работа всех антисоветских сил по ее — этой цивилизации — демонтажу.

Да, Сергею Георгиевичу принадлежат брошенные им с университетской трибуны в антисоветских и антироссийских 1990-х жесткие и горькие слова: «Нам (россиянам, стало быть. — *Ред.*) надо заслужить право быть эксплуатируемыми». Каково, а-а?! Но некоторое время спустя Сергей Георгиевич утвердительно заявил с

той же трибуны: «Им (русофобам, прежде всего. — *Ред.*) не удалось сломить наш (России, стало быть. — *Ред.*) национальный код», чем вселял надежду на выход РФ на самостоятельный и куда более социализированный путь бытия и развития.

Что говорить, уникален наш Сергей Георгиевич Кара-Мурза, таких ведь нигде более нет, и мы все, «причастники» к МГУ и журналу, гордимся тем, что среди нас-то он как раз есть — поразительный мыслитель и настоящий человек!

Здоровья Вам, дорогой Сергей Георгиевич, а крепости духа Вам не занимать!

* * *

Юбилей В.В. Кашицына

Вот и всегда молодому и полному сил *Виктору Валентиновичу Кашицыну*, выпускнику экономического факультета МГУ, к.э.н., профессору, заядлому яхтсмену, мастеру парусного спорта, чемпиону страны, стукнуло, что совсем и не страшно сказать, 70 лет!

В.В. Кашицын, долгое время проработавший в Государственном морском университете имени адмирала Ф.Ф. Ушакова в г. Новороссийске, многие годы возглавляя там кафедру экономической теории и взрастив уйму талантливых учеников, исполняет важную миссию по поддержанию и развитию национальной гуманитарной, прежде всего, экономической, скорее даже, политэкономической мысли на самом юге России, на самой Малой земле, чуть ли уже не в прифронтовом портовом российском городе.

Большое тут ученое и гражданское подвижничество, факт!

Не менее значимым фактом является и постоянное участие В.В. Кашицына в деятельности Философско-экономического ученого собрания, Академии философии хозяйства, в регулярно проводимых под их эгидой научных мероприятиях и в издаваемых коллективных публикациях.

Что ж, так держать, Виктор Валентинович, и попутного Вам ветра!

* * *

21 февраля 2024 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Фиктивно-нейросетевой финансовизм как призрак постэкономики» (в смешанном формате). Выступили 15 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), С.Г. Ковалев (СПб.), К.В. Молчанов, М.Ю. Павлов, А.И. Субетто (СПб.), К.А. Хубиев; кандидаты наук В.Е. Гаврилова, О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.А. Починкова (Новороссийск); ассистент А.И. Сироткина.

* * *

6 марта 2024 г. в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации прошла X Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Экономическая наука в новой реальности: от догмы к истине». В рамках конференции состоялся круглый стол «Экономическая наука на перепутье» (председатель — Ю.М. Осипов), на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, С.М. Аракелян (Владимир), В.Н. Боробов, М.С. Мокий, А.С. Родионов, А.И. Субетто (СПб.), И.К. Хузмиев (Владикавказ), С.В. Шманев, В.Н. Щербаков, Я.С. Ядгаров; кандидаты наук М.А. Алленых, В.В. Ворожихин, Л.Л. Жак (Прага), Е.С. Зотова, Г.А. Маслов, Е.М. Найденова, Н.П. Недзвецкая, В.А. Петухов, Е.А. Починкова (Новороссийск), И.П. Смирнов, Г.В. Фадейчева; научный сотрудник Т.С. Сухина; аспирант А.Э. Луговских; главный редактор журнала «Просвещение» В.Ф. Исайчиков.

Ю.М. ОСИПОВ

**Экономическая наука на перепутье
(выступление на круглом столе)***

Аннотация. Представлено изложение вступительного доклада на круглом столе «Экономическая наука на перепутье», прошедшего 6 марта 2024 г. в рамках X всероссийской научно-практической конференции «Экономическая наука в новой реальности: от догмы к истине» в Финансовом университете при Правительстве РФ.

Ключевые слова: экономика, экономическая наука, стоимость, цифровая экономика, финансомика.

Abstract. The article presents presentation of the opening report at the session «Economics at the Crossroads» held on March 6, 2024 as part of the All-Russian scientific and practical conference «Economics in a New Reality: from Dogma to Truth» at Financial University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: economy, economics, value, digital economy, financialomics.

УДК 330
ББК 65в

Для начала, уважаемые коллеги, хочу напомнить замечание, сделанное президентом В.В. Путиным на встрече с Такером Карлсоном: «У нас шоу или всерьез?». Я согласился на настойчивое приглашение Марины Леонидовны Альпидовской провести заседание круглого стола, рассчитывая на серьезный разговор.

Позволю себе хоть и вкратце по изложению мыслей, но не совсем вкратце по времени, поведать о своем представлении об экономической науке, ее нынешнем состоянии, как и об экономике как реальности. Почему считаю возможным это сделать? А потому, что разговор всерьез требует и серьезной его постановки.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Экономическая наука на перепутье // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 287—292. DOI: 10.5281/zenodo.10869496.

Пребывание более 60 лет в сфере экономической мысли и выработка некоего своего представления о предмете нашего сегодняшнего разговора (достаточно, хотя бы упомянуть трехтомную «Теорию хозяйства» (1995—1997) и «Экономику как есть. Откровения Зоила, или Судный день экономизма» (2017), а уж о работах 1970—1980-х гг. по проблемам того же хозяйственного механизма я не говорю, хотя не могу не упомянуть еще и моего «Опыта философии хозяйства» (1990)), позволяют мне, начиная сегодняшний разговор, пояснить, что я имел в виду, заявляя, корреспондентно с общей темой конференции, тему нашего круглого стола.

Давайте для начала задумаемся над некоторыми исходными моментами. Зададимся для начала вопросом: что есть экономического в экономике? Раз есть экономика и наука о ней, то что же тогда есть суть самой экономики, то бишь что есть «экономическое в экономике»? Наука, включая политическую экономию, говорила и говорит о чем угодно, только не об этом — о сути экономики именно как об «экономическом в экономике». Не распространяясь о разных подходах к сему моменту запутавшейся в самой себе экономической науки, отвечу: это стоимость, выраженная в деньгах и ценах («оцененных деньгах» и «оденеженных ценах», что есть своеобразный экономический кварк, когда ничего из целостности отбросить нельзя), однако стоимость, понимаемая в данном случае как идеальная трансцендентная субстанция, выраженная в цифровом счете-расчете, гнездящаяся сугубо в человеческих головах и ими же, этими головами, запускаемая в действие. Иного места для бытия возникающей, исчезающей и вновь возникающей стоимости, как и соответственно экономики как таковой, попросту нет!

Вообще экономика — не производство и потребление благ как таковых, не богатство из природных ресурсов и тех же благ, не, тем более, производительные силы и даже не производственные отношения, не говоря об оптимальном использовании ресурсов или еще о чем-то подобном, а как раз стоимость, которая вовсе не сама по себе отношение, а головной счет-расчет, вступающий в отношения в тех же головах и с их участием, однако в никакие другие, кроме стоимостного счета-расчета, становящегося в мире («море») голов общественным (так называемом «рыночным») процессом.

Стоимость — фактор хозяйственный, задающий хозяйству (его части) экономический — стоимостной — характер, превращающий его в экономику — не более того! Не само по себе хозяйство — экономика, а лишь хозяйство через посредство участвующего в хозяйстве экономического начала, но вовсе не домохозяйственного, а трансцендентного, умственного (как и безумственного) цифрового счета-расчета. Никакой рынок сам по себе ничего не считает, а считают стоимостные акторы, однако через посредство взаимодействия одной экономической цифры-числа (денег, цен) с другой экономической цифрой-числом в кооперации, конкуренции, борьбе, ну и в настоящей войне тоже.

Я выступаю против всякого физикализма гуманитарной мысли, рожденного Просвещением и воспринятого той же экономической наукой, ибо экономика с ее экономическим началом — никакая не физика, не система в физическом понимании, это стихия, «море-окиян», мало того — хаос и хаосмос, а не раз и навсегда заведенный как часы порядок. Тут господство не физики, а метафизики, от которой наука-физика как раз всячески отпрядывает, опираясь на свою опытно-практическую, или доказательную, достоверность, но отпрянуть до конца в объяснительном аспекте так и не может, что и вынуждены признавать сами «научники»-физики.

Предмет экономической науки не научен, он метанаучен и, как минимум, философичен, отчего и родилась на развалинах экономической науки, включая и развалины политической экономии, аккурат философия хозяйства (замечу, кстати, что политэкономия так и не объяснила не только почему она «экономия», разве лишь акцентировав внимание на производстве, присвоении и потреблении благ с использованием экономического, как раз стоимостного, метода, не объяснив при этом сути самой стоимости, той же цены, так ведь она еще и не объяснила, почему она — после Монкретьена — осталась «политической», хоть политэкономам и кажется, что все и так ясно, без объяснений!).

Что касается философии хозяйства, то она не есть ни часть, ни продолжение, ни дополнение, ни филиал экономической науки, тем более экономической теории — это самостоятельное направление гуманитарной мысли, но речь сейчас у нас не о философии хо-

зайства, хотя она незримо здесь присутствует аки тень отца Гамлета.

Когда я говорю об экономической науке, то не имею в виду экономические технологии вроде бухучета и того же финансового дела, которые возникают, существуют и развиваются помимо науки, не сильно в ней и нуждаясь, будучи всего-навсего, пусть и весьма тонким и заумным, экономическим ремеслом.

Что же сейчас? А сейчас, если даже говорить об экономике в моем понимании, то на месте экономики вольготно разместился обширный, если не тотальный, «финансовый фиктивизм», который я уже с конца 1990-х гг. называю финансомикой — фиктивные деньги, фиктивные цены, фиктивные капиталы, фиктивные инвестиции, не в том смысле, что реального ничего здесь нет, а в том, что сама эта реальность уже фиктивная, она вся в лучшем случае «квази», а в худшем «псевдо», а в общем — вполне себе фальшивая реальность.

Тот же доллар или та же цена на нефть реальны как факт, но ведь они даже в идеальном отношении бессодержательны, голы, пусты, это всего лишь функциональные цифры-числа, спускаемые в реальное хозяйство откуда-то сверху, с потолка, если хотите, с неба, а может, вытаскиваемые из самой преисподней, но никак они уже не из реальной хозяйственной жизни, наоборот, они вбрасываются в реальную, во много уже и фальшивую, жизнь, да еще и с соблюдением псевдохозяйственной конспирации (коммерческой-де тайны).

«Экономика» снизу уже заменена на «экономику сверху», а последняя не может не быть фальшивой, отчего не экономизм ныне, а его фальшивый подменитель, что как раз и означает начало вытеснения экономики постэкономикой с ее глобальной техноцифровизацией.

Да, пока еще экономическая цифра в основе рождается, управляется и подтверждается человеком — центрами решений и всем социумом. Экономическая цифра, несмотря на ее нынешнюю фиктивность и произвольность, пока еще хомосоциальна, а теперь вовсю ускоряется процесс замены ее на технотронную цифру и перевода нарастающей постэкономике в режим того, что я назвал еще в 1997 г. в своей «Теории хозяйства» техномикой.

Что из всего этого уже и вскорости, реально выйдет — мы пока еще достоверно не знаем, зато можем заметить через прицел метанаучного дискурса, что модное ныне понятие «цифровая экономика» — явный оксюморон, то бишь самоотрицающееся высказывание, ибо экономика всегда цифровая, мало того, никакой другой «материей», кроме цифры, она просто не обладает. И ежели до сих пор цифра в экономике остается так или иначе хомосоциальной, то, став окончательно в основе технотронной и вытеснив тем самым саму себя — хомосоциальную — окончательно из оборота, цифра так обустроит то, что мы по инерции все еще называем экономикой, что от нее останутся рожки да ножки, а на ее месте как раз и возникнет цифровая техномика, однако и с соответствующей ей тотальной постэкономической и технотронной диктатурой.

Мы собрались вовсе не для того, чтобы академично меж собой поговорить, вещая каждый о чем-то своем и непременно безотносительно к теме заседания. Я полагаю, что наша цель была и остается, если уж не понять что-то, то хотя бы задуматься над тем, что же есть на самом деле экономика и отражающее ее знание, а мой вывод о том, что экономика онтологически ина, а экономическая гносеология далека от всего этого онтологически иного и терпит, как выражался Ф. Энгельс, «свое скандальное банкротство», как раз и обусловлен исходной инаковостью экономики как онтологического феномена и, соответственно, необходимостью иного ее гносеологического толкования.

Нравится нам это или нет, но экономики в ее классическом научном понимании как не было, так и нет, но раньше была хоть возможность ее научно-физикалистского толкования (материя, системность, порядок, законы и т.д.), а сейчас все круто изменилось, настолько, что с прежним ментальным багажом не то, что в рай, даже и в ад не пустят.

Мой приход к такому вот заключению обязан не каким-то там специальным исследованиям, даже не многолетним раздумьям, хоть и не без всего этого, а открытиям, нередко и внезапным, выведшим меня сначала из гносеологического тупика, а затем из тупика онтологического.

Я ведь не критикую экономическую науку, это все в прошлом, я ее преодолеваю, что тоже в прошлом, однако делаю это с

непременным выходом на инозрение и инознание, то бишь на иное видение и на иное ведение экономики, как и онтологических в ней перемен, выводящих экономику в постэкономическое сущностное состояние.

Как бы то ни было, а практической экономике все равно, что о ней думает абстрактная экономическая мысль, кроме, однако, одного момента — ее, экономики, как и постэкономики, разоблачения: тут выходит не так даже «голый король», как у Андерсена, как всего лишь «пустая цифирь», обязанная своей функциональностью и, так сказать, полезностью силе и только силе, разумеется, разной, включая и традицию, и инерцию, и безысходность, но в главном — за океанскую.

Что ж, время покажет, кто из нас прав, и ежели сейчас экономический человек лишь счетно-решающая оцифрованная голова с неопределенностью и даже произвольностью своего экономического поведения в среде таких же, как и он, голов, то завтра это уже будет мало что оцифрованная голова, а попросту — механизм, встроенный в большой такой технотронный гипермеханизм с доминирующим в нем техническим и постчеловеческим искусственным квазипсевдоразумом его — не человека уже, а постчеловека — заводящий, наводящий и само собой благодетельствующий.

Прошу прощения, если что не так, да вот реальность на нас бесцеремонно давит, активно переходя в постреальность, если не в антиреальность, правда, об этом нам пока лучше уж помолчать.

АНОНСЫ — 2024

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2024

Научная конференция экономического факультета МГУ

Круглый стол лаборатории философии хозяйства

«Философия хозяйства и экономическая мысль: единение в разнообразии»

Заседание посвящается 25-летию научного журнала
«Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук
и экономического факультета МГУ

Журнал выходит с 1999 г. 6 раз в год объемом 19 н.л. номер, с середины 2000-х находится в Перечне ВАК. Всего увидели свет полторы сотни книжек журнала. Об актуальности журнала и его содержательном разнообразии особо говорить не приходится: философия хозяйства, экономическая теория, актуальная философия, актуальная экономика, актуальная социология, актуальная политология, актуальная история, включая историю мысли, в общем — вся общественная гуманитарность. А уж об авторах рассуждать тем более нет никакой нужды: от зарекомендовавших себя выдающихся ученых до начинающих искателей гуманитарной истины. Много чего нового журнал стал первооткрывателем: журнал-работник, журнал-соратник, журнал-друг. Не претендуя на вычурную пиар-известность, как и на неперенное признание со стороны окружающей научной общественности, не говоря об официальных кругах, журнал делает и делает свое благое дело, посвящая себя свободной мысли, а не принудительным номенклатурным показателям: кто желает, тот и выражает себя в журнале, кому надо, тот журнал и читает, а сам журнал «журналист себе и журналист», — а что еще надо для вольной гуманитарности, включая и экономическую, как не возможность свободного слова, как раз от сего журнала и неотъемлемого!

А что касается объявленного секционного заседания, так ведь никогда не вредно посвятить часы — те же философско-хозяйственные и экономические, однако не забывая и о других часах: философских, социологических, политологических, исторических, да мало ли еще каких, ибо тут не псевдоученое сектантство с его конечными догмами и запретами на поиск, а ученая открытость с ее раз-

мыслительной новизной и откуда-то вдруг берущейся парадоксальностью. Что ж, подумаем, «помненничаем», глядишь, и поумнеем, а ежели нет, так хоть насладимся вольной вибрацией неоцифрованного интеллекта, его еще не убитой технократизмом способностью нелогично, но плодотворно удивлять!

Отсюда три способа постижения экономики: как смыслологии (с опорой на феномен воспроизводящейся через посредство реального хозяйства трансцендентной стоимости с возможным эффектом ее трансцендентного же расширения); как цифрологии (с анализом движения экономических, немало и трансцендентного свойства, цифр, чисел, величин, причем с уверенностью чуть ли не как их единственно верной фактической данности); как высказывающей из трансцендентного «черного ящика» экономики, мифологии, что пригожей, что ложной, что лукавой, причем самого разного разряда — управленческого, экспертного, научного, воззренческого, обыденного, фантомного, никакого.

И чего же здесь бывает больше: понимания, знания, веры, а может, и попросту невозмутимой магии, как и непонимания, незнания, наивного заблуждения, а то и вполне себе торжествующего шарлатанства?

Неплохо бы разобраться!

17—18 апреля 2024 г.

(МГУ, экономический факультет)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

«Софиасофия как эсхатологический продукт постфилософического времени»

Вышедшая из русской софийной философии конца XIX и всего XX в. софиасофия, заключающая в себе первенство Софии Премудрости Божией над человеческой софией — явный продукт эсхатологического времени — мало, что в широком плане постгуманитарного, так

ведь еще и постфилософического, когда философия служит более всего уже самой себе — как все накопленному знанию, однако запасованному перед вдруг развернувшейся и брызнувшей мертвецкой нефилософичностью нынешней реальностью-ирреальностью, отчего либо софисофия, пожалуй что, и спасительная, либо, увы... ничего, — а ежели не так, тогда — как, а главное — что?!

Конец мая — начало июня 2024 г.
(МГУ, экономический факультет)

* * *

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
из цикла
«Средняя Россия: земля и люди»
на тему:

**«Актуальное бытие российское:
как есть и камо грядеши?»**

Как живет-может Россия и Тамбовщине? Да не просто хорошо или плохо, а то и кое-как, а содержательно-функционально: хозяйственно, экономически, социально, народонаселенчески, трудово-творчески, гуманитарно, в общем — экзистентно-стратегически, на сегодня и на перспективу? Почему обо всем этом нам не поговорить: по-ученому, по-граждански, по-человечески, почему не обменяться мнениями, не выверить меж собой свои представления о текущем и немало ускользающем от пристального внимания, а то и не поделиться свежими изысканиями вкупе с добытой научной же новизной?!

Июнь—июль 2024 г.
(МГУ, экономический факультет совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района Тамбовской области)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2024

Всероссийский научный симпозиум

«Цифра против слова, число против мысли, информация против смысла: что на выходе?»

Хоть уже и набила на языке типун сия сакраментальная тема, а говорить обо всем этаким надо, в особенности нам — остаточным гуманитариям, да не с целью кого-то там в чем-то своем убедить (исключено!), мало того, еще и спасти гуманитарность, которая уже в отмене, нет, вовсе нет, а всего лишь, чтоб не стать в своих же глазах вахлаками, а ведь это цель, не так ли?!

Сентябрь—октябрь 2024 г.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Мир на переломе: геополитика, экономика, техногенез»

Секции:

Секция 1. Россия в мире и мир в России: реалии и ожидания.

Секция 2. Экономика под эсхатопеременами.

Секция 3. Человечество под натиском технотейросети.

5 — 7 декабря 2024 г.

(экономический факультет МГУ, смешанный формат)

5 декабря, 15.00—18.00 — пленарное заседание «Мир в движении: тяжкая поступь восставшей апокалиптики» смешанный формат,

6 декабря, 15.00—19.00 — работа секций, онлайн-формат,

7 декабря, 13.00—16.00 — панельная дискуссия на тему: «*Мир — война, или Человек в схватке с самим собою: мотивы, алгоритмы, исходь*», смешанный формат.

Ежегодное собрание Академии философии хозяйства

Отчет за 2024 г. и перспективы на 2025 г. Доклад президента Академии и прения.

Информация о конференции будет размещена на сайте лаборатории философии хозяйства <http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/>.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

БИРЮКОВ ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления, Омская гуманитарная академия, Омск, Россия (*sciencebv@gmail.com*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*nkovaleva379@gmail.com*).

ГУЗЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волжский, Россия (*guzev@vgi.volsu.ru*).

ХУБИЕВ КАЙСЫН АЗРЕТОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*khubiev48@mail.ru*).

ГАВРИЛОВА ВАЛЕРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики для естественных и гуманитарных факультетов, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*lera.gavrilova@mail.ru*).

ХАЗИН МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ,

президент, Фонд экономических исследований М. Хазина; действительный государственный советник РФ (в отставке), Москва, Россия (*khazin@yandex.ru*).

НЕДЗВЕЦКАЯ НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА,

кандидат экономических наук, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

МИЩЕНКО ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ,

аспирант, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*mishchenko.vp@gmail.com*).

ПАВЛОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*1tm@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

ФАТЕНКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия (*fatenkov@fsn.unn.ru*).

ХОЛОДНОВА КСЕНИЯ НИКОЛАЕВНА,

аспирантка, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*kholodnovaksenia@mail.ru*).

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор политических наук, профессор, старший научный сотрудник, Центр изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет (Шанхай, КНР); кафедра социальной антропологии и межкультурных коммуникаций, Сибирский институт управления — РАНХиГС (Новосибирск, Россия); кафедра политологии, Томский государственный университет (Томск, Россия); кафедра истории, Кемеровский государственный медицинский университет (Кемерово, Россия) (*birs.07@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).
Agrarian University, Yekaterinburg, Russia (*kostskp@mail.ru*).

BIRYUKOV VITALY VASILIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economy and Management, Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russia (*sciencebvv@gmail.com*).

KOVALEV SERGEY GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (*nkovaleva379@gmail.com*).

GUZEV MIKHAIL MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Volzhsky branch of Higher Education «Volgograd State University», Volzhsky, Russia (*guzev@vgi.volsu.ru*).

KHUBIEV KAISYN AZRETOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*khubiev48@mail.ru*).

GAVRILOVA VALERIYA EVGEN'EVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economics for Natural Sciences and Humanities, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*lera.gavrilova@mail.ru*).

KHAZIN MIKHAIL LEONIDOVICH,

President of the Foundation for Economic Research M. Khazin; Acting State Adviser of the Russian Federation (retired), Moscow, Russia (*kha-zin@yandex.ru*).

NEDZVETSKAYA NATALIYA PAVLOVNA,

Candidate of Economics, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

MISHCHENKO VLADIMIR PETROVICH,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*mishchenko.vp@gmail.com*).

PAVLOV MIKHAIL YURIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*1tm@mail.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

FATENKOV ALEKSEY NIKOLAYEVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia (*fatenkov@fsn.unn.ru*).

KHOLODNOVA KSENIYA NIKOLAEVNA,

Postgraduate Student, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*kholodnovaksenia@mail.ru*).

BIRYUKOV SERGEY VLADIMIROVICH,

Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Researcher, Center for the Study of Russia of the East China Pedagogical University (Shanghai, China); Department of Social Anthropology and Intercultural Communications, Siberian Institute of Management – RANEPА (Novosibirsk); Department of Political Science, TSU (Tomsk); Professor, Department of History, KemS-MU (Kemerovo, Russia) (*birs.07@mail.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — номера

ция формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует нарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.